

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

18 2026
ЧАСТЬ VII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 18 (621) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Петр Леонидович Капица* (1894–1984), советский физик, инженер и инноватор.

Петр Леонидович Капица родился в Кронштадте в дворянской семье. Его отец отвечал за возведение кронштадтских крепостных сооружений и дослужился до чина генерал-майора, а мать была известным педагогом, знатоком русского фольклора.

С детства Петр проявлял смекалку в технических вопросах и интерес к мудреным конструкциям. В 1912 году 18-летний Петр Капица с отличием окончил реальное училище. Отсутствие гимназического аттестата закрыло ему доступ в университет, и он поступил в Политехнический институт.

Главную роль в формировании физических идей Петра Капицы сыграл профессор Абрам Иоффе. Он привлек способного ученика к работе в лаборатории, привил навыки исследовательской деятельности.

Студенческие годы Капицы совпали с переломными моментами в истории России. Первая мировая война застала Петра Леонидовича в Шотландии. Только в конце 1914 года он смог вернуться в Россию, чтобы тут же отправиться на фронт. В январе — марте 1915 года Капица служил под Варшавой в составе добровольного санитарного отряда в качестве водителя, но в апреле того же года вернулся в Петроград и продолжил учебу.

Летом 1916 года по семейным делам Капица совершил поездку в Китай и Японию. В том же году в печати появились первые публикации молодого ученого: «Инерция электронов в амперовых молекулярных токах» и «Приготовление волластоновских нитей». По методу Капицы их тут же изготовили для лаборатории Иоффе. В 1917–1918 годах Капица принимал деятельное участие в образовании физико-механического факультета при Политехническом институте и Физико-технического института (ФТИ) при Академии наук. Несмотря на тяготы Гражданской войны, в сентябре 1919 года молодой человек окончил институт и получил специальность инженера-электрика. Он устроился научным сотрудником в ФТИ и параллельно начал преподавать в родном институте.

В апреле 1921 года Петр Капица вошел в состав делегации, собранной для восстановления научных связей с Европой. Летом он прибыл в Лондон, посетил знаменитую Кавендишскую лабораторию. По просьбе Иоффе Капицу приняли туда стажером. С Кавендишской лабораторией связаны следующие 13 лет жизни Капицы. Первым лабораторным исследованием Капицы стало измерение потери энергии α -частицы в конце ее движения. Вскоре Петр Леонидович стал доктором философии Кембриджского университета, а также членом Тринити-колледжа. В то же время Академия наук СССР присвоила Капице степень доктора физико-математических наук и избрала его членом-корреспондентом.

В 1930 году ученый стал профессором-исследователем Лондонского королевского общества, специально для

него построили современную лабораторию. Аппараты Капицы по сжижению водорода и гелия заставили пересмотреть сами принципы сжижения газов в промышленности, в первую очередь кислорода. Основное направление научной деятельности Капицы в 1930-е годы — природа жидкого гелия. В результате экспериментов в пределах критических температур ему удалось обнаружить потерю вязкости и появление сверхтекучести гелия. Опираясь на эти данные, Лев Ландау впоследствии разработал квантовую теорию жидкого гелия.

В 1934 году Капица по традиции приехал на родину, чтобы прочесть курс лекций и повидать близких, однако вернуться в Лондон не смог: по личному распоряжению Сталина ученого решили не выпускать из страны. Спустя полгода ученый принял предложение советского правительства о сотрудничестве. Он согласился возглавить специально учрежденный под его исследования Институт физических проблем (ИФП), который и стал местом работы Капицы на многие десятилетия. Разработанные Капицей методы сжижения воздуха стали революционными в разделении воздуха на азот, кислород и инертные газы.

В январе 1939 года Капицу избрали действительным членом Академии наук СССР. Во время Великой Отечественной войны он входил в Научно-технический совет при Государственном комитете обороны.

В августе 1945 года Капица получил назначение в Спецкомитет по разработке атомной бомбы, но, не сработавшись с председателем комитета Берией, вскоре попросил освободить его от работы. Этот поступок вызвал недовольство Сталина. Петра Леонидовича освободили от должности директора ИФП, а в 1950 году уволили из МГУ.

Годы опалы Капица переживал на своей подмосковной даче на Николиной горе. Он организовал небольшую лабораторию из двух комнат, кухни и гаража, прозванную им и его коллегами «Избой физических проблем». Ученый разрабатывал мощные СВЧ-генераторы и с их помощью получал стабильный плазменный шнур. Физика плазмы и электроника больших мощностей оставались приоритетной темой исследований Капицы последующие три десятилетия.

В январе 1955 года Капицу восстановили в должности директора ИФП, и этот пост он занимал до самой смерти. В конце жизни заслуги Петра Леонидовича Капицы получили наивысшее признание в научном мире: в 1978 году ему присудили Нобелевскую премию по физике. В числе наград ученого — шесть орденов Ленина, Сталинская премия, Орден Трудового Красного Знамени.

22 марта 1984 года Капица почувствовал себя плохо, и его увезли в больницу, где диагностировали инсульт. 8 апреля, не приходя в сознание, Капица скончался. Похоронен ученый в Москве, на Новодевичьем кладбище.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Гаршина К. Д.

Сущность и конституционные основы права на обжалование действий и решений должностных лиц, нарушающих права и свободы граждан в РФ..... 451

Гуцев Д. К.

Использование системы «Безопасный город» при расследовании и раскрытии хищений автомобилей 454

Давидюк В. А.

Антимонопольное регулирование деятельности цифровых платформ (маркетплейсов) в Российской Федерации 456

Дедовец-Панкратов И. В.

Организация и оценка эффективности прокурорского надзора за исполнением законов органами местного самоуправления и их должностными лицами 460

Долгих И. С., Зеленцов Н. С.

Эволюция правового регулирования противодействия экстремизму в российском законодательстве..... 462

Дубинин А. Д.

Защита прав на виртуальное имущество 464

Жеварина П. Д.

Правовые основы налоговой системы Российской Федерации 466

Журов М. А.

Антикризисное регулирование предпринимательства в Иркутске: региональные аспекты и практика..... 468

Зозуля В. А.

История становления института астрента: генезис французской модели и ее рецепция в российском праве..... 470

Зубенко О. А.

Комбинированная реорганизация: содержание и признаки 474

Ильин Р. Ю.

Актуальные вопросы института брачного договора в Российской Федерации 477

Камчатная А. М.

Юридическая архитектура Болонского процесса: нормативно-правовой анализ преимуществ и ограничений для участников образовательных правоотношений 479

Карасева С. О.

Правовая практика защиты религиозной тайны в современном американском законодательстве: конституционные гарантии и пределы законодательного регулирования..... 481

Киль В. А.

Трансформация правового статуса адвоката в уголовном процессе советского периода 483

Князева П. Р., Еремеева С. А.

Неоплаченный провоз багажа пассажирами в общественном транспорте Москвы: проблема и пути решения..... 489

Колесникова Е. М.

Проблемы охраны произведений от искажения третьими лицами после смерти автора 492

Куделина М. А.

Философия права и эволюция подходов к правам человека: вклад С. С. Алексеева 494

Лаушкина О. С.

Социальное обеспечение лиц, имеющих звание «Почетный донор России» 495

Лусс Е. А.

Влияние организационной (корпоративной) культуры на развитие и урегулирование корпоративных конфликтов..... 497

Малышев С. Ю.

Банкротство физических лиц: проблемы теории и практики..... 499

Мансуров Д. Р.

Правовое регулирование противодействия преступности с использованием цифровых технологий и искусственного интеллекта: проблемы и направления совершенствования 501

Мосина Д. А.

Поэтапная реформа института банкротства
в России: государственный регистр
арбитражных управляющих и механизм их
случайного назначения как инструменты
снижения коррупционных рисков 503

Мутикова Л. Р.

Цифровизация ипотечных отношений:
правовые аспекты и проблемы реализации ... 506

Орлова А. М.

Характеристика составов административных
правонарушений в промышленности,
строительстве, энергетике 508

Остапенко Е. В., Михайлова А. Д.

Административно-правовой статус личности
в Российской Федерации и Объединенных
Арабских Эмиратах..... 511

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Сущность и конституционные основы права на обжалование действий и решений должностных лиц, нарушающих права и свободы граждан в РФ

Гаршина Ксения Денисовна, студент магистратуры
Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

Данная статья посвящена исследованию сущности и конституционных основ права на обжалование действий и решений должностных лиц, нарушающих права и свободы граждан в Российской Федерации. В работе анализируются принципы и механизмы реализации данного права, а также его значение для защиты конституционных гарантий человека и гражданина. Особое внимание уделяется вопросам правового регулирования, судебной и административной практике, обеспечивающей возможность эффективного обжалования.

Актуальность темы обусловлена возрастанием роли правозащитных институтов в современном обществе и необходимостью совершенствования правовых инструментов противодействия злоупотреблениям со стороны должностных лиц. Гарантирование права на обжалование является важнейшим элементом функционирования правового государства и обеспечивает баланс между властью и гражданином, укрепляя доверие общества к государственным структурам.

Ключевые слова: конституционные основы, нарушение прав и свобод граждан РФ, должностные лица, сущность.

Essence and constitutional basis of the right to appeal against actions and decisions of officials violating the rights and freedoms of citizens in the Russian Federation

Garshina Kseniya Denisovna, master's student
Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Krasnogorsk)

This article explores the essence and constitutional foundations of the right to appeal against actions and decisions of officials that violate the rights and freedoms of citizens in the Russian Federation. It analyzes the principles and mechanisms of exercising this right, as well as its significance for protecting the constitutional guarantees of human and civil rights. Special attention is given to the legal regulation, judicial, and administrative practices that ensure effective appeal procedures.

The relevance of this topic is driven by the growing importance of human rights institutions in modern society and the need to improve legal tools to combat abuse by officials. The guarantee of the right to appeal is an essential element of the functioning of a legal state and ensures a balance between the government and the citizen, strengthening public trust in government institutions.

Keywords: constitutional foundations, violation of the rights and freedoms of Russian citizens, officials, and essence.

Право на обжалование действий и решений должностных лиц представляет собой один из ключевых механизмов защиты прав и свобод граждан в правовом государстве. Оно обеспечивает возможность законного реагирования на неправомерные действия властных структур и способствует соблюдению принципов законности, справедливости и прозрачности в государственном управлении. Согласно ст. 46 Конституции РФ каждый гражданин имеет право обращаться в суд за защитой нарушенных прав и свобод [1]. Такое обращение может быть

направлено против незаконных действий, бездействия либо актов государственного органа или должностного лица, повлекших нарушение субъективных прав граждан.

Вместе с тем судебная практика зачастую отличается отсутствием единообразия подходов к оценке законности оспариваемых действий, что затрудняет реализацию гражданами своего права на судебную защиту.

Право на обжалование — это конституционно гарантированная возможность гражданина требовать пересмотра или отмены незаконных или неправомерных дей-

ствий и решений должностных лиц, которые нарушают его права и свободы.

Данное право реализуется через различные формы обращения — жалобы, апелляции, заявления, которые подаются в вышестоящие органы, суды или специальные контролирующие учреждения. Ключевая функция данного механизма — не допускать злоупотреблений властью и обеспечивать возможность справедливого разрешения конфликтных ситуаций.

Конституция Российской Федерации признает и закрепляет право на обжалование в ряде статей:

— Статья 46 гарантирует каждому право на обращение в государственные органы, а также право на рассмотрение обращений.

— Статья 55 предусматривает возможность защиты прав и свобод всеми предусмотренными законом способами, включая судебную защиту.

— Статья 59 устанавливает обязанность государственных органов действовать в рамках закона и уважать права граждан.

Таким образом, конституционные нормы формируют основу для реализации права на обжалование, обеспечивая его правовой статус и полномочия для защиты граждан от неправомерных действий должностных лиц.

По данным Судебного департамента Верховного Суда РФ, ежегодно граждане обращаются в суды общей юрисдикции с исковыми заявлениями о признании недействительными нормативных правовых актов и незаконными действий должностных лиц [2]. Так, в 2023 году количество рассмотренных дел составило около 78 тысяч, из которых примерно треть были удовлетворены судами первой инстанции. Однако статистика показывает, что число обращений существенно снизилось по сравнению с предыдущими годами — вероятно, вследствие ужесточения требований к порядку подачи жалоб и упрощения досудебных процедур урегулирования споров.

Несмотря на существование развитого механизма судебной защиты, многие эксперты указывают на наличие серьезных препятствий, препятствующих эффективному использованию гражданами права на обжалование.

Одной из главных проблем является сложность доказывания нарушения прав. Практика судов демонстрирует, что истцам часто приходится сталкиваться с необходимостью представить исчерпывающие доказательства факта нарушения их прав действиями должностного лица. Зачастую гражданам сложно собрать необходимые материалы самостоятельно, особенно учитывая специфику юридических документов и отсутствие юридической поддержки.

Причинами сложности являются: Недоступность информации и документов. Часто ответственные органы ограничивают или скрывают информацию, затрудняя гражданам сбор доказательств. В отсутствие доступа к официальным бумагам выявить нарушение сложно. Бюрократические барьеры. Формальные требования к оформлению жалоб и доказательств могут быть сложными для обычного гражданина, особенно без юридиче-

ской подготовки. Это увеличивает риск формальных отказов. Отсутствие свидетелей и независимых экспертиз. В ряде случаев, особенно при внутренних нарушениях или коррупции, очевидцев событий найти сложно, а проведение независимых экспертиз — дорого и затратно по времени. Сложности интерпретации правовых норм. Для оценки действий должностных лиц необходима глубокая правовая экспертиза — не всегда доступная для заявителей.

По данным исследования Института государственного и муниципального управления (2022) [3], около 40 % жалоб не переходят в стадию рассмотрения из-за недостатка доказательств. Аналитики отмечают, что большая часть отказов вызвана именно формальными причинами, связанными с недоказанностью фактов нарушения.

Правозащитники подчеркивают, что при отсутствии достаточных доказательств пострадавшие оказываются фактически лишёнными возможности защитить свои права через официальные механизмы.

Пути решения данной проблемы являются введение специальных процедур помощи заявителям в сборе и оформлении доказательств (консультации, юридическая поддержка), использование современных технологий (видеофиксация, электронные запросы) для объективного документирования фактов, создание независимых экспертных комиссий для оценки спорных ситуаций, обучение должностных лиц и граждан юридической грамотности и процедур подачи жалоб.

Сложности доказывания правонарушений существенно снижают эффективность защиты прав граждан. Устранение барьеров в доступе к информации и поддержка заявителей в процессе сбора доказательств способствуют более справедливому и объективному рассмотрению жалоб, что повышает доверие к системе правосудия.

Еще одной немаловажной проблемой следует выделить длительность судебных разбирательств. Судебное рассмотрение жалоб нередко затягивается на месяцы и годы, что снижает эффективность правового регулирования и лишает граждан своевременной защиты их интересов. Нередко наблюдается ситуация, когда дела рассматриваются длительное время без объективных оснований, создавая дополнительное давление на заявителей.

Длительность судебных разбирательств является одной из ключевых преград на пути эффективной защиты прав граждан в юридической сфере. Затяжные процессы не только увеличивают нагрузку на участников, но и снижают доверие к судебной системе в целом.

Причинами затягивания рассмотрения дел являются недостаток кадров и ресурсов. Перегруженность судов и нехватка квалифицированных судей приводят к образованию большого количества невостребованных дел. Сложность процедур и большого объема документов. Юридические процедуры требуют тщательного изучения большого количества материалов, что удлиняет срок рассмотрения. Тактика затягивания со стороны участников

процесса. Ответчики или их представители могут сознательно затягивать рассмотрение, используя ходатайства, апелляции и прочие процессуальные возможности. Формальные процессуальные требования. Многоступенчатая структура судебных инстанций и многочисленные этапы рассмотрения затягивают вынесение окончательного решения.

По данным Верховного Суда России (2023), средний срок рассмотрения гражданского дела в первой инстанции составляет около 6–9 месяцев, в то время как рассмотрение сложных или спорных дел может занимать более 1,5–2 лет. Аналитики отмечают, что в некоторых регионах сроки заметно превышают средние показатели, что связано с локальными перегрузками судов.

Пути решения данной проблемы заключаются в следующем: повышение судейской нагрузки за счет увеличения числа судей и эффективного использования административных ресурсов, оптимизация и автоматизация судебных процессов с применением информационных технологий, введение механизмов ускоренного рассмотрения дел, особенно по актуальным и социально значимым вопросам, сокращение возможности злоупотребления процессуальными правами.

Длительность судебных разбирательств существенно снижает эффективность защиты прав граждан и замедляет реализацию правосудия. Принятие мер по оптимизации судебных процессов и повышению их прозрачности позволит сократить сроки рассмотрения и повысить доверие общества к правовой системе.

Еще одной проблемой является недостаток независимости и объективности органов, рассматривающих жалобы. Проблема независимости и объективности органов, рассматривающих жалобы на действия должностных лиц, является одной из ключевых преград для эффективной реализации права граждан на защиту своих прав и свобод. Часто органы, уполномоченные рассматривать жалобы, связаны с системой власти, внутри которой работают те же должностные лица, в действиях которых усматриваются нарушения. Это создаёт конфликт интересов и снижает уровень доверия граждан к таким процедурам.

По исследованиям многих институтов меньше половины опрошенных россиян выражают доверие объективности и беспристрастности рассмотрения жалоб в административном порядке. При этом существующие внутренние проверки и контроль со стороны вышестоящих инстанций часто выглядят формальными и не-

достаточно жесткими, что не восполняет дефицит независимости.

Кроме того, официальные отчёты зачастую не публикуются в полном объёме, а в отдельных случаях факты давления либо остаются вне рассмотрения, либо обрабатываются без реальных последствий для виновных.

Резюмируя вышесказанное, можно предложить ряд рекомендаций: создание независимых надзорных органов с полномочиями проводить объективные и публичные расследования жалоб. Введение института общественного контроля с участием гражданских активистов и экспертов. Обязательность публикации отчётов о рассмотрении жалоб и принятых мерах для обеспечения прозрачности и подотчётности. Усиление ответственности за нарушения в процессе рассмотрения жалоб, включая дисциплинарные и уголовные меры.

Эти меры позволят повысить доверие граждан к системе защиты их прав и обеспечат реальный контроль над действиями должностных лиц.

Право на обжалование действий и решений должностных лиц, нарушающих права и свободы граждан, является одним из ключевых элементов правового государства и гарантией защиты достоинства, законных интересов и свобод личности. Конституция Российской Федерации закрепляет это право как неотъемлемую часть системы обеспечения прав и свобод человека и гражданина, устанавливая обязанность государственных органов и должностных лиц действовать в строгом соответствии с законом.

Сущность данного права заключается в возможности каждого гражданина защищать свои нарушенные права посредством обращения в вышестоящие органы, суды или уполномоченные учреждения. Это обеспечивает контроль за законностью и обоснованностью действий властных структур, способствует предотвращению злоупотреблений и произвола со стороны должностных лиц.

Конституционные основы права на обжалование выражены в ряде статей Конституции РФ, прежде всего в статьях 17, 45, 46, 55 и 59, где закреплены принципы равенства перед законом, право на судебную защиту, возможность обращения за защитой в органы государственной власти и право на судебное рассмотрение споров. Законодательство дополнительно конкретизирует порядок и формы обжалования, включая административные процедуры и судебный контроль.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 4 июля 2020 г. № 144.
2. Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации // <https://www.vsr.ru/documents/statistics/32699/> (дата обращения: 26.01.2026).
3. Экспертно-аналитическое исследование: Разработка предложений по совершенствованию законодательства. — Текст: электронный // hse.ru: [сайт]. — URL: <https://ipag.hse.ru/research/ekspertno-analiticheskoe-issledovanie-razrabotka-predlozheniy-po-sovershenstvovaniyu-zakonodatelstva/> (дата обращения: 30.04.2026).

Использование системы «Безопасный город» при расследовании и раскрытии хищений автомобилей

Гуцев Даниил Константинович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматриваются актуальные вопросы использования аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию хищений транспортных средств. Проанализирована сущность и структура системы, выявлены ее ключевые функциональные подсистемы. Особое внимание уделено тактическим и процессуальным аспектам получения и фиксации доказательственной информации с камер видеонаблюдения, а также проблемам, возникающим при использовании данных АПК «Безопасный город» в уголовном судопроизводстве. Сформулированы выводы о высокой эффективности системы как инструмента оперативно-розыскной деятельности и доказывания по делам о хищениях автомобилей. В заключении предложены рекомендации по совершенствованию нормативно-правового регулирования и организационно-тактических алгоритмов применения АПК «Безопасный город» в целях повышения раскрываемости данной категории преступлений.

Ключевые слова: раскрытие преступлений, расследование, хищение автомобилей, угон, видеонаблюдение, искусственный интеллект, Безопасный город.

Using the «Safe City» system in detecting and investigating vehicle theft

This article examines current issues related to the use of the «Safe City» hardware and software system in law enforcement efforts to detect and investigate vehicle thefts. The system's nature and structure are analyzed, and its key functional subsystems are identified. Particular attention is paid to the tactical and procedural aspects of obtaining and recording evidentiary information from CCTV cameras, as well as to the challenges arising when using «Safe City» data in criminal proceedings. Conclusions are drawn regarding the system's high effectiveness as a tool for operational investigative activities and evidence-based investigations in vehicle theft cases. Recommendations are offered for improving the legal framework and organizational and tactical algorithms for using the «Safe City» software system to increase the detection rate of this category of crime.

Keywords: crime detection, investigation, car theft, carjacking, video surveillance, artificial intelligence, Safe City.

Хищения транспортных средств, оставаясь достаточно распространенным преступлением против собственности, представляют серьезную угрозу как для имущественных интересов граждан Российской Федерации, так и для экономической безопасности государства в целом. Небывалые темпы развития технологий обуславливают постоянное совершенствование способов незаконного завладения транспортными средствами. В настоящее время традиционные методы розыска транспортных средств и лиц, совершающих преступления, зачастую оказываются недостаточно оперативными и эффективными в условиях высокой квалификации и мобильности преступников. Вышеуказанная ситуация обуславливает необходимость использования современных цифровых технологий в борьбе с преступностью, в частности — аппаратно-программный комплекс «Безопасный город».

АПК «Безопасный город» — это совокупность технических и программных средств, состоящая из камер видеонаблюдения, установленных на улицах, в общественных местах, на транспортных узлах и перекрестках, а также программного обеспечения, предназначенного для обработки, распознавания, хранения и анализа собранных материалов. Особенностью данной системы является возможность не только отслеживать объекты

в реальном времени, но и проводить анализ ранее собранных видеоматериалов, включая распознавание государственных регистрационных знаков автомобилей, лиц, а также маршрутов их передвижения. Использование возможностей аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» органами внутренних дел позволяет эффективно достигать поставленных целей, таких как установление обстоятельств совершения преступления или выявление событий, предшествующих событию преступления [1].

На первоначальном этапе раскрытия хищения транспортного средства наиболее важным фактором является оперативное получение достоверной информации о событии преступления и причастных к нему лицах, чему способствует АПК «Безопасный город». Камеры видеонаблюдения, расположенные на улицах города, способны зафиксировать как сам момент совершения преступления, так и характерные черты преступника, используемые орудия, позволяя восстановить хронологию событий и способ завладения транспортным средством.

Аппаратно-программный комплекс в автоматическом режиме распознаёт государственный регистрационный номер автомобиля, давая возможность установить маршрут передвижения похищенного автомобиля. Спо-

собствует этому также и большое количество камер, установленных в разных частях города. Современные методы анализа собранных видеоматериалов благодаря внедренному искусственному интеллекту помимо распознавания номерных знаков автомобилей способны установить марку, модель, цвет автомобиля, а также с высокой долей вероятности установить личность самого преступника [2]. Кроме того, анализируя видеоматериалы, оперативный сотрудник может выявить все перемещения подозреваемого, предшествовавшие преступлению, и последующие за ним, его контакты с сообщниками и место сокрытия похищенного автомобиля [3]. Наиболее явный пример успешного применения системы «Безопасный город» был приведен в работе Лозовской Н. Н. и Ульяновой И. Р., где благодаря камерам видеонаблюдения удалось задержать группу лиц, напавших на сотрудников инкассации, отследив маршрут преступников как до, так и после совершения преступления [4].

Таким образом, АПК «Безопасный город» является одним из наиболее эффективных инструментов оперативно-розыскной деятельности, обеспечивающим своевременное получение информации как о совершенном преступлении, так и о самом преступнике. При расследовании преступлений, связанных с неправомерным завладением транспортным средством, оперативное получение сведений является крайне важным фактором.

Одной из ключевых проблем использования систем видеонаблюдения является придание полученным сведениям доказательственного значения. В данный момент УПК РФ прямо не регламентирует порядок изъятия и приобщения к материалам дела данных с камер, относящихся к системе «Безопасный город».

В настоящее время для использования видеоматериалов в качестве доказательств необходимо произвести их выемку в соответствии со статьей 183 УПК РФ, приобщить к материалам уголовного дела на основании постановления следователя, после чего произвести осмотр с составлением протокола, отражающего условия изъятия видеозаписи, сведения об оборудовании и содержание самого видеоматериала.

Отсутствие в законодательстве прямого указания на видеоматериалы, полученные из АПК «Безопасный город», несовершенство процедуры изъятия видеозаписей, а также возможность фальсификации записей являются существенными проблемами, которые снижают эффективность раскрытия преступлений.

Для преодоления вышеуказанных проблем необходимо регламентировать порядок получения, хранения и использования в доказывании видеоматериалов из аппаратно-программного комплекса «Безопасный город».

Как было верно отмечено Ивановой Е. С., благодаря высокому качеству современных камер, видеозаписи позволяют установить характерные черты внешнего облика людей, их функционально-динамические особенности, что делает их ценным источником криминалистически значимой информации [3].

Постоянно развивающиеся технологии искусственного интеллекта обуславливают серьезные перспективы повышения эффективности системы. В качестве направлений развития можно отнести совершенствование алгоритмов распознавания лиц, марок, моделей и государственных регистрационных знаков автомобилей, а также прогнозирование поведения преступника, основанное на анализе полученных ранее данных.

Рассматривая вопрос совершенствования использования аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», нельзя не отметить целый ряд направлений, требующих проработки.

Так, в целях нормативно-правового регулирования необходимо регламентировать порядок получения, хранения и использования видеоматериалов АПК «Безопасный город» как в ходе оперативно-розыскной деятельности, так и в ходе уголовного судопроизводства.

В техническом плане требуется постоянное увеличение плотности покрытия территорий камерами видеонаблюдения, не оставляя без внимания дворы, гаражные кооперативы, парковки, проселочные дороги и секторы индивидуальных жилых домов.

Не менее важным аспектом является подготовка квалифицированных кадров, имеющих навыки работы с аппаратно-программным комплексом и способных использовать получаемые данные в расследовании и раскрытии преступлений.

В связи с необходимостью незамедлительного получения оперативно значимой информации, представляется необходимым обеспечить бесперебойный круглосуточный доступ сотрудникам правоохранительных органов к АПК «Безопасный город», что позволит повысить эффективность расследования хищений транспортных средств. Майоров В. И. в своей работе особое внимание уделил координации и оповещению о противоправных действиях и происшествиях, подчеркнув, что крайне важным является организация приема и автоматической обработки сигналов о происшествиях [5].

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» является крайне эффективным инструментом раскрытия и расследования хищений транспортных средств, позволяющим в кратчайшие сроки получать всю значимую информацию о совершенном преступлении, включая все обстоятельства события, причастных к нему лиц, а также маршруты передвижения людей и автомобилей.

Однако, для реализации всех возможностей АПК «Безопасный город» необходимо решение целого ряда проблем процессуального, технического и организационно-тактического характера. Развитие технологий искусственного интеллекта и алгоритмов, а также повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, в свою очередь, будут способствовать дальнейшему повышению эффективности и качества расследования и раскрытия преступлений, связанных с неправомерными завладениями транспортными средствами.

Литература:

1. Кузьмин Н. А., Кузьмина Т. Н. Отдельные аспекты использования аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в раскрытии преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 5. С. 135–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-ispolzovaniya-apparatno-programmnogo-kompleksa-bezopasnyy-gorod-v-raskrytii-prestupleniy> (дата обращения: 28.04.2026).
2. Кузьмин Н. А., Половинка А. Ю. О некоторых возможностях использования искусственного интеллекта в системе АПК «Безопасный город» при раскрытии преступлений в г. Москве // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 177–180. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-vozmozhnostyah-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-sisteme-apk-bezopasnyy-gorod-pri-raskrytii-prestupleniy-v-g> (дата обращения: 28.04.2026).
3. Иванова Е. С. Перспективы использования аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» как источника получения образцов для сравнительного исследования // Журнал правовых и экономических исследований. 2024. № 3. С. 98–104. URL: <https://giefjournal.ru/node/2314> (дата обращения: 28.04.2026).
4. Лозовская Н. Н., Ульянова И. Р. Отдельные аспекты использования аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в процессе раскрытия и расследования преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 11. С. 163–168. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-ispolzovaniya-apparatno-programmnogo-kompleksa-bezopasnyy-gorod-v-protssesse-raskrytiya-i-rassledovaniya> (дата обращения: 28.04.2026).
5. Майоров В. И. Аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» как инструмент противодействия преступности // Виктимология. 2022. Том 9. № 4. — С. 445–451. URL: <https://www.victimolog.ru/index.php/victimo/article/view/507> (дата обращения: 29.04.2026).

Антимонопольное регулирование деятельности цифровых платформ (маркетплейсов) в Российской Федерации

Давидюк Вероника Александровна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена анализу правовых и организационных проблем, связанных с антимонопольным регулированием деятельности цифровых платформ, прежде всего маркетплейсов, в Российской Федерации. Рассматриваются ключевые нормативные нововведения, появившиеся в результате принятия пятого антимонопольного пакета и Федерального закона № 289-ФЗ об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики, анализируются критерии установления доминирующего положения владельцев цифровых платформ, исследуется правоприменительная практика Федеральной антимонопольной службы. Особое внимание уделяется сопоставлению позиций исследователей относительно разграничения понятий «цифровая платформа», «агрегатор» и «маркетплейс», а также вопросам совершенствования механизмов антимонопольного контроля на цифровых товарных рынках. Обосновывается тезис о необходимости расширения перечня мер антимонопольного воздействия за пределы запрета монополистической деятельности и о целесообразности введения категории «цифровой товарный рынок» в качестве самостоятельной правовой конструкции.

Ключевые слова: цифровая платформа, маркетплейс, антимонопольное регулирование, сетевой эффект, доминирующее положение, пятый антимонопольный пакет, платформенная экономика, конкурентное право, электронная коммерция.

Стремительное проникновение цифровых технологий в сферу товарного обмена привело к тому, что значительная доля сделок между продавцами и покупателями сегодня совершается при посредничестве онлайн-площадок, получивших название маркетплейсов. По сведениям ФАС России, за период с 2020 по 2024 г. сектор электронной коммерции увеличился в денежном выражении в 7,5 раза, а его доля в розничной торговле выросла с 5 до 23 процентов. Удельный вес маркетплейсов в общем

объёме электронной коммерции достиг к концу 2024 года 64 процентов [1]. Столь масштабный рост порождает закономерный вопрос: располагает ли действующее конкурентное законодательство достаточным инструментарием для предотвращения злоупотреблений со стороны владельцев таких площадок.

Осознание законодателем необходимости адаптировать антимонопольные механизмы к условиям цифровой экономики нашло выражение в принятии так называемых

мого пятого антимонопольного пакета — Федерального закона от 10 июля 2023 г. № 301-ФЗ [2], которым Закон о защите конкуренции [3] был дополнен статьёй 10.1 и рядом иных нововведений. Путь к этим поправкам оказался непростым: первоначальный законопроект получил отрицательную оценку регулирующего воздействия и критику со стороны Минцифры России, а отраслевые объединения IT-компаний указали на расплывчатость ключевых формулировок, способных, по их мнению, распространить ограничения на любые сделки в сфере электронной коммерции [4, с. 922]. Тем не менее итоговый текст закона закрепил базовые правовые конструкции, ставшие фундаментом антимонопольного контроля на цифровых рынках: категорию сетевого эффекта, понятие цифровой платформы и специальный запрет монополистической деятельности её владельцев.

Категория «сетевой эффект» выполняет системообразующую функцию в механизме антимонопольного контроля на цифровых рынках. Закон определяет его как свойство товарного рынка, при котором потребительская ценность цифровой платформы изменяется в зависимости от количества продавцов и покупателей. В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петров и М. П. Рубанова обращают внимание на то, что определение самой цифровой платформы является производным от дефиниции сетевого эффекта, что способно затруднить правоприменение: объём данного понятия не вполне ясен вне контекста нормы, в которую оно встроено. Указанные авторы последовательно отстаивают позицию, согласно которой способность оказывать решающее влияние на условия обращения товара «далеко не всегда обусловлена сетевым эффектом» — она может порождаться, к примеру, эффектом масштаба или аддитивным эффектом [4, с. 923, 930]. Такой подход заслуживает поддержки, поскольку привязка доминирования исключительно к одному феномену цифровой среды сужает регулятивное поле и оставляет без внимания иные механизмы наращивания рыночной власти.

Закон о защите конкуренции устанавливает три кумулятивных критерия для признания хозяйствующего субъекта, владеющего цифровой платформой, доминирующим: сетевой эффект, предоставляющий возможность решающего влияния; доля сделок, превышающая 35 процентов от общего объёма на соответствующем рынке; выручка свыше двух миллиардов рублей за последний календарный год. В. А. Малышева и Д. А. Конева справедливо расценивают введение указанных критериев как логическое продолжение усилий государства по регулированию маркетплейсов и подчёркивают ключевой характер определения сетевого эффекта для оценки рыночного положения платформы [5, с. 41]. Вместе с тем количественные пороги вызывают ряд вопросов. Во-первых, стоимостный порог выручки в два миллиарда рублей зафиксирован в абсолютных величинах, что неизбежно потребует его периодической корректировки под влиянием инфляционных процессов. Во-вторых, остаётся неясным, с каким именно товарным рынком следует соотносить долю

сделок — только с цифровым или также с традиционным, офлайн-оборотом тех же товаров.

Не менее дискуссионным является и само понятие «цифровая платформа». В действующей редакции Закона о защите конкуренции оно раскрывается через указание на программы для ЭВМ в информационно-телекоммуникационных сетях, обеспечивающие совершение сделок между продавцами и покупателями. Л. А. Ханчукаева проводит обстоятельный анализ соотношения терминов «цифровая платформа», «агрегатор» и «маркетплейс» и приходит к выводу о том, что первое из них является родовым, охватывающим два последних, однако агрегатор и маркетплейс между собой не тождественны: они различаются по владению физической инфраструктурой, способу подключения продавцов, целевому функционалу и ряду других параметров [6, с. 93]. Этот вывод имеет практическое значение, поскольку действующая статья 10.1 Закона о защите конкуренции адресована владельцам цифровых платформ без дифференциации по типу платформенного образования. Между тем нетранзакционные платформы, т. е. агрегаторы, тоже способны оказывать существенное влияние на потребительский выбор и, как следствие, на конкурентную среду.

В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петров и М. П. Рубанова поднимают ещё одну проблему, имеющую принципиальное значение для правоприменения: необходимость разграничения фигуры владельца платформы и фигуры её оператора. Для состояния конкуренции значима именно операционная деятельность — администрирование платформы, определяющее условия совершения сделок, а не факт принадлежности программного кода тому или иному правообладателю [4, с. 929]. На практике ситуация может складываться так, что алгоритмы ценообразования и условия сделок заложены в программах, принадлежащих одному лицу, тогда как операторские функции выполняет другое. Если запрет адресован исключительно «владельцу» платформы, возникает очевидная лакуна. Данное наблюдение приобретает дополнительную актуальность с учётом того, что Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [5], вступающий в силу с 1 октября 2026 г., оперирует понятием «оператор посреднической цифровой платформы», отделяя его от владельца.

Указанный Федеральный закон № 289-ФЗ заслуживает отдельного рассмотрения. Д. М. Ашфа отмечает, что данный акт определяет правовые основы платформенной экономики и вводит регулирование отношений между операторами посреднических цифровых платформ, их партнёрами и иными пользователями, а государственный контроль за соблюдением его требований возложен на ФАС России [8, с. 15]. И. В. Князева, Е. С. Горева и Н. С. Носков конкретизируют, что закон обеспечивает установление «справедливых договорных условий между платформой и партнёрами, защиты от злоупотреблений со стороны операторов, честных правил поиска

и ранжирования» [9, с. 6]. Представляется, что принятие данного закона является значимым шагом, поскольку до его появления антимонопольное законодательство содержало лишь один вид запрета применительно к цифровым рынкам — запрет монополистической деятельности владельцев платформ. Вместе с тем нельзя не заметить, что закон ещё не вступил в силу, и его практическая эффективность может быть оценена лишь после формирования правоприменительной практики.

Анализ действий ФАС России за последние два года демонстрирует формирование устойчивого тренда на активное применение нового инструментария. А. А. Карапетян, анализируя практику выдачи предупреждений маркетплейсам, указывает, что в апреле 2024 г. регулятор выдал предупреждения в адрес Wildberries и Ozon по признакам нарушения статьи 10.1 Закона о защите конкуренции: оба маркетплейса навязывали продавцам невыгодные условия, включая запрет на размещение контактной информации, одностороннее подключение услуг и непрозрачность оснований для расторжения договоров [10, с. 43]. Маркетплейсы внесли изменения в оферты, что свидетельствует об определённой результативности механизма предупреждений. Д. М. Ашфа дополняет картину сведениями о том, что в феврале 2025 г. обоим крупнейшим маркетплейсам были вновь выданы предупреждения — на этот раз из-за автоматического включения товаров продавцов в распродажу без их согласия и за их счёт [8, с. 15]. В апреле 2026 г. ФАС выдала очередные предупреждения Wildberries и Ozon — в связи с увеличением сроков выплат продавцам, изменением тарифов после приёмки товаров и введением платной услуги «оригинал», вводящей потребителей в заблуждение [11].

Принципиально важно, что антиконкурентное поведение на цифровых рынках не ограничивается злоупотреблениями самих платформ. Фиксируется появление новых форм нарушений, совершаемых продавцами при посредничестве маркетплейсов. В частности, в 2024–2025 гг. ФАС обнаружила картель на маркетплейсах: 27 продавцов на ушников объединились в мессенджере для синхронного изменения цен и совместных действий против добросовестных конкурентов, не вступивших в сговор [12]. Помимо этого, зафиксирована практика «массовых заказов», когда конкуренты заказывают крупные объёмы товара добросовестного продавца в отдалённые регионы, а затем отказываются от покупки, выводя товар из оборота и причиняя убытки [13]. Подобные практики свидетельствуют о том, что регулирование должно охватывать не только поведение самих платформ, но и действия третьих лиц, использующих инфраструктуру маркетплейсов для ограничения конкуренции.

В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петров и М. П. Рубанова формулируют предложение, которое способно существенно обогатить понятийный аппарат антимонопольного права: ввести категорию «цифровой товарный рынок» и рассматривать его в качестве смежного по отношению к традиционному товарному рынку тех же то-

варов [4, с. 935]. Смежность предполагает возможность взаимопроникновения антиконкурентных и проконкурентных эффектов между цифровым и нецифровым оборотом. Данное предложение методологически ценно, поскольку решает проблему сопоставления рыночных долей: если считать цифровой и традиционный рынки единым пространством, любая крупная платформа автоматически выглядит менее влиятельной; если же разграничить их, доминирование становится очевидным уже при наличии двух-трёх платформ. Вместе с тем введение такой категории потребует пересмотра Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утверждённого приказом ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220, который в своих пунктах 10.3–10.4 ориентирован на определение продуктовых и географических границ рынка применительно к традиционным (нецифровым) отношениям [14].

Зарубежный опыт подтверждает общую тенденцию к ужесточению антимонопольного контроля в цифровой среде. Л. А. Лейс и А. Ю. Чернова указывают на то, что Европейский Союз принял Digital Markets Act и Digital Services Act, содержащие жёсткие правила для регулирования маркетплейсов, а Китай в 2021 г. оштрафовал Alibaba на 2,8 миллиарда долларов за запрет поставщикам сотрудничать с конкурирующими площадками. В США рассматривается American Innovation and Choice Online Act, нацеленный на предотвращение злоупотреблений цифровых платформ [15, с. 3]. А. А. Карапетян дополняет, что в Европейском Союзе цифровые платформы признаются доминирующими по количественным критериям, а шесть компаний включены в перечень «привратников» (gatekeepers), к которым применяются повышенные регуляторные требования [10, с. 41]. Российское регулирование, в отличие от европейского, пока не содержит механизма ex ante — заблаговременного установления обязательств для крупных платформ до выявления конкретных нарушений. Вступающий в силу в 2026 г. Федеральный закон № 289-ФЗ приближает отечественную модель к европейской, однако масштаб этого сближения станет ясен лишь после появления подзаконных актов и правоприменительной практики.

Проблемы, с которыми сталкиваются участники рынка, носят не только правовой, но и экономический характер. А. И. Паутова отмечает, что маркетплейсы начали злоупотреблять доминирующим положением: диктовать поставщикам условия хранения, приёмки, продаж, принуждать к участию в акциях, взимать дополнительные комиссии и менять условия договора в одностороннем порядке [16, с. 189]. Информация, полученная из результатов опроса, представленного Л. А. Лейс и А. Ю. Чернова, показывает, что более половины опрошенных продавцов сталкивались со сложностями продвижения товаров, значительная часть — с высокими комиссионными сборами, а почти каждый шестой стал жертвой необоснованных штрафов. Покупатели тоже испытывают трудности: более половины респондентов отметили непрозрачность системы рей-

тинга и отзывов [15, с. 2]. Подобные данные вполне коррелируют с результатами анализа правоприменительной практики: именно навязывание невыгодных условий и непрозрачность алгоритмов ранжирования чаще всего фигурируют в предупреждениях ФАС.

И. В. Князева, Е. С. Горевая и Н. С. Носков систематизируют базовые теории функционирования платформенных рынков и выделяют шесть направлений: теория двусторонних рынков, теория сетевых эффектов, экономика больших данных, теория экосистем, теория транзакционных издержек и динамическое ценообразование. Авторы подчёркивают, что сетевой эффект порождает самоподдерживающийся рост платформы: чем больше покупателей, тем привлекательнее площадка для продавцов, и наоборот, что создаёт высокие барьеры входа для новых участников. Между тем стандартные методы оценки рыночной власти — через подсчёт рыночных долей — оказываются недостаточными в условиях цифровых экосистем, где влияние платформы определяется не только финансовыми показателями, но и объёмом аккумулированных данных о поведении пользователей, качеством алгоритмов персонализации и степенью зависимости продавцов от единственного канала сбыта. Маслов, на работу которого ссылаются И. В. Князева и соавторы, утверждает, что «именно наличие сильных сетевых эффектов требует специфического антимонопольного подхода, поскольку традиционные критерии оценки доминирования и рыночной власти оказываются недостаточными в условиях цифровых экосистем» [17, с. 7, 11, 16–21].

Практическую реализацию нового регулирования длительное время осложнял мораторий на проверки аккредитованных ИТ-компаний, введённый Постановлением Правительства РФ от 24 марта 2022 г. № 448 [18]. Данный мораторий лишал антимонопольный орган возможности проводить контрольные мероприятия в отношении включённых в реестр Минцифры организаций. Его отмена Постановлением Правительства от 20 марта 2024 г. № 340 [19] фактически «разблокировала» применение ст. 10.1 Закона о защите конкуренции и позволила ФАС перейти от мягких инструментов — меморандумов и стандартов саморегулирования — к выдаче предупреждений и возбуждению дел.

В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петров и М. П. Рубанова последовательно аргументируют необходимость расширения перечня мер антимонопольного воздействия на цифровых рынках. Действующее законодательство за-

крепляет лишь запрет монополистической деятельности владельцев платформ, тогда как арсенал потенциальных угроз конкуренции значительно шире. Авторы предлагают ввести запрет на цифровые антиконкурентные соглашения как самостоятельную разновидность, установить запрет недобросовестной конкуренции на цифровом товарном рынке и предусмотреть особенности государственного контроля за экономической концентрацией при совершении сделок с активами в цифровой среде [4, с. 935]. Правомерность такого подхода подкрепляется практикой: случай картеля 27 продавцов наушников, выявленного ФАС в 2025 г., показывает, что антиконкурентные соглашения на цифровых рынках уже существуют, а их участники используют алгоритмические инструменты для координации поведения. Отсутствие чёткой классификации таких соглашений в законе создаёт правовую неопределённость.

Подводя итог, можно констатировать, что российское антимонопольное законодательство за последние три года прошло значительный путь в направлении адаптации к реалиям цифровой экономики. Пятый антимонопольный пакет заложил нормативный фундамент для борьбы с злоупотреблениями владельцев цифровых платформ, а Федеральный закон № 289-ФЗ призван дополнить его системным отраслевым регулированием. Вместе с тем ряд концептуальных проблем остаётся нерешённым. Во-первых, действующее законодательство не содержит категории «цифровой товарный рынок», без которой определение рыночных долей и оценка конкурентной среды на цифровых площадках остаются методологически уязвимыми. Во-вторых, запрет монополистической деятельности на цифровых рынках адресован «владельцу» платформы, тогда как решающее значение для конкуренции имеет операционная деятельность оператора. В-третьих, перечень мер антимонопольного воздействия нуждается в расширении за счёт самостоятельных составов цифровых антиконкурентных соглашений и запрета недобросовестной конкуренции на цифровом товарном рынке. Наконец, при определении доминирования представляется оправданным учитывать не только финансовые показатели и долю сделок, но и количество пользователей платформы, объём аккумулированных данных и степень зависимости продавцов от конкретной площадки. Именно комплексный подход к оценке рыночной власти, учитывающий специфику цифровой среды, способен обеспечить реальную защиту конкуренции в условиях стремительного развития платформенной экономики

Литература:

1. Доклад ФАС России о состоянии конкуренции в РФ за 2024 г. URL: <https://fas.gov.ru/documents/689965> (дата обращения: 20.04.2026).
2. Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 29. — Ст. 5319.
3. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3434; 2025. — № 31. — Ст. 4658.

4. Попондопуло В. Ф., Петров Д. А., Рубанова М. П. Антимонопольное регулирование цифровых платформ в условиях цифровизации товарных рынков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16, № 4. С. 920–937.
5. Малышева В. А., Конева Д. А. Антимонопольное регулирование маркетплейсов как актуальный вызов государственному регулированию экономики // Научные исследования современных проблем развития России: тенденции развития в условиях неопределенности. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024. С. 39–42.
6. Ханчукаева Л. А. О понятиях «агрегатор» и «маркетплейс» в рамках запрещения злоупотребления доминирующим положением на рынке с использованием цифровых платформ // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 6. С. 93–101.
7. Федеральный закон от 31 июля 2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 31. — Ст. 4643.
8. Ашфа Д. М. Об оценке действий хозяйствующих субъектов — владельцев цифровых платформ в качестве монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции // Конкурентное право. 2025. № 4. С. 13–16.
9. Князева И. В., Горевая Е. С., Носков Н. С. Особенности функционирования маркетплейсов в контексте требований конкурентного законодательства. Современная конкуренция. 2025. № 19(5). С. 4–32.
10. Карапетян А. А. Правовое регулирование деятельности цифровых платформ и антимонопольный контроль: практика применения // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 2 (38). С. 38–45.
11. ФАС выдала предупреждения Вайлдберриз и Озон за навязывание невыгодных условий продавцам и введение в заблуждение покупателей // КонсультантПлюс.Новости. URL: <https://clck.ru/3TGWrp> (дата обращения: 20.04.2026).
12. Решение ФАС России от 31 января 2025 г. по делу № 22/01/11–60/2024 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. URL: <https://clck.ru/3TGX8q> (дата обращения: 20.04.2026).
13. Грачев Е. «ФАС однозначно за повышение штрафов в рекламе финансовых услуг» // Известия. URL: <https://clck.ru/3TGX9z> (дата обращения: 20.04.2026).
14. Приказ ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220 (ред. от 12.03.2020) «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2010. — № 34; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 05.06.2020.
15. Лейс Л. А., Чернова А. Ю. Проблема антимонопольного регулирования деятельности маркетплейсов в России // Сборник тезисов докладов конгресса молодых ученых. СПб: Университет ИТМО, 2025. С. 1–3.
16. Паутова А. И. Функционирование маркетплейсов и антимонопольное регулирование в условиях цифровизации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 242, № 4. С. 178–194.
17. Князева И. В., Горевая Е. С., Носков Н. С. Особенности функционирования маркетплейсов в контексте требований конкурентного законодательства. Современная конкуренция. 2025. № 19(5). С. 4–32.
18. Постановление Правительства РФ от 24 марта 2022 г. № 448 (ред. от 28.12.2024) «Об особенностях осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля в отношении аккредитованных организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий, и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 13. — Ст. 2108; 2024. — № 53 (ч. III). — Ст. 8758.
19. Постановление Правительства РФ от 20 марта 2024 г. № 340 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2022 г. N 448» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 13. — Ст. 1809.

Организация и оценка эффективности прокурорского надзора за исполнением законов органами местного самоуправления и их должностными лицами

Дедовец-Панкратов Игорь Вадимович, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматриваются организационные аспекты прокурорского надзора за исполнением законов органами местного самоуправления и их должностными лицами. Основное внимание уделено планированию надзорной работы, информационно-аналитическому обеспечению, разграничению надзора за органами и должностными лицами, а также кри-

териям оценки результативности прокурорской деятельности. Обосновывается, что эффективность надзора должна определяться не числом актов прокурорского реагирования, а фактическим восстановлением законности, предупреждением повторных нарушений и изменением муниципальной правоприменительной практики.

Ключевые слова: прокурорский надзор, органы местного самоуправления, должностные лица, организация надзора, эффективность, муниципальное правоприменение.

Организация прокурорского надзора за исполнением законов органами местного самоуправления и их должностными лицами имеет самостоятельное значение в системе общего надзора. Муниципальный уровень публичной власти характеризуется большим количеством правовых актов, разнообразием управленческих решений и непосредственной близостью к населению. Поэтому результативность прокурорской деятельности определяется не только объемом полномочий, но и тем, насколько последовательно выстроены планирование, сбор информации, анализ рисков, выбор мер реагирования и последующий контроль за их исполнением.

В организационном отношении прокурорский надзор в муниципальной сфере включает планирование работы, информационно-аналитическое обеспечение, мониторинг муниципальных правовых актов, рассмотрение обращений граждан, взаимодействие с контрольными органами и контроль фактического исполнения актов прокурорского реагирования. Эти элементы образуют единую систему. Каждый из них влияет на общий результат и позволяет перейти от эпизодического реагирования на отдельные нарушения к более устойчивой модели обеспечения законности.

Планирование надзорной деятельности имеет особое значение, поскольку органы местного самоуправления реализуют широкий круг вопросов местного значения. Прокурор не может одинаково интенсивно проверять все направления муниципального управления, так как это ведет к формализации надзора и распылению ресурсов. В связи с этим планирование должно строиться с учетом социальной значимости возможных нарушений, их повторяемости, количества обращений граждан, результатов ранее проведенных проверок и сведений органов контроля.

Информационно-аналитическое обеспечение выступает основой современной организации прокурорского надзора. В муниципальной сфере источниками информации являются обращения граждан, муниципальные правовые акты, материалы контрольных мероприятий, судебные решения, сведения органов государственной власти, публикации средств массовой информации и результаты предыдущих проверок. Для прокурора важен не только факт поступления информации о нарушении, но и ее системная обработка. Сопоставление различных источников позволяет увидеть устойчивые дефекты муниципального правоприменения, а не отдельные несвязанные эпизоды.

Особое место занимает мониторинг муниципального нормотворчества. Муниципальный правовой акт явля-

ется юридической формой выражения компетенции органа местного самоуправления, поэтому его незаконность может порождать множественные правовые последствия. Проверка таких актов не должна сводиться к механическому сопоставлению отдельных формулировок с федеральным или региональным законодательством. Необходимо учитывать пределы компетенции муниципального органа, процедуру принятия акта, соблюдение требований к опубликованию, наличие коррупциогенных факторов и влияние акта на права граждан [5].

Отдельного разграничения требует организация надзора за органами местного самоуправления и за их должностными лицами. При проверке органа основное значение имеют уставы муниципальных образований, регламенты, решения представительных органов, постановления местной администрации, протоколы заседаний, правовые заключения и иные документы нормативного или организационного характера. В таких случаях доказательная база обычно имеет документарный характер и направлена на установление соответствия муниципального акта нормативным правовым актам большей юридической силы.

При надзоре за должностными лицами доказательная работа усложняется. Требуется установить не только содержание правового нарушения, но и связь между поведением конкретного должностного лица и наступившими либо возможными последствиями. Значение приобретают материалы служебных проверок, переписка, обращения граждан, сведения контрольных органов, документы о распределении обязанностей, сроки принятия решений и фактические обстоятельства бездействия. В этой части прокурорская оценка должна быть особенно взвешенной, поскольку недопустимо смешивать нарушение закона с управленческими трудностями, которые сами по себе не образуют юридически значимого дефекта.

Работа с обращениями граждан является одним из наиболее чувствительных организационных направлений надзора. Для муниципальной сферы обращение гражданина часто становится первым сигналом о системном нарушении. За жалобой на бездействие администрации, нарушение срока ответа, отсутствие информации или ненадлежащее содержание территории может стоять более широкий дефект организации муниципального управления. Поэтому обращения должны рассматриваться не только как индивидуальный повод для проверки, но и как индикатор состояния законности на местном уровне [3].

Оценка эффективности прокурорского надзора в рассматриваемой сфере не может быть сведена к количеству выявленных нарушений, принесенных протестов или вне-

сенных представлений. Эти показатели имеют учетное значение, однако сами по себе не раскрывают реальное состояние законности. Значительное число актов реагирования может свидетельствовать как об активной работе прокурора, так и о сохранении устойчивого неблагополучия в поднадзорной сфере. Поэтому оценка должна учитывать фактическое восстановление законности, устранение причин и условий нарушений, снижение повторяемости однородных дефектов и устойчивость достигнутого результата [9].

Формальное исполнение акта прокурорского реагирования не всегда означает достижение цели надзора. Ответ на представление, проведение совещания или подготовка внутреннего поручения не подтверждают реального устранения нарушения. Фактическое исполнение пред-

полагает изменение незаконного поведения, отмену или корректировку незаконного акта, восстановление прав граждан и принятие организационных мер, исключающих повторение аналогичной ситуации.

Эффективность прокурорского надзора за исполнением законов органами местного самоуправления и их должностными лицами должна определяться не количеством выявленных нарушений и внесенных актов реагирования, а способностью прокурорской деятельности обеспечивать устойчивое восстановление законности, предупреждение повторных нарушений и формирование правомерной муниципальной практики. Такой подход позволяет сохранить баланс между обеспечением единства правового пространства и самостоятельностью местного самоуправления.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.
4. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 12. Ст. 1200.
5. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31.08.2023 № 583 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления» // Законность. 2023. № 11.

Эволюция правового регулирования противодействия экстремизму в российском законодательстве

Долгих Илья Сергеевич, студент;

Зеленцов Никита Сергеевич, студент

Научный руководитель: Дворжицкая Марина Андреевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье авторы исследуют эволюцию правового регулирования противодействия экстремизму в российском законодательстве.

Ключевые слова: экстремизм, право, регулирование, законодательство.

Согласно статистике в 2024 году было зарегистрировано на 30 % больше преступлений экстремистской направленности, чем в 2023 году, более половины, из которых были совершены с использованием интернета [1].

Интересно, что изначально термин «экстремизм» использовался в политологии для обозначения политических сил, стремящихся к немедленному разрушению государственно-правовой системы и созданию нового общества на жесткой идеологической основе [2, с. 9]. Однако активное противодействие экстремизму начинается с советского периода развития законодательства. Так, в постановлении Съезда народных депутатов СССР

от 23 декабря 1989 года отмечалось, что действия националистических групп носят организованный характер и требуют принятия действенных мер [3]. В соответствии с Законом СССР от 2 апреля 1990 года № 1403-1, были введены более строгие меры, направленные на защиту национального равноправия и территориальной целостности. Данный закон стал первым законодательным актом, запрещающим экстремистскую деятельность [4].

В постсоветский период правовое регулирование в данной области носило фрагментарный характер. Указом Президента Российской Федерации от 28 октября 1992 года № 1308 были предложены меры по борьбе с экс-

тремизмом [5]. Однако данный указ не содержал конкретных механизмов реализации указанных мер. В 1995 году был издан Указ № 310, который предусматривал комплекс мер по борьбе с проявлениями фашизма и другими формами политического экстремизма. В рамках этого указа была организована координация деятельности Генеральной прокуратуры, МВД, ФСБ, Минюста, Комитета по печати, органов исполнительной власти субъектов федерации и органов местного самоуправления [6]. 19 мая 1995 года был принят Федеральный закон № 80-ФЗ [7]. В законе подчеркивалось, что одним из основных направлений государственной политики Российской Федерации по увековечению победы советского народа в Великой Отечественной войне является решительная борьба с проявлениями фашизма.

Далее внимание было уделено административным механизмам. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 1143 от 27 октября 1997 года [8] была создана Комиссия при Президенте по противодействию политическому экстремизму. В документе отмечалась недостаточная эффективность разрозненных мер, предусмотренных Указом № 310 от 1995 года, и указывалось на необходимость разработки комплексного плана действий для устранения причин и условий, способствующих экстремизму. Завершением данного этапа стало Постанов-

ление Государственной Думы от 19 марта 1999 года, в котором экстремистские проявления были осуждены как факторы, дестабилизирующие социально-политическую и экономическую ситуацию в стране [10].

К началу 2000-х гг. сформировались предпосылки для консолидации антиэкстремистских норм. В 2001 г. принята Федеральная программа по профилактике экстремизма, а также Закон «О политических партиях» (№ 95-ФЗ) [11]. Кульминацией стало принятие Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 года «О противодействии экстремистской деятельности» [12], который унифицировал понятийный аппарат и меры ответственности за экстремистскую деятельность. Данный федеральный закон определяет правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, а также называет меры ответственности за её осуществление [13, с. 96–98].

Таким образом, до принятия специального закона в 2002 году в Российской Федерации уже существовали правовые разрозненные нормы, направленные на борьбу с экстремизмом. Однако, как показывает анализ, в более ранних документах акцент делался на предотвращении экстремизма и устранении его причин. При этом конкретные механизмы противодействия экстремистским действиям в этих документах не были четко определены, в отличие от закона 2002 года.

Литература:

1. Число преступлений экстремистской направленности в России выросло на 30 % // РИА Новости. — URL: <https://www.rnr.ru> (дата обращения: 22.04.2026).
2. Правовое регулирование противодействия экстремизму: курс лекций / сост. А. В. Сигарев; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации, Сиб. ин-т упр. — Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2021. — 132 с.
3. О порядке введения в действие закона СССР «О конституционном надзоре в СССР»: постановление Съезда нар. депутатов СССР от 23 дек. 1989 г. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.04.2026).
4. Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР: закон СССР от 2 апр. 1990 г. № 1403-1. — URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 22.04.2026).
5. Указ Президента РФ от 28.10.1992 № 1308 «О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 18.
6. Указ Президента РФ от 23.03.1995 № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 13.
7. Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21.
8. Указ Президента РФ от 27.10.1997 № 1143 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию политическому экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 44.
9. Указ Президента РФ от 23.03.1995 № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма» (ред. от 03.11.2004) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 13.
10. Постановление Государственной Думы ФС РФ от 19.03.1999 № 247 «Об истоках политического экстремизма». — URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.04.2026).
11. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29.
12. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 15.05.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30.

13. Евдокимова Т. Л. Формирование законодательных основ противодействия экстремизму // Власть. — 2009. — № 9. — С.96–98.

Защита прав на виртуальное имущество

Дубинин Алексей Денисович, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Компьютерные технологии в результате своего стремительного развития породили уникальные объекты — виртуальное имущество, которое обладает схожими характеристиками с традиционными материальными благами, при этом существуя в ином слое реальности, в виртуальном пространстве. Возникают и новые отношения между людьми, объектом которых является виртуальное имущество. Прогресс требует от государства адаптировать правовые нормы, закрепленные в законах, чтобы у человека была возможность защищать свои права при помощи юридических инструментов санкционированных законодателем. Однако в силу новизны и уникальности явления, отсутствия специализированного законодательства, слабой коммуникации между техническими специалистами в области цифровых технологий и юристами, для пользователя крайне проблематично отстаивать свои права, когда дело касается виртуального имущества и виртуальных миров.

На основе анализа научной литературы и судебной практики можно выделить несколько проблемы, возникающие в ходе защиты прав на виртуальное имущество.

Первая проблема заключается в отсутствии четкого и определенного правового статуса виртуального имущества и самого определения того, что стоит понимать под виртуальным имуществом. Является ли оно исключительным правом на какой-то результат интеллектуальной деятельности, которое передается пользователю на основе неисключительной лицензии или это «квази-вещь», либо же виртуальное имущество это нематериальный результат оказания информационных услуг, который не имеет выражения в реальном пространстве? В результате невозможно определить субъективные права и обязанности пользователей, разработчиков и правообладателей компьютерных игр и платформ, которые взаимодействуют друг с другом в виртуальном пространстве, что приводит к затруднениям в рамках судебного разбирательства. В данный момент сформировано множество подходов по определению сущности виртуального имущества, которые прямо противоречат друг другу, например, предложенные М. А. Рожковой [1] или А. И. Савельевым [2], что не способствует упрощению процесса защиты своих прав Пользователями в отношении виртуальных предметов.

Вторая проблема характерна для отечественной судебной практики и выражена в нежелании брать в учет специфику компьютерных многопользовательских игр

при разрешении спора, что приводит к приравниванию компьютерных игр к азартным играм и как результат — отказ в судебной защите нарушенных прав и законных интересов пострадавшей стороны, то есть пользователя, с указанием на норму статьи 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации [3].

И. Ю. Кукуруздяк выделил следующие причины преобладания такого подхода:

«А. В судебной защите отказывают, то есть применяют статью 1062 ГК РФ, по причине того, что понятие «игра» формально определено (со ссылкой на Определение Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 года № 684-О-О, по жалобе гражданина Е. И. Шевченко), а значит, к ним относятся и компьютерные игры, то есть пункт 1 статьи 1062 ГК РФ не ограничивается азартными играми и пари.

В. Отказ судов в применении статьи 1062 ГК РФ связан с рискованностью «игр» и их азартностью.

С. Отказ в судебной защите связан с тем, что преимущественное число споров возникает при применении оператором игры (распространителем) ограничительных мер по отношению к игроку. Например, ограничение доступа к игре, блокировка аккаунта, изъятие внутригрупповых ценностей, полученных с использованием вредоносных программ или изъянов («багов» англ. — bugs) игры. Все это суды сводят к нарушению игроком (пользователем) правил игры, то есть игрового процесса, а значит, есть основание к применению статьи 1062 ГК РФ.

Д. Требования игроков (пользователей) не связаны с основаниями из перечня части 2 статьи 1062 ГК РФ, а значит, возможность судебной защиты отсутствует» [4].

В качестве третьей проблемы можно обозначить ущемленное положение пользователей, которое устанавливается в соответствии с заключаемыми пользовательскими соглашениями, составленными разработчиками/правообладателями для максимального контроля на виртуальными мирами. Пользователи не имеют возможности эффективно защищать свои права в судебной инстанции и при помощи самозащиты, вынуждены полагаться на благосклонность технической поддержки и иных представителей разработчика/правообладателя, которые оставляют за собой право толковать условия пользовательского соглашения как им вздумается, удалять и блокировать аккаунты, в которые вложены десятки и сотни тысяч рублей без объяснения причин блокировки, лишая уникального виртуального имущества с целью стимуляции даль-

нейшего спроса на иные виртуальные предметы. Отсутствие нормативного регулирования влечет бесправие пользователей. Как метко выразился Т. Н. Бурибаев: «... на сегодняшний день баланс интересов в отношениях между игроками и организаторами сильно смещен в сторону последних (которые и формулируют условия EULA), в то время как игроки вынуждены мириться с раскладом «бери или уходи» («take it or leave it»)» [5]. Согласно лицензионному соглашению, которое составлено Rockstar Games [6], все виртуальные товары и виртуальная валюта, предоставляются Пользователям на основании лицензии, без возникновения прав на владение, пользование и распоряжение этими товарами, а виртуальная валюта не подлежит конвертации в фиатную валюту, при этом все сделки с данными предметами осуществляются только на площадках подконтрольных Rockstar Games. Достаточно удобные условия для компании, которая заработала сотни миллионов долларов на внутриигровых транзакциях [7] и не позволяет игрокам вернуть даже часть своих средств обратно при помощи рыночных инструментов.

В качестве четвертой проблемы стоит выделить повсеместное отсутствие проработанного режима регулирования института виртуального имущества в большинстве стран мира, а также межгосударственного взаимодействия для разрешения спорных вопросов, касающихся виртуальных предметов. Как верно подмечает Р. Palka: «Очевидно, что в случае глобальных явлений, таких как виртуальная собственность или онлайн-платформы, где поставщик и пользователи находятся в разных странах, вмешательства одного (небольшого) регулятора может быть недостаточно. Вероятно, Supercell, Niantic, Google или Facebook дешевле прекратить предоставление услуг в Польше, чем начать глобальное соблюдение правил, создающих необходимость значительных затрат и существенной модификации работы платформы. Действия, скорее всего, потребуются либо от крупных игроков, таких как Соединенные Штаты (на федеральном уровне), либо от Европейского союза (частное регулирующее право которого, как в настоящее время документирует Ханс Миклиц, оказывает огромное влияние на правовые системы третьих стран). Подобные действия крупных игроков могут быть значимыми не только потому, что их рынки слишком велики, чтобы их упустить поставщики услуг, но и потому, что в глобализованном мире, движимом торговыми соглашениями, третьи страны часто (добровольно или нет) адаптируют свои правовые системы к уровню защиты, предлагаемому крупными партнерами (например, закон о защите персональных данных или авторское право)» [8]. Действительно, ориентир, который могут сформировать государства с обширным рынком цифровых услуг

будет способствовать развитию правовых систем иных стран, так как тратят деньги на виртуальное имущество, не только в Северной Америке или Европе.

Важно отметить, что на данный момент в Российской Федерации начаты попытки урегулирования рынка компьютерных игр путем создания специального федерального закона. В декабре 2024 года в Государственную Думу был внесен Проект Федерального закона № 795581-8 «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации» [9]. Данный законопроект вводит определение видеоигры, подчеркивая ее сложную структуру, состоящую из множества результатов интеллектуальной деятельности, на которое распространяется исключительное право распространителя игр. Так же закрепляется следующее понятие виртуальных предметов: «игровое имущество — совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в видеоигре, используемых для обозначения имеющихся в видеоигре атрибутов и (или) виртуальных предметов, персонажей, их свойств, характеристик, или используемых в качестве внутриигровых средств обмена» [9]. Данное определение указывает на возможное наличие оборотоспособности у виртуальных предметов в рамках компьютерной игры, однако не разрешает вопрос о наличии или отсутствии каких-либо прав на игровое имущество у пользователей. В пояснительной записке к данному законопроекту указывается, что сфера его действия не распространяется на деятельность по организации и проведению азартных игр, что поспособствует изменению подхода применяемого в судебной практике относительно квалификации правоотношений возникающих в компьютерных мирах. При этом даже текущая редакция законопроекта вызывает опасения у крупных игроков рынка компьютерных развлечений, предлагающих убрать вовсе определение игрового имущества из текста возможного Федерального закона [10].

Современные тенденции по урегулированию института виртуального имущества внушают сдержанный оптимизм, как минимум, в Российской Федерации начаты попытки разрешить вопрос о наличии права у пользователей на виртуальное имущество, которое ими приобретается за реальные деньги, что в свою очередь выразится в решениях, вынесенных в пользу игроков, а не игровых компаний. К тому же в мире есть правовые порядки в которых права игроков на виртуальные предметы, имеющие денежное выражение, защищаются судом, а сами пользователи признаются слабой стороной в правоотношениях с разработчиком/правообладателями, таким примером является Китайская судебная система, которая использует данный правоприменительный подход в своей практике [11].

Литература:

1. Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovy_e_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnosi

2. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ» (с изменениями от 24 июня 2025 года). // СПС Консультант Плюс
4. Кукурудзяк И. Ю. Применение судами статьи 1062 ГК РФ к отношениям, возникающим при использовании компьютерных игр // Юридическая наука. 2023. № 9.
5. Бурибаев Т. Н. World of Lawcraft. Вопросы защиты прав пользователей онлайн-игр // Журнал Суда по интеллектуальным правам», № 2 (32), июнь 2021 г., с. 110–127
6. Лицензионное соглашение с конечным пользователем Rockstar Games (Rockstar Games, 28 февраля 2025 г.) // URL: <https://www.rockstargames.com/eula>
7. <https://shazoo.ru/2026/04/14/182419/vzлом-rockstar-pokazal-cto-odin-geimer-potratil-million-dollarov-na-mikrotranzakcii-gta-online-za-raz>
8. Palka P. Virtual property: towards a general theory. PhD. Florence: European University Institute. 2017 P. 192
9. Проект Федерального закона № 795581–8 «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации» // Государственная Дума Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8#bh_histras
10. https://www.rbc.ru/technology_and_media/07/02/2025/67a5ea4a9a794742ef52b3ad
11. Spooner M. It's Not a Game Anymore, Or Is It?: Virtual Worlds, Virtual Lives, and the Modern (Mis)Statement of the Virtual Law Imperative // University of St. Thomas Law Journal. — 2012. Vol. 10:2. P. 565

Правовые основы налоговой системы Российской Федерации

Жеварина Полина Дмитриевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются основы налоговой системы Российской Федерации. Анализируются ключевые элементы, включая виды налогов и сборов, их роль в формировании государственного бюджета и развитии экономики. Особое внимание уделяется функциям, видам и источникам налоговой системы.

Ключевые слова: налоги, налогоплательщики, функции налогов, налоговое законодательство.

Государство осуществляет множество функций, ориентированных на экономическое, культурное, политическое и социальное развитие общества. Для выполнения этих задач ему требуются финансовые ресурсы, которые, в основном, поступают в бюджет через налоги. Налоги и сборы являются основными источниками доходов государственного бюджета, что делает их фундаментальным элементом в деятельности государства. Именно поэтому, налоговые ставки могут различаться в зависимости от уровня развития каждого конкретного государства.

Налоговая система РФ имеет трехуровневую структуру: федеральное, региональное и местное законодательство. Всего в нашей стране насчитывается 14 налогов из них 8 — федеральных, в том числе государственная Пошлина, 3 — региональных и 3 местных. [1, с.143]

Налоги обладают многообразием функций. Основными из них являются четыре функции:

- фискальная;
- социальная (распределительная);
- регулирующая;
- контрольная.

Реализация этих функций тесно связана с основополагающими принципами налоговой системы:

Принцип законности и обязанности. Налоги могут взиматься только на основании закона. Это означает, что все налоговые обязательства должны быть четко прописаны в нормативно-правовых актах. Также эти принципы называют юридические.

Принцип справедливости и равенства. Налоговая система должна обеспечивать равное налогообложение для всех граждан и организаций, а также учитывать их финансовые возможности. Данные принципы относятся к группе экономические.

Принцип самостоятельности и ясности. Налоговые законы должны быть четкими и понятными для налогоплательщиков. Это позволяет избежать правовых неясностей и способствует корректному исполнению налоговых обязательств. По-другому эти принципы называют организационные.

Стоит отметить, что с 1 января 2025 года в России вступили в силу обновления в законодательстве, касающиеся федеральных налогов. Эти изменения затронули налогообложение физических лиц (НДФЛ), налоги на прибыль организаций, упрощенную систему налогообложения (УСН) и налог на добавленную стоимость (НДС).

Налог на добавленную стоимость (НДС) пользуется популярностью благодаря своим характеристикам налоговой нейтральности и способности предотвращать двойное налогообложение. Он является эффективным инструментом для налогового администрирования. НДС не только служит значительным источником доходов для государственного бюджета, выполняя важную фискальную функцию, но также оказывает значительное влияние на экономическое регулирование. [2, с.39]

С 2025 года была введена и прогрессивная пятиступенчатая шкала НДФЛ вместо прежней двухступенчатой системы — 13 % с доходов до 5 млн рублей и 15 % с суммы свыше. Ставки зависят от размера годового дохода налогоплательщика:

- до 2,4 млн рублей — 13 %;
- от 2,4 млн до 5 млн рублей — 15 %;
- от 5 млн до 20 млн рублей — 18 %;
- от 20 млн до 50 млн рублей — 20 %;
- свыше 50 млн рублей — 22 %.

Необходимо уточнить, что новую прогрессивную шкалу налога на доходы физических лиц (НДФЛ) можно рассматривать как первый шаг к реформированию налоговой системы в соответствии с долгосрочными приоритетами научно-технологического прогресса.

Систему источников налогового права можно представить следующим образом:

1. Конституция Российской Федерации: Основной закон страны, который устанавливает основные принципы налогообложения.

2. Федеральные законы, например:

— Налоговый кодекс Российской Федерации (часть 1 и часть 2), который содержит основные нормы о федеральных налогах и сборах, а также правила по налогообложению.

— Законы о конкретных налогах (например, закон о налоге на прибыль организаций, закон о НДС и другие).

3. Подзаконные акты, издаваемые исполнительными органами власти для детализированного регулирования налоговых отношений. К ним относятся:

- Постановления Правительства Российской Федерации.
- Приказы и разъяснения Федеральной налоговой службы и другие.

Не стоит забывать, что налогоплательщики и плательщики сборов выступают ключевыми участниками налоговых правоотношений. Права плательщиков включают:

1. Получение информации. То есть каждый гражданин РФ имеет право на доступ к сведениям о действующих налогах, сборах и правилах их уплаты.

2. Применение льгот. Означает право на использование налоговых льгот и вычетов, предусмотренных законодательством.

3. Обжалование решений. Дает возможность обжалования решений и действий налоговых органов в установленные законом сроки и порядке.

В обязанности налогоплательщиков и плательщиков сборов включают:

1. Своевременная уплата налогов. Включает в себя обязанность уплачивать установленные законом налоги и сборы в срок.

2. Регистрация: необходимость регистрации в налоговых органах в соответствии с требованиями законодательства.

3. Соблюдение налогового законодательства. Обязанность каждого гражданина соблюдать нормы налогового законодательства и исполнять требования налоговых органов.

Налоговые органы образуют единую централизованную систему контроля за исполнением налогового законодательства.

Таким образом, Налоговая система Российской Федерации включает в себя разнообразные налоги, сборы и пошлины, которые взимаются с физических и юридических лиц. Основные элементы налоговой системы в России являются: налоги (налог на доходы физических лиц (НДФЛ), налог на прибыль организаций, налог на добавленную стоимость (НДС), транспортный налог и многие другие; сборы и пошлины.

Стоит отметить, что финансирование через эти источники необходимо для выполнения государственных обязательств, таких как: социальное обеспечение и поддержка уязвимых слоев населения, образование и здравоохранение, оборона и безопасность государства.

Эффективная налоговая система способствует экономическому развитию, обеспечивая необходимое финансирование для различных программ, направленных на улучшение жизненного уровня граждан и развитие страны в целом. Для того чтобы эта система работала эффективно, необходимо четкое правовое регулирование, которое учитывает интересы как государства, так и налогоплательщиков.

Литература:

1. Подальюк О. А. Налог как экономический регулятор страны / О. А. Подальюк // Финансовые инструменты регулирования социально-экономического развития регионов: Сборник материалов V Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Махачкала, 16–17 сентября 2020 года. — Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «АЛЕФ», 2020. — С. 143–147.
2. Тихонова А. В. Экономические эффекты изменения ставок НДС в России / А. В. Тихонова, В. Н. Засько // Налоги и налогообложение. — 2023. — № 4. — С. 39–53.

Антикризисное регулирование предпринимательства в Иркутске: региональные аспекты и практика

Журов Михаил Александрович, студент

Иркутский национальный исследовательский технический университет

В статье рассматривается система антикризисного регулирования предпринимательской деятельности в Иркутской области и городе Иркутске в условиях внешних санкционных вызовов 2025–2026 годов. На основе анализа нормативно-правовой базы и статистических данных выявлены ключевые направления региональной политики: диверсификация экономики, поддержка экспортно ориентированных субъектов МСП, развитие инфраструктуры индустриальных парков. Особое внимание уделено противоречивым тенденциям: с одной стороны, рост числа субъектов МСП, с другой — увеличение банкротств на 40 %. Сформулированы рекомендации по переходу от количественных показателей к качественным критериям устойчивости предпринимательства.

Введение

Актуальность исследования обусловлена беспрецедентным санкционным давлением на российскую экономику, требующим от регионов формирования эффективных механизмов антикризисного реагирования. Иркутская область, традиционно характеризующаяся сырьевой специализацией (доля промышленного производства в структуре ВРП превышает 40 % с доминированием добывающей отрасли), сталкивается с необходимостью структурной трансформации экономики. Цель настоящей статьи — комплексный анализ региональной системы антикризисного регулирования предпринимательства, выявление ее сильных сторон и проблемных зон на основе эмпирических данных 2025 — начала 2026 года.

Региональная институциональная инфраструктура поддержки предпринимательства

Нормативно-правовой базой антикризисного регулирования выступает государственная программа Иркутской области «Экономическое развитие и инновационная экономика», утвержденная постановлением Правительства региона от 13 ноября 2023 года № 1005-пп. Программа предусматривает комплексную поддержку субъектов МСП через Фонд поддержки и развития предпринимательства Иркутской области — Центр «Мой бизнес».

На муниципальном уровне действует программа «Экономическое развитие», включающая комплекс процессных мероприятий «Поддержка предпринимательской деятельности» на 2025–2028 годы. Согласно паспорту программы, запланировано поэтапное увеличение числа субъектов МСП в Иркутске с 36 851 (базовый показатель 2024 года) до 37 594 к 2028 году. Общий объем финансирования мероприятий составляет 38,1 млн рублей.

Структура финансовой поддержки включает четыре ключевых направления:

субсидирование процентных ставок по кредитам (8 млн руб.);

возмещение арендных платежей (9,6 млн руб.);

компенсация затрат на приобретение производственного оборудования (12 млн руб.);

возмещение расходов на коммунальные услуги и технологическое присоединение (2,4 млн руб.).

Показательно, что наибольший удельный вес приходится на поддержку модернизации основных средств, что соответствует стратегической задаче технологического обновления регионального предпринимательства.

Стратегические приоритеты антикризисной политики

В ноябре 2025 года по поручению губернатора Игоря Кобзева разработан антикризисный план региона, включающий более 50 мероприятий. Ключевыми направлениями признаны: оптимизация налоговых расходов, работа с крупнейшими налогоплательщиками, контроль регистрации обособленных подразделений, повышение налоговой отдачи от недропользователей, строительной отрасли, лесного и сельского хозяйства.

Заместитель министра экономического развития Марина Петрова обозначила переход региона от сырьевой зависимости к более устойчивой экономической модели как стратегический приоритет: «Увеличение доли малого бизнеса в экономике — это наша основная задача, потому что именно он обеспечивает стабильность региона и наполняемость бюджета».

Важным элементом антикризисной стратегии выступает развитие экспортного потенциала. Иркутская область входит в первую десятку российских регионов по объему экспорта с внешнеторговым оборотом более 10 млрд долларов. Разработана программа развития экспорта до 2030 года, охватывающая четыре проекта: высокотехнологичная продукция, АПК, экспортные услуги, продвижение малого бизнеса за рубежом. Инфраструктурным драйвером заявлено создание индустриальных, агропромышленных и бизнес-парков. Государство субсидирует до 70 % затрат на инфраструктуру и оборудование, что формирует территориальные кластеры с замкнутыми технологическими цепочками.

Противоречивые тенденции: между ростом и банкротством

Статистические данные демонстрируют парадоксальную картину. Согласно информации Иркутского отделения «ОПОРЫ РОССИИ», количество субъектов МСП в стране достигло исторического максимума — 6 млн 835 тыс., положительная динамика фиксируется и в Приангарье.

Однако вице-председатель Иркутского отделения «ОПОРЫ» Иван Астафьев отмечает структурную проблему: «Долгосрочная статистика показывает, что увеличение числа субъектов в основном происходит за счёт микробизнеса и индивидуальных предпринимателей, тогда как сегмент малых предприятий и показатели занятости в нём остаются под давлением».

Тревожным сигналом стал рост банкротств. По данным Арбитражного суда Иркутской области, за 2025 год зафиксирован 40-процентный рост числа заявлений о финансовой несостоятельности. Общий объём коммерческого долга региона составляет порядка 53 млрд рублей. Наиболее уязвимыми оказались микропредприятия в сфере общепита, розничной торговли, бытовых услуг.

Руководитель бюро по защите прав предпринимателей Андрей Барабаш подчеркивает системный характер проблемы: «Если не поддерживать малый бизнес, в силу текущих реалий довольно сложно будет предпринимателям не только работать с регулярной прибылью, а хотя бы работать в ноль».

Позитивной тенденцией выступает снижение миграции бизнеса: в 2025 году регион покинули 130 компаний против 145 годом ранее, одновременно выросло число регистрирующихся предприятий — 103 против 81.

Экспортная переориентация как антикризисный инструмент

Руководитель Центра «Мой бизнес» Диляра Окладникова акцентирует важность внешнеэкономической деятельности: «За последние пять лет в Иркутской области появилось 240 новых экспортеров из числа малых и средних предприятий, 211 из них продолжают активно работать».

Перспективными направлениями экспорта признаны продовольственная и перерабатывающая промышленность, медицинский туризм, образовательные услуги. Приоритетными рынками сбыта выступают страны Азии и Ближнего Востока. Регион активно использует инструменты Российского экспортного центра: гарантии, льготное кредитование, субсидирование сертификации продукции. Вице-президент «Промсвязьбанка» Александр Логунов констатирует снижение индекса деловой активности МСП на 50 пунктов, падение выручки у 43 %

компаний, трудности с кредитованием у 13 % предпринимателей. Эти данные подтверждают необходимость усиления государственной поддержки.

Проблемы и направления совершенствования

Проведенный анализ позволяет выделить ряд проблемных зон:

1. Структурный дисбаланс роста МСП: количественное увеличение достигается преимущественно за счет микробизнеса при стагнации малых и средних предприятий, формирующих основную занятость.
2. Недостаточная эффективность превентивных антикризисных мер: рост банкротств на 40 % свидетельствует о запаздывании поддержки.
3. Ограниченность финансовых ресурсов: муниципальное финансирование (38,1 млн руб. на четыре года) явно недостаточно для масштабных задач.
4. Недостаточная координация регионального и муниципального уровней: требуется синхронизация антикризисных планов.

Перспективными направлениями совершенствования являются:

- переход от количественных к качественным критериям оценки эффективности (рост добавленной стоимости, производительность труда, средняя заработная плата);
- развитие нефинансовых инструментов — территориального бренда, креативных индустрий, туристического потенциала Байкальского региона;
- создание превентивных механизмов мониторинга финансового состояния системообразующих предприятий;
- расширение грантовой поддержки целевых групп, включая программу «Агромотиватор» для ветеранов СВО с 2026 года.

Заключение

Антикризисное регулирование предпринимательства в Иркутской области демонстрирует комплексный подход, сочетающий финансовые и нефинансовые инструменты поддержки, экспортную переориентацию, развитие инфраструктурных площадок. Вместе с тем сохраняющиеся негативные тенденции (рост банкротств, сжатие сегмента малых предприятий) требуют корректировки политики в сторону превентивности, адресности и качественных критериев оценки. Устойчивость региональной экономики в среднесрочной перспективе будет определяться способностью институтов поддержки обеспечить переход предпринимательства от режима выживания к масштабированию и технологической модернизации.

Литература:

1. Меры адаптации бизнеса к новым экономическим условиям обсудили в Иркутске // БайкалИНФОРМ. 2025. 23 окт.

2. Постановление администрации г. Иркутска от 30.07.2025 № 031–06–529/25 «О внесении изменений в Программу «Экономическое развитие»»
3. Количество банкротств в Иркутской области в 2025 году выросло на 40 % // НТС Иркутск. 2026. 19 фев.
4. Астафьев И. Согласно обновленным данным Единого реестра субъектов МСП российский бизнес демонстрирует рост // ОПОРА РОССИИ. Иркутское региональное отделение. 2026. 21 янв.
5. Постановление Правительства Иркутской области от 21.01.2025 № 42-пп «Об установлении Порядка предоставления субсидии Фонду поддержки и развития предпринимательства Иркутской области Центра «Мой бизнес»»
6. Количество компаний, покидающих Иркутскую область, продолжает снижаться // МК-Байкал. 2026. 3 апр.
7. Антикризисный план: сохранить и приумножить бизнес // Общественно-государственный журнал Иркутской области. 2025. 10 дек.
8. В Иркутской области разрабатывают антикризисный план // Общественно-государственный журнал Иркутской области. 2025. 6 нояб.

История становления института астрента: генезис французской модели и ее рецепция в российском праве

Зозуля Вероника Александровна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Проблема реального исполнения судебных решений, обязывающих должника совершить определенные действия или воздержаться от них, традиционно является одной из наиболее сложных в правоприменительной практике. Само наличие вступившего в законную силу судебного решения еще не означает реального восстановления нарушенного права. Для требований неимущественного характера эта проблема проявляется особенно остро, поскольку в отличие от денежных обязательств их принудительное исполнение часто невозможно без активного содействия самого должника.

Именно на этой почве в европейской правовой традиции постепенно стал складываться механизм косвенного воздействия на должника, заключающийся в присуждении денежной суммы на случай неисполнения судебного акта и получивший во французском праве наименование «астрент» (*astreinte*). Данный институт позволяет оказывать на недобросовестного должника возрастающее финансовое давление, стимулируя его к добровольному исполнению, и призывает сделать исполнение для должника более выгодным, чем уклонение от него.

История астрента показывает, что данный институт возник не как результат специального законодательного конструирования, а как ответ судебной практики на проблему недостаточности традиционных средств принудительного исполнения. Исследование генезиса астрента важно не только для реконструкции французского опыта, но и для понимания того, почему в российском праве судебная неустойка была воспринята именно в той форме, которую сегодня закрепляет статья 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [1].

Предпосылки возникновения астрента в римском праве и французской доктрине

Истоки идеи косвенного принуждения через имущественные санкции обнаруживаются уже в классическом римском праве. В республиканский период магистраты и преторы обладали правом налагать денежные штрафы (*multae dictio*) для обеспечения исполнения своих решений, когда должник отказывался подчиниться [2, с. 99–104]. Впоследствии данная конструкция стала применяться преторами для защиты исков, не основанных на гражданском праве (*actiones praetoriae*): должнику угрожали штрафом в случае неисполнения судебного предписания. Важно заметить, что конструкция *multae dictio* обнаруживает сходство одновременно с двумя современными французскими институтами — астрентом и гражданским штрафом.

Гражданский штраф предусмотрен статьей 32-1 Гражданского процессуального кодекса Франции [4]. Он взыскивается с ответчика или истца не в пользу другой стороны, а в доход государства. Применяется он к лицу, которое целенаправленно затягивает судебный процесс или злоупотребляет своими правами. Астрент также является проявлением судебной власти и содержит публичный элемент. Назначая астрент, судья, по сути, наказывает должника за неподчинение судебному решению как за неуважение к суду, одновременно поощряя кредитора. Судья выбирает меру в зависимости от характера нарушения: активное противодействие должника ведет к штрафу в казну, пассивное неисполнение — к астренту в пользу кредитора.

Непосредственным предшественником астрента во французской правовой традиции был институт *jugement*

comminatoire — судебного решения, содержащего угрозу наказания. Как указывал Э. Круассант, эта практика развивалась во французских судах в течение XIX в. и постепенно трансформировалась в особую форму судебного давления на должника [5, р. 130–133]. В отличие от обычного штрафа, который налагался уже после факта неисполнения, *jugement comminatoire* содержал превентивную угрозу, что и стало ключевой чертой будущего астрента.

Становление астрента во французской судебной практике XIX века

Первые документально подтвержденные случаи приговора периодического денежного взыскания за неисполнение судебного решения во Франции относятся к началу XIX столетия. Знаменитый французский цивилист М. Пляниоль приводит в качестве примера дело 1810–1811 гг.: гражданин Ройдет, публично оскорбивший Нерво, был приговорен к компенсации морального вреда в размере 30 франков. После отказа ответчика исполнять решение суд 25 марта 1811 г. вынес новое постановление, обязав Ройдета выплачивать по 3 франка за каждый день просрочки вплоть до полного исполнения первоначального решения [6, с. 21–23].

Другим резонансным делом стал спор между разведенными супругами Абер и Дарденном в 1824 г. по поводу возврата документов на ферму. Решением от 19 июня 1818 г. суд обязал Дарденна выдать документы, а постановлением от 7 апреля 1821 г. подтвердил эту обязанность и установил, что в случае неисполнения ответчик будет выплачивать по 10 франков за каждый день задержки. В итоге мадам Абер предъявила иск на 11 080 франков из расчета 10 франков в день с момента вынесения решения от 19 июня 1818 г. [7, р. 1269–1270].

Важно отметить, что на раннем этапе астрент рассматривался как способ возмещения убытков, причиненных просрочкой исполнения. Судьи назначали штраф, только если истец действительно понес ущерб, и сумма астрента не должна была превышать размер реального ущерба [8]. Однако такой подход существенно ослаблял стимулирующую функцию: должник знал, что с него не взыщут больше, чем составляют доказанные убытки.

Переломным моментом стало решение Кассационного суда Франции от 29 января 1834 г., которым был провозглашен отказ от принципа соразмерности астрента ущербу [6, с. 21–23]. С этого момента астрент стал присуждаться независимо от наличия и размера реальных потерь кредитора. Тем самым институт приобрел ярко выраженный штрафной, карательный характер, что многократно усилило его давление на должника.

Следующей важной вехой явилось решение Кассационного суда от 20 марта 1889 г., в котором впервые был официально использован сам термин «*l'astreinte*». Многие исследователи, в частности Е. Годэмэ, считают это решение отправной точкой современного понимания астрента [9, с. 360; 10, р. 566]. Окончательное признание не-

зависимости астрента от убытков, как пишут К. Цвайгерт и Х. Кетц, произошло в 1950-х годах. В одном из прецедентных дел компания, затягивавшая выполнение строительных работ, возражала против астрента, ссылаясь на превышение суммы над ущербом. Кассационный суд отклонил этот довод, указав, что астрент служит мерой принуждения, никак не связанной с компенсацией убытков, и определяется исходя из виновности должника и его финансового положения [11, с. 205].

Таким образом, в развитии французского астрента можно выделить три основных этапа.

Первый этап — до 1811 г.: судьи налагали единовременный штраф уже после факта неисполнения, что оказывало лишь ограниченное стимулирующее воздействие.

Второй этап — 1811–1834 гг.: астрент стали присуждать в виде периодических платежей (за каждый день, неделю или месяц просрочки), однако его размер по-прежнему привязывался к реальному ущербу.

Третий этап — с 1834 г.: астрент применяется даже при отсутствии какого-либо ущерба для кредитора, приобретая исключительно штрафную, превентивную функцию.

Законодательная институционализация астрента во Франции

Длительное время во Франции астрент существовал исключительно на основе судебной практики, что вызывало критику со стороны некоторых юристов. Так, Л.Ж. де ла Морандьер писал, что, во-первых, астрент по своей правовой природе становится гражданско-правовым наказанием, тогда как суды могут налагать наказание только на основании закона, а такого закона не было; во-вторых, после вынесения решения суд не может его изменять, а астрент, по сути, предполагает корректировку. Тем не менее сам Л.Ж. де ла Морандьер признавал, что, несмотря на «незаконность» происхождения, этот институт принес благоприятные результаты и прочно укоренился в практике [12, с. 329–330].

Легализация астрента произошла в 1972 г. с принятием статьи 491 Гражданского процессуального кодекса Франции, которая закрепила, что астрент назначается судом, может быть отменен по истечении определенного времени, а его размер определяется по усмотрению судьи [8]. Впоследствии нормы об астренте были включены в Закон 1991 г. об исполнительных процедурах, а затем — в Кодекс гражданского исполнительного производства, вступивший в силу 1 июля 2012 г. [4].

Действующее французское законодательство также упоминает институт астрента. Согласно статье L131-1 Кодекса гражданского исполнительного производства Франции, суд по собственной инициативе может назначить астрент для обеспечения исполнения собственного решения, а при необходимости — и решения другого суда. Французский законодатель подчеркивает, что астрент не зависит от размера убытков. Статьей L131-2 предусмо-

трены две разновидности астрента: временный (*provisoire*, который также именуют угрожающим — *comminatoire*) и окончательный (*définitive*).

При этом действует презумпция, что назначенный астрент является временным, если только суд прямо не укажет в решении, что он носит окончательный характер. Кроме того, окончательный астрент может быть установлен только после того, как истек срок для исполнения, определенный судом при назначении временного астрента. Как следует из статьи L131-4, ключевое различие между временным и окончательным астрентами состоит в следующем: сумма временного астрента может быть пересмотрена в зависимости от поведения должника (например, увеличена или уменьшена), тогда как размер окончательного астрента изменению впоследствии не подлежит — он может быть лишь полностью отменен на основании статьи L131-3, если необходимость в нем отпала. Следует особо подчеркнуть, что как временный, так и окончательный астрент могут быть отменены полностью или в части в случае, если будет доказано, что просрочка исполнения судебного акта вызвана (полностью или частично) внешними по отношению к должнику обстоятельствами [13; 14].

Из указанных положений вытекают несколько базовых признаков французского астрента. Во-первых, это судебное средство, существующее только в связи с конкретным властным предписанием суда. Во-вторых, оно не совпадает с убытками и не зависит от размера причиненного кредитору ущерба. В-третьих, его размер изначально может носить предварительный характер и быть пересмотрен в зависимости от того, насколько должник уклоняется от исполнения и какие реальные препятствия имели место. В-четвертых, астрент во французском праве понимается не как наказание должника, а как его мотивация для скорейшего добровольного исполнения судебного решения [15, с. 139–141].

Восприятие астрента в других правовых системах и Принципах УНИДРУА

Французская модель астрента оказала значительное влияние на законодательство других европейских стран. В настоящее время астрент успешно применяется в Италии, Португалии, Бельгии, Финляндии, Нидерландах, Люксембурге и других странах [11, с. 205–210]. В Италии статья 614-bis Гражданского процессуального кодекса предусматривает, что суд по заявлению кредитора может присудить астрент вместе с удовлетворением основных исковых требований, но только в отношении обязательств совершить определенные действия или воздержаться от них. Итальянский судья не вправе налагать астрент по своему усмотрению, в отличие от французского подхода. В Германии аналогичный механизм (*Zwangsgeld*) закреплен в § 888 Гражданского процессуального кодекса, однако взысканные суммы поступают не в пользу кредитора, а в доход государства. Португальское законодатель-

ство занимает промежуточную позицию: астрент делится поровну между государством и взыскателем.

Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА (2016 г.) в статье 7.2.4 также закрепляют возможность присуждения судебного штрафа на случай неисполнения решения, причем штраф уплачивается потерпевшей стороне, если только императивные нормы страны суда не устанавливают иное. Уплата такого штрафа не исключает требования о возмещении убытков [16].

Рецепция астрента в российском праве

В советский период идея астрента не была чужда отечественной цивилистике. Еще М. М. Агарков писал, что астрент представляет собой принуждение ответчика к уплате истцу определенной денежной суммы за каждый день, неделю или месяц неисполнения судебного решения и что применение этой меры может служить эффективным средством «сломить упорство должника» [17, с. 241]. Однако законодательного закрепления данная конструкция долгое время не получала. Предпосылки для рецепции астрента в России возникли в постсоветский период вместе с усилением значения натурного исполнения и общей переоценкой роли судебной защиты. Как справедливо указывал Д. В. Дождев, возрождение интереса к исполнению обязательства в натуре связано с пересмотром самой ценности обязательства: если кредитор имеет право именно на исполнение, а не просто на денежный эквивалент, правопорядок должен предоставить эффективные инструменты для обеспечения такого результата [18].

Важным промежуточным этапом стал проект Исполнительного кодекса Российской Федерации 2008 г., в котором предлагалось использовать возрастающий штраф как средство стимулирования исполнения неимущественных требований [19, с. 63–65]. Хотя проект не был реализован, сама идея введения специального механизма косвенного понуждения получила дополнительное обоснование.

Поворотным моментом стала деятельность Высшего арбитражного суда Российской Федерации (ВАС РФ). В проекте Информационного письма Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 № 153 астрент первоначально рассматривался как обеспечительная мера, но затем был исключен [20]. Практическим шагом к введению астрента явилось постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» [21]. Этим нормативным правовым актом арбитражным судам было рекомендовано при удовлетворении исков о понуждении к исполнению обязательства в натуре присуждать в пользу истца денежные средства на случай неисполнения судебного акта. Размер астрента должен был определяться судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из недобросовестного поведения, причем суд мог установить

как твердую сумму, так и периодические платежи или прогрессивную шкалу.

Данное постановление вызвало оживленную дискуссию в научной среде. Одни ученые (М. И. Брагинский, А. Г. Карапетов) приветствовали появление нового эффективного инструмента [22, с. 422; 23], другие (М. А. Ерохова) указывали на то, что ВАС РФ фактически вышел за пределы своих полномочий, создав новую норму права [24]. Тем не менее этот нормативный правовой акт позволил судам накопить правоприменительную практику, что подготовило почву для законодательного закрепления.

Окончательная легализация астрента в России произошла с принятием Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ, которым в ГК РФ была введена статья 308.3 «Защита прав кредитора по обязательству». Тем самым российский законодатель признал необходимость специального института, связывающего иск об исполнении в натуре с возможностью присуждения денежной суммы на случай неисполнения судебного акта. Диспозиция статьи 308.3 ГК РФ связывает астрент с положением о неустойке (пункт 1 статьи 330 ГК РФ), из чего следует вывод, что отечественный законодатель придал российскому астренту форму судебной неустойки.

Последующая детализация института астрента была осуществлена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 [3]. Пункты 28–36 этого постановления закрепили следующие ключевые правила:

- судебная неустойка присуждается только по заявлению истца (в отличие от французской модели, допускающей инициативу суда);
- она может быть присуждена лишь в случае неисполнения неденежного обязательства в натуре; по денежным обязательствам астрент не применяется;
- уплата судебной неустойки не освобождает должника от исполнения обязательства в натуре и от ответственности за его неисполнение;
- судебная неустойка не учитывается при определении размера убытков, которые подлежат возмещению сверх нее;
- проценты, предусмотренные статьей 395 ГК РФ, на сумму судебной неустойки не начисляются.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — 5 дек. (№ 32). — Ст. 3301.
2. Покровский, И. А. История римского права / И. А. Покровский. — СПб. : Изд. юрид. кн. склада «Право», 1913. — 524 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. — 2016. — № 70.
4. Code de procédure civile. — URL: <https://legimonaco.mc/code/code-procedure-civile/>
5. Croissant, E. Des astreinte / E. Croissant // Librairie nouvelle de droit et de jurisprudence / éditeur A. Rousseur. — Paris : [s. n.], 1898. — 210 p.

Особенностью российской модели является также то, что астрент не применяется к публичным, административным, трудовым, пенсионным и семейным спорам, связанным с личными неимущественными отношениями. Суд не вправе отказать в присуждении судебной неустойки, если иск о понуждении к исполнению обязательства в натуре удовлетворен. Размер астрента должен устанавливаться таким образом, чтобы для ответчика исполнение решения оказалось значительно более выгодным, чем неисполнение. При этом суд может учитывать имущественное положение должника, степень затруднительности исполнения и иные заслуживающие внимания обстоятельства.

Проведенный исторический анализ позволяет сделать вывод, что институт астрента прошел длительный путь эволюции — от римских штрафных санкций и французских судебных взысканий начала XIX в. до современного законодательного закрепления в ряде европейских стран и в России. Астрент по своему происхождению является судебным выработанным институтом, а не продуктом законодательной кодификации. Ключевым моментом этой эволюции стал отказ от привязки астрента к реальному ущербу кредитора и признание его самостоятельной стимулирующей функции. Французская модель, допускающая инициативное назначение астрента судом и существование временной и окончательной форм, оказала решающее влияние на итальянское, германское и португальское законодательства.

Российская рецепция астрента в виде судебной неустойки (статья 308.3 ГК РФ) в целом сохранила основные черты французского института, но внесла и важные отличия: присуждение только по ходатайству истца, ограничение сферы действия неденежными обязательствами, отнесение к институту судебной неустойки. Введение данной нормы стало значительным шагом в развитии механизмов косвенного принуждения, позволяя снизить нагрузку на службу судебных приставов и повысить эффективность исполнения судебных актов. Дальнейшее совершенствование правового регулирования астрента, в том числе уточнение критериев определения его размера и процессуального порядка взыскания, остается актуальной задачей цивилистической науки.

6. Пляниоль, М. Курс французского гражданского права. Ч. 1. Теория об обязательствах. Т. 1 / М. Пляниоль. — Петроков : [б. и.], 1911. — 430 с.
7. Ledru-Rollin Journal du palais: présentant la jurisprudence de la Cour de Cassation et des Cours d'Appel de Paris et des départements. Tome 18me / publié par F. F. Patris. — Paris : [s. n.], 1841. — 1500 p.
8. Останина, Е. А. Проблемы и перспективы рецепции института астрэнта (astreinte) российской правовой системой / Е. А. Останина, Р. А. Тараданов // Вестник ВАС РФ. — 2013. — № 6. — С. 118–129.
9. Годэмэ, Е. Общая теория обязательств : пер. с фр. / Е. Годэмэ ; под ред. И. Б. Новицкого. — М. : [б. и.], 1948. — 510 с.
10. Sirey, J. B. Recueil général des lois et des arrêts 1re par. Jurisprudence de la Cour de Cassation / J. Sirey. — Paris : [s. n.], 1892. — 780 p.
11. Цвайгерт, К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. Т. 2 / К. Цвайгерт, Х. Кетц. — М. : Международные отношения, 2000. — 480 с.
12. Морандьер, Л. Ж. де ла. Гражданское право Франции. Т. 2 / Л. Ж. де ла Морандьер ; пер. с фр. Е. А. Флейшиц. — М. : Иностранная литература, 1958. — 450 с.
13. Code des procédures civiles d'exécution // Legifrance. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000025024948/
14. Code of Commerce (Code de Commerce). — URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000005634379&dateTexte=20181224>
15. Кузнецов, Е. Н. Исполнительное производство Франции / Е. Н. Кузнецов. — СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. — 277 с.
16. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 год) // Современная практика заключения. Разрешение споров. — М. : Международный центр финансово-экономического развития, 1996. — С. 431–463.
17. Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков // Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1. — М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. — С. 163–460.
18. Дождев, Д. В. Исполнение обязательства в натуре: возрождение договорной дисциплины в постсоветском обязательственном праве или новое определение ценности обязательства / Д. В. Дождев // Проблемы постсоветской теории и философии права: перспективы свободного общества. — М. : Юрлитинформ, 2018. — С. 90–129.
19. Исполнительный кодекс Российской Федерации : проект / под ред. В. М. Шерстюка, В. В. Яркова. — М. : Проект, 2009. — 176 с.
20. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 № 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения» // Вестник ВАС РФ. — 2013. — № 4.
21. Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» // Вестник ВАС РФ. — 2014. — № 6.
22. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга первая. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — 2-е изд. — М. : Статут, 1999. — 848 с.
23. Тезисы выступления А. Г. Карапетова по теме «Перспективы внедрения в российское право института astreinte как особого способа обеспечения исполнения судебного решения». — URL: http://m-logos.ru/img/A.G.%20Karapetov_tezisy1.pdf
24. Ерохова, М. А. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» / М. А. Ерохова // Вестник ВАС РФ. — 2014. — № 6.

Комбинированная реорганизация: содержание и признаки

Зубенко Оксана Анатольевна, студент

Научный руководитель: Шумаев Дмитрий Геннадиевич, кандидат юридических наук, доцент

Донецкий государственный университет

В статье рассматривается содержание комбинированной реорганизации коммерческих организаций. Выделяются признаки комбинированной реорганизации, отмечается, что такому виду реорганизации присущ поэтапный характер. Проанализировано значение совмещенной реорганизации. Подчеркнуто, что комбинированная реорганизация представляет собой сложное правовое явление, характеризующееся сочетанием различных форм реорганизации.

Ключевые слова: *комбинированная реорганизация, комплексная реорганизация, признаки реорганизации, организационно-правовая форма, юридическое лицо, государственная регистрация.*

Развитие рыночных отношений, усложнение корпоративных структур и формирование интегрированных бизнес-моделей обуславливают возрастание значения реорганизации как одного из ключевых инструментов изменения организационно-правовой формы юридических лиц. Особую актуальность приобретает исследование комбинированных форм реорганизации, правовое регулирование которых остаётся недостаточно разработанным. Эффективное регулирование данных отношений способствует обеспечению стабильности гражданского оборота и защите интересов его участников.

Целью исследования является конкретизация содержания комбинированной реорганизации и ее признаков с учетом действующего законодательства и современного состояния юридической науки.

В современных условиях развития гражданского оборота и усложнения корпоративных структур особое значение приобретает институт комбинированной реорганизации юридических лиц, который представляет собой качественно новый этап эволюции правового регулирования реорганизационных процессов. Как следует из положений статьи 57 ГК РФ, допускается проведение реорганизации юридических лиц с одновременным сочетанием различных форм, а также участие в ней нескольких субъектов [1]. Данная норма фактически закрепляет возможность осуществления так называемой комбинированной реорганизации, однако не содержит её легального определения.

В юридической литературе отсутствует единый подход к определению комбинированной реорганизации. Так, по мнению П. А. Маркова, реорганизация в целом представляет собой совокупность юридических фактов, последовательное наступление которых приводит к изменению субъектного состава гражданских правоотношений [2, с. 93]. Развивая данную позицию, можно утверждать, что комбинированная реорганизация представляет собой усложнённую форму такого юридико-фактического состава, включающую в себя элементы различных форм реорганизации.

З. В. Галазова рассматривает реорганизацию как сложную юридическую процедуру, направленную на изменение правового положения юридического лица, его имущественного комплекса и субъектного состава [3, с. 71–72]. Применительно к комбинированной реорганизации данный подход позволяет подчеркнуть её многоэтапный характер и необходимость согласования различных юридических действий в рамках единого процесса.

Важным аспектом понимания сущности комбинированной реорганизации является её историческое развитие. Как свидетельствуют исследования, элементы сложных реорганизационных процессов существовали ещё в дореволюционном праве. Так, И. Т. Тарасов, ана-

лизируя акционерные компании, фактически описывал процессы, предполагающие объединение и перераспределение имущественных комплексов, что по своей сути близко к современным комбинированным формам [4].

Современное законодательное закрепление комбинированной реорганизации связано с реформой гражданского законодательства 2014 года, в результате которой была легализована возможность сочетания различных форм реорганизации. При этом законодатель ограничился общей нормой, не разработав детального механизма реализации данного института, что обусловило возникновение значительных теоретических и практических проблем.

Анализ научной литературы позволяет выделить ключевые признаки комбинированной реорганизации [5; 6].

Во-первых, это сочетание нескольких форм реорганизации в рамках одного процесса. В отличие от простой реорганизации, где используется одна форма, комбинированная реорганизация предполагает одновременное или последовательное применение нескольких форм (например, выделение с последующим присоединением).

Во-вторых, комбинированная реорганизация характеризуется множественностью субъектов. В ней могут участвовать несколько юридических лиц, в том числе различных организационно-правовых форм, что отличает её от традиционных моделей реорганизации.

В-третьих, важнейшим признаком является сложный юридико-фактический состав. Комбинированная реорганизация представляет собой не одно юридическое действие, а совокупность взаимосвязанных действий, каждое из которых имеет самостоятельное правовое значение. Данная позиция подтверждается работами П. А. Маркова и других исследователей [2].

В-четвёртых, для комбинированной реорганизации характерен многоэтапный характер реализации. Она включает в себя последовательность стадий, каждая из которых требует соблюдения определённых процедурных требований, включая принятие решений, уведомление кредиторов, государственную регистрацию и иные действия.

В-пятых, комбинированная реорганизация сопровождается сложным механизмом правопреемства. В отличие от простых форм, где правопреемство носит более предсказуемый характер, в данном случае возникает необходимость распределения прав и обязанностей между несколькими правопреемниками, что существенно усложняет правовое регулирование.

В-шестых, существенным признаком является повышенный уровень правовых рисков. Как отмечается в научной литературе, комбинированная реорганизация сопряжена с рисками нарушения прав кредиторов, участников юридических лиц и иных заинтересованных лиц, что требует усиления механизмов правовой защиты.

Дополнительным признаком можно считать отсутствие детальной нормативной регламентации. Несмотря на закрепление возможности комбинированной реорганизации в ГК РФ, законодатель не установил чётких правил её осуществления, что приводит к необходимости восполнения пробелов посредством правоприменительной практики и научных разработок.

Анализ судебной практики показывает, что суды в целом признают допустимость комбинированной реорганизации, однако при этом обращают особое внимание на соблюдение прав кредиторов и участников юридических лиц. Отсутствие единых подходов к разрешению соответствующих споров свидетельствует о необходимости дальнейшего развития правового регулирования.

В научной литературе обоснованно выделяется так называемая совмещённая реорганизация трансформационного типа, при которой имеет место сочетание двух форм реорганизации, связанных с преобразованием юридического лица [7]. Речь идет, в частности, о таких комбинациях, как присоединение с последующим преобразованием либо выделение с преобразованием. При этом на первоначальном этапе соответствующих процедур (выделение или присоединение) в реорганизации участвуют юридические лица одной организационно-правовой формы, тогда как итогом становится создание юридического лица иной организационно-правовой формы посредством преобразования.

В отличие от указанной модели, комплексная реорганизация характеризуется более сложной структурой и предполагает участие либо образование юридических лиц различных организационно-правовых форм на одном или нескольких этапах реорганизации. При этом такие этапы могут не быть непосредственно связаны с процедурой преобразования, что отличает комплексную реорганизацию от совмещённой.

В качестве иллюстрации комплексной реорганизации может быть приведён пример, при котором из акционерного общества осуществляется выделение общества с ограниченной ответственностью с одновременным присоединением данного общества к другому обществу с ограниченной ответственностью. В данном случае наблюдается сочетание элементов смешанной реорганизации (создание юридического лица иной организационно-правовой формы) и совмещённой (одновременное использование нескольких форм реорганизации), что свидетельствует о комплексном характере соответствующего процесса.

Существенным юридическим условием допустимости комплексной реорганизации выступает возможность реализации в её рамках элементов смешанной реорганизации, которая, в свою очередь, предполагает допустимость преобразования участвующих юридических лиц. В этой связи необходимо учитывать ограничения, установленные действующим законодательством. Так, например, невозможным представляется проведение комплексной реорганизации, связанной с выделением из акционерного общества государственного унитарного

предприятия с последующим присоединением к другому унитарному предприятию, поскольку подобная трансформация фактически предполагает преобразование акционерного общества в унитарное предприятие, что противоречит положениям статьи 68 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Анализ действующего законодательства о государственной регистрации юридических лиц позволяет сделать вывод о том, что существующие нормативные механизмы не полностью учитывают специфику комбинированных, а тем более комплексных реорганизаций. В результате на практике возникает риск отказа в государственной регистрации таких реорганизаций со стороны регистрирующих органов, несмотря на формальное отсутствие запрета на их проведение.

В научной литературе предлагаются различные пути разрешения данной проблемы. В частности, высказывается позиция о необходимости детального закрепления возможных моделей комбинированной реорганизации в специальных законах, регулирующих деятельность отдельных видов коммерческих организаций. Альтернативным подходом является введение процедуры обязательной юридической экспертизы при проведении сложных реорганизаций, направленной на установление их правовой допустимости. Кроме того, в качестве возможного решения рассматривается принятие соответствующего постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое позволило бы сформировать единые ориентиры правоприменительной практики.

Выделяются основные признаки комплексной реорганизации как разновидности комбинированной:

1. Она представляет собой особый вид комбинированной реорганизации;
2. Включает совокупность одновременно реализуемых процессов смешанной и совмещённой реорганизации;
3. Указанные процессы объединены единством конечного результата;
4. Её юридическая допустимость обусловлена возможностью преобразования участвующих юридических лиц в соответствии с законодательством.

Исходя из указанных признаков, комплексную реорганизацию следует определить как особый вид комбинированной реорганизации, представляющий собой единый, неделимый и взаимосвязанный процесс, в рамках которого осуществляется сочетание смешанной и совмещённой реорганизации, подчинённое достижению общего правового результата и реализуемое с учётом установленных законодательством возможностей преобразования юридических лиц.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что, комбинированная реорганизация представляет собой сложное правовое явление, характеризующееся сочетанием различных форм реорганизации, множественностью участников, многоэтапностью реализации и сложным механизмом правопреемства. Несмотря на наличие законодательного закрепления, данный ин-

ститут требует дальнейшего теоретического осмысления и совершенствования правового регулирования, что об-

условлено как сложностью его структуры, так и практической значимостью.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 25.12.2006. — № 52 (1 ч.). — Ст. 3301.
2. Марков, П. А. Реорганизация коммерческих организаций: проблемы теории и практики / П. А. Марков. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. — 318 с.
3. Галазова, З. В. Институт реорганизации юридического лица / З. В. Галазова // Вестник Владикавказского научного центра. — 2015. — № 4. — С. 71–74.
4. Тарасов, И. Т. Учение об акционерных компаниях / Тарасов И. Т.; Редкол.: Ем В. С., Козлова Н. В., Корнеев С. М., Кулагина Е. В., Ломакин Д. В., Панкратов П. А. — М.: Статут, 2000. — 666 с.
5. Путилина, Е. А. Комбинированная реорганизация юридического лица: правовая природа / Е. А. Путилина // Тенденции развития науки и образования. — 2021. — № 73–5. — С. 101–103.
6. Павловская, Д. С. Комбинированная реорганизация коммерческих организаций в современном законодательстве и правовой теории / Д. С. Павловская // Вестник науки. — 2024. — Т. 3. — № 3 (72). — С. 204–211.
7. Левушкин, А. Н. Совмещенная реорганизация коммерческих корпораций и модели ее проведения / А. Н. Левушкин // Вестник Московского университета МВД России. — 2024. — № 1. — С. 90–97.

Актуальные вопросы института брачного договора в Российской Федерации

Ильин Роман Юрьевич, студент магистратуры
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматривается современное состояние института брачного договора в Российской Федерации через проблематику пределов допустимости договорной свободы супругов в российском праве: прослеживается рост его востребованности на фоне расширения круга объектов, находящихся в собственности граждан, и анализируются основные преимущества договорного режима имущества супругов. Отдельный акцент сделан на судебной проверке условий брачного контракта. С опорой на материалы правоприменительной практики и определения Верховного Суда РФ исследуется оценочная категория «крайне неблагоприятное положение» одного из супругов как основание для признания сделки недействительной.

Ключевые слова: брачный договор, семейное право, супруги, договорной режим супругов, крайне неблагоприятное положение, Семейный кодекс РФ

Брачный договор в российском семейном праве представляет собой гражданско-правовую сделку, регулирующую имущественные отношения супругов как в браке, так и в случае его расторжения. По своей правовой природе он является сложным институтом, объединяющим элементы гражданского и семейного законодательства. Брачный договор регулируется нормами СК РФ (ст. 40–45) [1], которые устанавливают обязательную нотариальную форму, содержание и порядок его заключения, изменения и расторжения.

По сравнению с предшествующими десятилетиями институт брачного договора в Российской Федерации используется значительно шире, что связано с изменением социально-экономических отношений и с иным составом объектов, принадлежащих гражданам на праве собственности. Если ранее имущественная сфера семьи ассоциировалась главным образом с предметами повседневного быта, то теперь в нее входят квартиры, земельные участки,

акции, доли в бизнесе, дорогостоящие транспортные средства. При таком имущественном наполнении интерес к договорному режиму закономерен: брачный договор востребован как средство упорядочения именно имущественных правоотношений между супругами.

Практическая привлекательность рассматриваемого института проявляется в нескольких плоскостях. Для супругов он создает определенность в вопросах распределения имущества, снижая вероятность конфликта при возможном прекращении брака. Для лиц, связанных с предпринимательской деятельностью, договор нередко становится способом разграничить личное имущество и бизнес-активы, приобретенные до брака, от притязаний второго супруга. Не менее показателен и другой аспект: в соглашении может фиксироваться порядок участия в семейных расходах и распределения доходов, за счет чего внутренняя финансовая модель семьи приобретает большую прозрачность. При этом условия такого акта не

считаются раз и навсегда заданными; по взаимному согласию сторон они могут изменяться и дополняться, если меняются жизненные обстоятельства [2, с. 95].

При всей востребованности института брачного договора дискуссионность его правовой природы сохраняется. Хотя термин «брачный договор» закреплён в действующем законодательстве, в доктрине продолжают споры о его юридической сущности, о пределах договорной свободы и о допустимости участия представителя при его заключении. Современное понимание брачного договора при этом опирается на диспозитивность, равенство сторон и их общую волю, выраженную либо при вступлении в брак, либо уже в период супружества [3, с. 59]. Но сама по себе эта конструкция не устраняет расхождений в интерпретации: частная автономия супругов здесь постоянно соотносится с ограничителями, вытекающими из семейно-правовой природы отношений.

Отсюда вытекает и основная проблема, которая особенно заметна в судебной практике: задекларированная гибкость договора сталкивается с оценочными запретами, сформулированными законодателем достаточно обще. Так, относительно недопустимости включения определенных условий в брачный договор в статье 44 СК РФ содержится положение, в соответствии с которым не следует включать в соглашение условия, которые ставят в крайне неблагоприятное положение одного из супругов. Между тем, критерии «крайне неблагоприятного положения» не получили детальной нормативной разработки. Запрет, содержащийся в п. 3 ст. 42 СК РФ, имеет оценочный характер, а отсутствие развернутых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ не устраняет неопределённости. В результате региональные суды подходят к подобным делам неединообразно: в одних случаях нарушение усматривается уже в явной несоразмерности долей, в других недопустимой считается лишь ситуация полного, «нулевого» лишения супруга какого-либо имущества.

Обратимся к судебной практике.

После восемнадцати лет брака спор супругов Блохиных дошел до Верховного Суда РФ: условия заключенного ими соглашения фактически оставляли одного из супругов без прав на совместно приобретенные ак-

тивы — в том числе на жилые помещения и доли в коммерческих организациях. В Определении от 26.05.2020 № 78-КГ20-14 суд прямо связал подобное распределение имущества с категорией «крайне неблагоприятного положения» из п. 2 ст. 44 СК РФ. На этом материале особенно отчетливо проступает одна из центральных особенностей российского регулирования: даже нотариально удостоверенный брачный договор, подписанный без внешне заметного принуждения, не рассматривается как безусловно неизменяемый, если его исполнение ставит одного из супругов в ситуацию утраты жилья и средств к существованию [4].

Именно здесь проходит одна из наиболее напряженных ситуаций современного правоприменения. Формально свобода договора допускает отступление от законного режима имущества супругов и от равенства долей. Однако в российской судебной практике такие конструкции, особенно когда они приобретают характер своеобразных «штрафных» условий и связываются с поведением супругов — например, с изменой или инициированием развода, — оцениваются с заметной настороженностью. Сама возможность договорного перераспределения имущественной массы не исключает проверки содержания соглашения на предмет его соответствия императивным ограничениям, ориентированным на защиту более уязвимой стороны.

В этом смысле брачный договор в России занимает двойственное положение. С одной стороны, он остается действенным способом выражения частной воли супругов и позволяет отказаться от законного режима собственности. С другой — содержание таких соглашений продолжает находиться под жестким контролем правоприменителя, для которого принцип социальной справедливости нередко перевешивает договорную свободу. На фоне сохраняющейся неоднородности судебных подходов вопрос о более четком законодательном определении признаков «крайне неблагоприятного положения» приобретает не только теоретическое, но и прикладное значение: без этого правовая неопределенность воспроизводится, а баланс интересов супругов остается во многом зависимым от усмотрения суда.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
2. Тимкин А. А. Институт брачного договора в России: проблемы практики применения // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2024 -№ 4 (271). -С.94–99.
3. Виноградова Е. В. Брачный договор в РФ: правовая сущность и проблемы реализации // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98–3. С. 58–61.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.05.2020 № 78-КГ20-14 // СПС Гарант.

Юридическая архитектура Болонского процесса: нормативно-правовой анализ преимуществ и ограничений для участников образовательных правоотношений

Камчатная Анна Михайловна, студент магистратуры

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматриваются правовые аспекты Болонского процесса как механизма гармонизации систем высшего образования на пространстве Европейского союза и за его пределами. На основе анализа нормативно-правовых актов, регулирующих участие России, Германии и Республики Беларусь в Болонском процессе, выявляются ключевые преимущества унификации образовательных стандартов, а также правовые ограничения, препятствующие полной реализации принципов академической мобильности и взаимного признания квалификаций. Особое внимание уделяется проблемам имплементации Болонских принципов в национальные правовые системы и последствиям приостановления участия Российской Федерации в Болонском процессе в 2022 году.

Ключевые слова: Болонский процесс, Европейское пространство высшего образования, академическая мобильность, правовое регулирование, признание квалификаций, образовательное право, суверенитет в образовании.

Введение

Болонская декларация, подписанная 19 июня 1999 года представителями 29 европейских государств, положила начало масштабной реформе высшего образования, целью которой стало создание единого Европейского пространства высшего образования (ЕПВО). Для юридической науки Болонский процесс представляет интерес не только как инструмент образовательной интеграции, но и как феномен международного «мягкого права» — системы рекомендательных норм, которые государства-участники добровольно имплементируют в национальное законодательство.

С момента присоединения России к Болонскому процессу в 2003 году и до приостановления ее членства в 2022 году накопился значительный опыт правоприменения, требующий системного анализа. Цель настоящей статьи — выявить как позитивные аспекты унификации образовательных стандартов, так и правовые ограничения, возникающие при использовании европейских моделей в иные правовые системы.

Нормативно-правовая основа Болонского процесса

Ключевые направления, регламентированные Болонской декларацией, включают: внедрение двухуровневой системы высшего образования (бакалавриат — магистратура), введение системы зачетных единиц (ECTS), обеспечение взаимного признания дипломов, а также стимулирование академической мобильности студентов и преподавателей. Эти принципы носят рамочный характер и требуют конкретизации в национальных законодательствах.

В России правовую основу участия в Болонском процессе составили: присоединение к Болонской декларации в 2003 году (Берлинское коммюнике); Федеральный закон от 24 октября 2007 года № 232-ФЗ, введший двухуровневую систему; а также федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения, ориен-

тированные на компетентностный подход и зачетные единицы [2, с. 128].

В Германии, являющейся одним из инициаторов Болонского процесса, правовое регулирование осуществляется в рамках компетенции федеральных земель с координацией через Постоянную конференцию министров образования и культуры [2, с. 130].

Преимущества Болонского процесса: правовой аспект

К преимуществам Болонского процесса относятся:

- международное признание квалификаций. Одним из главных достижений Болонского процесса стало создание механизмов автоматического признания дипломов на пространстве ЕПВО. Это создает правовую определенность для граждан, желающих продолжить образование или трудоустроиться за рубежом [2, с. 130];

- академическая мобильность как правовая гарантия. Принцип мобильности студентов и исследователей закреплён в Болонской декларации в качестве фундаментального. Созданы правовые механизмы, позволяющие студенту, набравшему определенное количество ECTS-кредитов, продолжать обучение в любом вузе — участнике ЕПВО;

- расширение академических свобод. Болонская модель предполагает возможность студента участвовать в формировании своей учебной программы и выбирать дисциплины. В правовом измерении это означает расширение договорного начала в образовательных отношениях: студент выступает не пассивным объектом педагогического воздействия, а субъектом, обладающим правом на индивидуальную образовательную траекторию [5, с. 55].

Ограничения и правовые проблемы Болонского процесса

К ограничениям Болонского процесса относится недостаточность национальной законодательной базы.

Как обоснованно отмечает М. А. Пашук, фундаментальной проблемой, препятствующей расширению академического взаимодействия в рамках Болонского процесса, является «недостаточность российской законодательной базы, отсутствие правовых условий для активной академической мобильности студентов и академического персонала» [2, с. 135]. К конкретным правовым барьерам относятся: высокие требования для получения студенческой визы (как для российских, так и для немецких студентов), ограниченный объем программ образовательных обменов и недостаток финансирования образовательных поездок за границу.

Проблема признания квалификации «специалист»

В российской правовой системе длительное время существовали две модели: бакалавриат/магистратура (Болонская) и специалитет (традиционная). Это создавало правовую неопределенность для выпускников, желавших продолжить образование за рубежом.

Формализм при имплементации

Критики Болонского процесса в России указывали, что двухуровневый формат «все-таки снизил качество подготовки выпускников» [1, с. 3], а «болонизация» обучения нередко сводилась к «банальной резке существующих учебных программ, а не к составлению новых» [3, с. 5].

С правовой точки зрения это означает, что формальное принятие Болонских стандартов (принятие законов, подзаконных актов) не сопровождалось созданием реальных правовых механизмов, обеспечивающих качество образования.

Проблема «утечки умов» как правовой вызов

Еще в начале Болонского процесса высказывались опасения, что борьба за мобильность студентов обернется «оттоком квалифицированных кадров из небогатых стран, а ведущие экономики будут, как пылесос, вытягивать перспективных молодых людей». С правовой точки зрения это ставит вопрос о балансе между принципом свободы передвижения (закрепленным в Болонской декларации) и правом государства на сохранение человеческого капитала. По данным на 2021 год, ежегодно в магистратуру и аспирантуру европейских вузов уезжали учиться 35–40 тысяч российских студентов, причем более половины из них оставались за границей [3, с. 7].

Правовые ограничения в рамках национальных систем

Д. М. Павловская, анализируя правовые ограничения организации высшего образования в Беларуси, приходит к выводу, что «идеи Болонского процесса принесут пользу только той национальной системе образования, которая

высоким качеством своей работы заслужит уважение партнеров». Формальное подписание документов без создания реальных правовых условий для мобильности и признания квалификаций не достигает целей Болонского процесса.

Юридические последствия выхода России из Болонского процесса

В 2022 году после начала специальной военной операции Россия была исключена из участия в руководящих органах Болонского процесса; официальный статус РФ определяется как «приостановка членства». При этом, как подчеркивают в Европейской комиссии, «отдельные высшие учебные заведения не могут участвовать в Болонском процессе или выходить из него»: это вопрос государственного членства.

Российская сторона объявила о выходе из Болонской системы, назвав ее «прожитым этапом» [1, с. 4]. Министр науки и высшего образования Валерий Фальков заявил, что отказ от Болонской системы «позволит в большей степени приблизить образование к потребностям именно отечественного образовательного рынка» [3, с. 8].

С правовой точки зрения выход из Болонского процесса влечет следующие последствия:

- отсутствие автоматического признания дипломов. У выпускников по иным системам «возникают проблемы с признанием дипломов»;
- сохранение накопленных прав. Зачетные единицы ECTS не имеют сроков давности и принимаются в любом вузе — члене Болонского процесса. Студенты, обучавшиеся по Болонской системе до выхода, сохраняют право на признание своих академических достижений;
- снижение международной конкурентоспособности. В федеральном министерстве исследований ФРГ считают, что «отмена системы бакалавриата и магистратуры... снижает международную конкурентоспособность российских университетских дипломов и усиливает изоляцию России в рамках общеевропейского образовательного пространства».

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Болонский процесс создал уникальную правовую среду, обеспечивающую взаимное признание квалификаций и академическую мобильность на пространстве ЕПВО. Его преимущества с правовой точки зрения заключаются в унификации образовательных стандартов, создании прозрачных механизмов перевода зачетных единиц и расширении академических свобод обучающихся [2, с. 135–136].

Однако имплементация Болонских принципов в национальные правовые системы сопряжена с рядом ограничений: формализм при внедрении, недостаточность законодательной базы для реальной мобильности, а также

проблема сохранения национального человеческого капитала в условиях свободного перемещения студентов.

Выход России из Болонского процесса в 2022 году создает новую правовую реальность: с одной стороны, появляется возможность адаптировать систему высшего образования к потребностям национальной экономики; с другой — снижается международная конкурентоспособность российских дипломов и затрудняется академиче-

ская мобильность будущих поколений. Как справедливо отмечает Д. М. Павловская, ценность участия в Болонском процессе определяется не формальным членством, а реальным качеством национальной системы образования [4, с. 283]. Это наблюдение сохраняет свою актуальность как для России, так и для других государств, переосмысливающих свое участие в европейском образовательном пространстве.

Литература:

1. Гринкевич В. Ловушка стандартов: как отразились на российском образовании присоединение к Болонской системе и выход из нее // Профиль : [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://profile.ru/society/lovushka-standartov-kak-otrazilis-na-rossijskom-obrazovanii-prisoedinenie-k-bolonskoj-sisteme-i-vygod-iz-nee-1747685/> (дата запроса 01.05.2026).
2. Пашук М. А. Нормативно-правовое регулирование академического взаимодействия России и Германии в рамках Болонского процесса: проблемы совершенствования // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». — 2021. — № 1. — С. 126–138. — DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-126-138.
3. Что российским студентам не говорят о Болонской системе // DW [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/vhodimvyhodim-cto-na-samom-dele-proishodit-s-bolonskoj-sistemoj-v-rf/a-75936767> (дата запроса 01.05.2026).
4. Павловская Д. М. Правовые ограничения организации высшего образования в Республике Беларусь в рамках Болонского процесса // 75-я научно-техническая конференция учащихся, студентов и магистрантов: тезисы докладов. — Минск : БГТУ, 2024. — Ч. 3. — С. 282–283.
5. Романова Г. М., Ермакова В. П., Мазниченко М. А. Реализация академических прав студентов: Россия в Болонском процессе // Высшее образование в России. — 2019. — Т. 28. — № 1. — С. 34–45.
6. Давлетгильдеев Р. Ш., Цыганцова С. И. Мобильность исследователей как проявление интегрированности правового регулирования в Европе // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 4. — С. 240–260. — DOI: 10.17323/2072-8166.2020.4.240.260.

Правовая практика защиты религиозной тайны в современном американском законодательстве: конституционные гарантии и пределы законодательного регулирования

Карасева София Олеговна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье исследуются особенности правовой практики защиты религиозной тайны в современном американском законодательстве через призму конституционных гарантий свободы вероисповедания и специальных законодательных механизмов охраны религиозной автономии.

Ключевые слова: свобода вероисповедания, религиозная тайна, религиозная автономия, RFRA

В американской правовой системе защита религиозной тайны рассматривается как составной элемент более широкой категории свободы вероисповедания и религиозной автономии личности. Под религиозной тайной в данном контексте понимается охраняемая законом сфера религиозных убеждений, практик, конфессиональной принадлежности и внутренней религиозной коммуникации, в отношении которой государство и иные субъекты обязаны воздерживаться от необоснованного вмешательства. Современное американское законо-

дательство формирует комплексную систему гарантий, обеспечивающих защиту религиозной сферы личности, опираясь как на конституционные положения, так и на специальные федеральные нормативные акты [4].

Основным источником правовой защиты религиозной тайны в США выступает Первая поправка к Конституции США, закрепляющая запрет на установление государственной религии и гарантирующая свободное исповедание религиозных убеждений [1]. Положение о свободном исповедании религии (Free Exercise Clause) обеспечивает

правовую основу для защиты лиц от необоснованного вмешательства государства в сферу их религиозной идентичности, религиозных практик и убеждений. Одновременно Положение об установлении религии (Establishment Clause) ограничивает возможность государства чрезмерно вмешиваться во внутреннюю деятельность религиозных институтов, тем самым формируя дополнительный механизм охраны конфиденциальной религиозной сферы.

Несмотря на конституционное закрепление свободы религии, судебная практика Верховного суда США демонстрирует неоднозначность в вопросах объема предоставляемой защиты [4]. В ряде случаев суд занимал позицию расширительного толкования религиозных свобод, особенно в ситуациях, когда государственное регулирование непосредственно затрагивало внутренние религиозные практики или права религиозных меньшинств. Однако в иных делах Верховный суд допускал возможность ограничения религиозной свободы посредством применения нейтральных законов общего действия, если такие законы не были направлены специально против религиозной практики. Подобный подход существенно сузил конституционные гарантии защиты религиозной сферы и обусловил необходимость законодательного вмешательства со стороны Конгресса. Ответом на ограничительное толкование свободы вероисповедания со стороны судебной власти стало принятие в 1993 году Закона о восстановлении свободы вероисповедания (Religious Freedom Restoration Act, RFRA). Данный нормативный акт существенно усилил правовые гарантии религиозной автономии [4]. Принятие RFRA стало важным этапом в развитии механизмов законодательной защиты религиозной тайны, поскольку закон фактически распространил охрану не только на формальное право исповедовать религию, но и на практическую реализацию религиозных убеждений в различных сферах общественной жизни.

Особую роль в формировании правовой практики защиты религиозной тайны играет судебное толкование RFRA. В ряде дел федеральные суды подтверждали, что государственные органы обязаны учитывать религиозную специфику заявителей при принятии административных решений, если такие решения могут существенно затронуть религиозную сферу личности или религиозной организации. Вместе с тем практика применения закона демонстрирует, что пределы его действия остаются предметом дискуссии. Суды не всегда определяют, какие именно формы вмешательства государства могут считаться существенным ограничением религиозной свободы, а какие — допустимым косвенным регулированием.

Дополнительное значение для защиты религиозной тайны имеет трудовое законодательство США, прежде всего положения Раздела VII Закона о гражданских правах 1964 года, запрещающие работодателям дискриминацию по религиозному признаку [4]. Указанные нормы направлены на предотвращение необоснованного вмешательства работодателя в религиозную сферу работника и обязывают работодателей по возможности

учитывать религиозные потребности сотрудников [3]. Однако эффективность данного механизма ограничивается судебной практикой, согласно которой работодатель освобождается от обязанности учитывать религиозные особенности работника, если это влечет чрезмерные организационные или финансовые затруднения. Такая правовая конструкция снижает уровень фактической защищенности религиозной сферы работников в трудовых отношениях. Следует отметить, что американская модель защиты религиозной тайны распространяется не только на индивидуальные религиозные убеждения, но и на институциональную автономию религиозных организаций. В рамках данной концепции государство ограничено в возможности вмешиваться во внутренние вопросы религиозных объединений, включая кадровые решения, организационную структуру, порядок богослужений и иные аспекты внутреннего управления. Подобный подход отражает признание особого статуса религиозных институтов как субъектов, обладающих правом на самостоятельное определение вопросов вероучительного и организационного характера [1].

При этом существующая система правовой защиты религиозной тайны в США не лишена недостатков. Использование законодателем оценочных понятий и недостаточно конкретизированных критериев приводит к тому, что окончательные пределы защиты религиозной сферы зачастую определяются судами смутно, в зависимости от обстоятельств конкретного дела, что создает правовую неопределенность и снижает предсказуемость правоприменительной практики. Кроме того, американская модель демонстрирует сложность поиска баланса между защитой религиозной тайны и иными конституционно значимыми интересами, включая требования общественной безопасности, равенства и эффективного государственного управления. Законодательная и судебная власть вынуждены постоянно соотносить необходимость охраны религиозной автономии с потребностью предотвращения злоупотреблений правом на свободу вероисповедания и обеспечения равного правового статуса иных участников общественных отношений [2].

Таким образом, правовая практика защиты религиозной тайны в современном американском законодательстве представляет собой сложную многоуровневую систему, основанную на сочетании конституционных гарантий, специального законодательного регулирования и судебной интерпретации. Несмотря на наличие развитого нормативного механизма охраны религиозной сферы, эффективность защиты религиозной тайны в значительной степени определяется качеством законодательной базы и последовательностью судебного толкования соответствующих норм. Американский опыт свидетельствует о том, что обеспечение надлежащей правовой охраны религиозной тайны требует не только формального закрепления религиозных свобод, но и постоянного совершенствования механизмов их практической реализации в условиях меняющегося общественного и правового контекста.

Литература:

1. Грегори, Л. Труд и Конституция: труд и собственность, неприкосновенность частной жизни, дискриминация и международные отношения / Л. Грегори. — Нью-Йорк: Руттледж, 2014. — 385 с. — Текст: непосредственный.
2. Религиозный характер практики или убеждений. Заключение 29 CFR 1605.1. — Текст: электронный // U.S.GOVERNMENTPUBLISHINGOFFICE:[сайт]. — URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/granule/CFR-2012-title29-vol4/CFR-2012-title29-vol4-sec1605-1> (дата обращения: 28.04.2026).
3. Предоставление условий труда в соответствии с религиозными потребностями работника. — Текст: электронный // Anti-Defamation League: [сайт]. — URL: <https://www.adl.org/sites/default/files/documents/assets/pdf/civil-rights/religiousfreedom/religiousaccommodworkplaee/religiousaccommodwkplacerevised07-29-15.pdf> (дата обращения: 28.04.2026).
4. Фридмэн, Л. Введение в американское право / Л. Фридмэн. — М.: Прогресс, 1992. — 286 с. — Текст: непосредственный.

Трансформация правового статуса адвоката в уголовном процессе советского периода

Киль Виктория Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Коротыш Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассматриваются вопросы трансформации процессуального статуса адвоката в уголовном процессе советского периода. Анализируются ключевые нормативные акты, изменения организационных форм защиты (коллегии, консультации) и роли адвоката в условиях различных исторических периодов. На основе сравнительного анализа историко-правовых источников выявляются противоречия института адвокатуры советской юстиции.

Ключевые слова: советская адвокатура, правовой статус адвоката, Декреты о суде, Новая экономическая политика (НЭП), право на защиту, коллегии защитников, трудовая повинность, Положение об адвокатуре, административно-командная система.

Процесс становления советской адвокатуры рассматривается как результат радикальной трансформации правовой системы, при которой статус защитника в уголовном процессе был адаптирован под принципиально новые идеологические и функциональные задачи социалистического правосудия. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления исторического опыта функционирования института адвокатуры для понимания векторов развития современного уголовно-процессуального законодательства.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникавшие в сфере обеспечения права на защиту в советский период. Предметом являются нормативно-правовые акты советского периода (кодексы, декреты, постановления), регулировавшие положение защитника.

Методологическую основу исследования составляют историко-правовой метод, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, системный подход и диалектический метод. Такие методы позволили глубже понять, как формировалось правовое положение адвоката и какие факторы влияли на его эффективность в защите прав граждан в условиях советского правосудия.

Целью работы является выявление ключевых этапов трансформации правового статуса адвоката в советской системе уголовной юстиции и определение степени влияния политико-идеологических факторов на его процессуальную независимость. Проблема, которую необходимо рассмотреть, связана с противоречиями между формальным правовым статусом адвоката и реальными условиями его деятельности в советском уголовном процессе.

Для достижения указанной цели ставятся следующие задачи: 1) раскрыть содержание этапа радикального реформирования в первые годы советской власти; 2) проанализировать источники и законодательные основы адвокатуры в РСФСР и СССР; 3) исследовать правовое положение адвоката в период институционализации и регламентации; 4) оценить влияние реформ периода «оттепели» на расширение полномочий адвоката на стадии предварительного следствия; 5) проследить эволюцию конституционных основ права на защиту в поздний советский период.

Научная новизна работы заключается в систематизации этапов трансформации полномочий защитника в контексте смены правовых парадигм (от Декретов о суде

до УПК РСФСР 1960 г.). Автором выявлена зависимость между политическим режимом и объемом процессуальных прав адвоката.

В дореволюционный период институт судебного представительства прошел путь от несистемного участия «поверенных» и «стряпчих» до создания профессиональной адвокатуры в ходе Судебной реформы 1864 года. Учреждение института присяжных поверенных ввело строгие образовательные и квалификационные цензы, превратив защиту в автономную правовую корпорацию. Данная трансформация стала важнейшим элементом демократизации системы правосудия и отразила фундаментальные изменения в общественно-политической жизни России второй половины XIX века [1].

Этап радикального реформирования (1917–1922 гг.)

После событий Октябрьской революции 1917 года в стране была провозглашена власть Советов. Процесс укрепления советской власти сопровождался перестройкой всей правоохранительной системы, в том числе подвергся радикальным преобразованиям и институт адвокатуры.

Несмотря на формальное признание принципа самостоятельности, установленного Судебной реформой 1864 года, большевики стремились адаптировать право на защиту под нужды новой идеологии. По мнению И. К. Кукарского, адвокатура как часть надстройки буржуазно-помещичьего общества служила тем же классовым целям, что и суд. Поэтому, по его мнению, она разделила судьбу царского суда и Октябрьская революция, в свою очередь, расчистила путь для создания нового института защиты [2, с. 6].

В этот период главными источниками права выступали декреты высших органов государственной власти, таких как Совет Народных Комиссаров (СНК) и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). Эти законодательные акты носили революционный характер, они отражали насущные потребности момента, такие как Декреты «О суде» и другие. Эти законодательные акты принимались в сжатые сроки и были направлены на демонтаж старых буржуазных институтов. Большевики отрицали теорию разделения властей, заменяя ее властью Советов. Наблюдался полный отказ от прежней парадигмы: отменялись не только законы, но и сама логика «буржуазного» права.

Ключевым инструментом этих перемен стал Декрет № 1 «О суде», принятый СНК РСФСР 22 ноября 1917 года, который окончательно ликвидировал классическую присяжную адвокатуру [3, с. 125]. В этом документе отразился классовый подход новой судебной защиты. Установление порядка, согласно которому функции защиты и обвинения могли исполнять любые «неопороченные граждане», наделенные гражданскими правами, фактически депрофессионализировало юридическую помощь. Отмена требований к профессиональному образованию

и квалификационным экзаменам открыла двери в профессию для всех желающих [4, с. 11].

Таким образом, решалась политическая задача: прежние юристы, представлявшие преимущественно обеспеченные слои населения, были объявлены «классово чуждыми». Поскольку собственных, «пролетарских» кадров у новой власти еще не было, законодатель фактически упразднил профессиональный ценз, заменив его принципом общедоступности. Данная мера означала не просто реорганизацию, а институциональную ликвидацию адвокатуры как автономной профессиональной корпорации. Подменяя квалифицированное представительство общественным, и переход от профессиональной юстиции к классовой [5, с. 320].

В Декрете № 1 «О суде» объявлялось об упразднении существовавшей прежде судебной системы. Свою деятельность прекращали Правительствующий Сенат, окружные суды и судебные палаты, военные и морские суды, институты судебных следователей, присяжных поверенных, прокурорского надзора, частной адвокатуры и др., сохранялся только институт мировых судей. Взамен вводились два вида судов — народные суды и революционные трибуналы. В Декрете были заложены демократические принципы судопроизводства. Это и участие народных заседателей, и выборность судей и заседателей, гласность процесса, право обвиняемого на защиту и т. д. Декрет стал фундаментом новой судебной системы, но он не определял четких организационных форм судебной защиты. Это привело к затяжному периоду (вплоть до 1922 года), в течение которого государство находилось в поиске наиболее приемлемых форматов работы защитников. В этот период функции адвокатуры поочередно выполняли различные структуры.

Для разрешения повседневных споров и рассмотрения уголовных дел, не отнесенных к ведению революционных трибуналов, были учреждены народные суды. Эти органы рассматривали дела, связанные с преступлениями, не представляющими угрозы для нового строя. Положение о народном суде РСФСР 1918 года предусматривало создание особых органов, призванных обеспечивать как справедливое обвинение, так и должную защиту прав подсудимых [6].

Народные суды избирались на основе прямых демократических выборов (на практике — местными Советами). Народный суд состоял из одного постоянного судьи и двух очередных заседателей. Судопроизводство в народных судах, хотя и отличалось от дореволюционного, стремилось к обеспечению определенного баланса между обвинением и защитой, предоставляя подсудимому возможность оправдаться и доказать свою невиновность. Члены коллегий обвинителей и защитников считались должностными лицами и получали содержание от государства. Целью создания таких коллегий было обеспечение всестороннего и объективного рассмотрения уголовных дел. Коллегия обвинителей, состояла из народных заседателей, избираемых только на время про-

цесса. Деятельность была направлена на установление истины и защиту интересов революционного правопорядка. Положение уделяло должное внимание праву на защиту подсудимого и обеспечению его интересов [7, с. 111]. Таким образом, защита в советском понимании того периода была неразрывно связана с идеей справедливости и интересами трудящихся, что накладывало отпечаток на ее деятельность.

Однако, в условиях тотальной борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией, возникла необходимость в более радикальных и быстрых мерах. Именно для этих целей были созданы революционные трибуналы. Состав избирался губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Они наделялись исключительными полномочиями для подавления любых антисоветских проявлений, от саботажа и шпионажа до активного вооруженного сопротивления. В компетенцию революционных трибуналов входили дела «о борьбе с мародерством и хищничеством, прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц», а также уголовные дела, имевшие особое значение. Юрисдикция революционных трибуналов охватывала самые серьезные преступления, представляющие угрозу для советской власти. Приговоры революционных трибуналов признавались окончательными, за редким исключением их решения пересматривались. Как отмечали современники тех дней, по своей форме заседания революционного трибунала мало отличались от заседаний старого, царского суда [8, с. 36].

Существенное различие между народными судами и революционными трибуналами заключалось в степени ограничения прав подсудимых, особенно в части защиты. Если в народных судах обвиняемый имел возможность рассчитывать на полноценную защиту, то в трибуналах эта функция была существенно ограничена. Революционная целесообразность и необходимость скорейшего вынесения приговора зачастую ставились выше формальных гарантий прав личности.

Декрет № 2 «О суде», принятый ВЦИК 7 марта 1918 года, был направлен на устранение организационной неопределенности, возникшей после первой реформы, и внесения элементов централизации. Для рассмотрения дел, выходящих за пределы компетенции местных судов, создавались окружные народные суды. Вводилось обязательное участие обвинителя и защитника «коллегии правозаступников» [9, с. 467]. В коллегии принимались лица, избираемые и отзывающиеся Советами рабочих и крестьянских депутатов, посвятившие себя правозаступничеству в форме общественного обвинения или защиты. Из государственного бюджета защитники получали жалование. С подзащитных в пользу государства взималась плата, а бедняки обслуживались бесплатно. Лица, не являвшиеся членами коллегий, не могли быть представителями в суде под угрозой лишения свободы или штрафа. Однако, Декрет № 2 «О суде» допускал в ряде случаев участие «родственников и близких знакомых», что являлось

регрессивным признаком по отношению к профессионализму. Вводился Верховный судебный контроль, наделенный правом кассации [10, с. 68].

Первоначальный этап формирования системы судопроизводства завершился с принятием Декрета № 3 «О суде» 20 июля 1918 года. Этот декрет окончательно закрепил государственный статус правозаступников. Частная практика становилась под запретом. При приеме в коллегию на первое место ставилась «политическая благонадежность» и трудовой стаж, а юридическое образование часто считалось второстепенным или даже подозрительным фактором. Декрет четко разделил полномочия между местными и окружными судами. Коллегии полностью подчинялись местным Советам. Правозаступник рассматривался как «помощник суда» в поиске истины, а не как защитник интересов клиента. Главной задачей была защита интересов пролетариата, а не соблюдение формальных юридических процедур [11].

Концепция «революционного правосознания» и принцип «революционной законности» стали ключевым юридическим инструментом первых лет советской власти. Особое значение придавалось справедливости и интересам трудящихся масс. Это было вынужденным шагом, диктуемым необходимостью сохранить хоть какую-то стабильность в правоприменительной практике. Тем не менее, указанные доктринальные установки применялись избирательно и подвергались идеологической интерпретации.

Необходимо также подчеркнуть, что Декрет № 1 «О суде» разрешал в сферах, которые не были непосредственно затронуты революционной ломкой, использовать некоторые нормы старого, дореволюционного права, только если они «не отменены революцией и не противоречат революционной совести» и «революционному правосознанию». Правозаступники и судьи того времени считали старые царские законы инструментом угнетения и часто апеллировали к чувствам и эмоциям. «Революционное правосознание» позволяло оправдать самосуд или, наоборот, сурово наказать за проступок, который в старом праве вообще не считался преступлением.

Таким образом, «революционное правосознание» сделало суд гибким и быстрым, но ослабило значение формально-юридических гарантий. Оно существенно снизило правовую определенность, превратив защиту в политическое выступление. До создания полноценных кодексов судьи (и защитники) руководствовались не столько буквой закона, сколько интересами пролетариата. Судебные органы, созданные после революции, зачастую руководствовались этими общими, но мощными принципами, приспосабливая их к конкретным делам.

Такая система просуществовала до конца 1920 года, когда коллегии правозаступников были упразднены, а вместо них ввели систему трудовой повинности. 11 мая 1920 года было принято Постановление СНК «О регистрации лиц с высшим юридическим образованием» [12]. По этому документу, лица, имевшие высшее юридическое

образование, должны были пройти регистрацию по месту жительства. В учреждения, которые нуждались в юристах, направлялись такие лица в порядке трудовой повинности. По мнению Л. А. Стешенко, привлечение юристов к ведению дел на основе трудовой повинности означало ликвидацию адвокатской корпорации [13, с. 42]. Система юридических консультаций при отделах юстиции губисполкомов, а также привлечение любого юриста к защите в суде, в порядке трудовой повинности, часто носило формальный характер в виду отсутствия практической подготовки и специализации.

Таким образом, эксперимент 1917–1920 гг. по замене адвокатов «народными защитниками» доказал несостоятельность идеи правосудия без профессиональной защиты. На данном этапе правовой статус адвоката был депрофессионализирован; защита понималась как общественная обязанность, а не как самостоятельный правовой институт.

Институционализация и регламентация (1922–1930-е гг.)

Период новой экономической политики (НЭП), принятой 14 марта 1921 года X съездом РКП(б), стал переломным этапом для отечественного юридического сообщества. Его целью было введение частного предпринимательства и возрождение рыночных отношений. Восстанавливая народное хозяйство, необходимы были органы, способные разрешать споры между юридическими лицами. Такими органами стали арбитражные комиссии. Процессуальный статус адвоката в этот период претерпел фундаментальные изменения, связанные с отказом от политики «военного коммунизма» и переходом к кодифицированному праву.

Введение НЭПа требовало стабильного гражданского оборота и четких судебных процедур. В этот период советская адвокатура столкнулась с внутренним противоречием. С одной стороны, государству требовались «старые специалисты» (бывшие присяжные поверенные), обладавшие высокой квалификацией для обслуживания гражданского оборота. С другой стороны, доктрина требовала наполнения коллегий «пролетарскими кадрами». Профессионалы из дореволюционной адвокатуры могли обеспечить качество процесса, но при этом, они находились под постоянным идеологическим давлением [14].

В этот период частично возродилась частная практика, но она по-прежнему воспринималась как «буржуазный пережиток». Были созданы юридические консультации для обеспечения доступной помощи малоимущим слоям населения, что стало прообразом современной системы бесплатной юридической помощи.

Завершение гражданской войны, изменение социальных условий в стране, все это обусловило необходимость проведения судебной реформы. Положение об адвокатуре 1922 года, утвержденное постановлением III сессии ВЦИК IX созыва [15], стало ключевой вехой. Этот

документ завершил период неопределенности, длившийся с 1917 года. 11 ноября 1922 года ВЦИК утвердил Положение о судостроительстве РСФСР, которое ликвидировало раздвоение советской юстиции на народные суды и ревтрибуналы. Система трибуналов, за исключением военных, отменялась.

Адвокаты перестали быть чиновниками, получающими зарплату из бюджета. Они перешли на оплату труда по соглашению с клиентами. Положение предусматривало образование при губернских отделах юстиции коллегий защитников по уголовным и гражданским делам. Коллегиям поручалось оказание любой юридической помощи населению. По Положению устанавливались строгие рамки для членства в коллегиях: стаж работы не менее двух лет в качестве судьи, следователя, правозащитника, консультанта отдела юстиции или сдача специального экзамена кандидату в адвокаты. Однако правовое положение адвоката в советском уголовном процессе оставалось ограниченным: защитник допускался к участию в судебном заседании, но лишь с момента окончания предварительного следствия [2, с. 8].

Таким образом, по мере сворачивания НЭПа, к 1928–1930 годам, автономия адвокатуры стремительно сократилась. Частная практика была окончательно ликвидирована. Началось принудительное объединение адвокатов в коллективы защитников. Адвокатура начала превращаться все в более централизованный элемент системы правосудия. Адвокат официально провозглашался «советским общественником». Его задачей стала не только защита интересов клиента, но и «помощь суду в установлении истины» и «воспитание граждан». Это создавало этическую дилемму: интересы государства ставились выше интересов подзащитного.

Закрепление процессуальных гарантий

С укреплением советской власти появились первые кодексы, такие как Уголовный и Гражданский кодексы РСФСР 1922 года. Эти акты уже квалифицировались как систематизированное изложение права, хотя и сохраняли в себе отпечаток революционной эпохи. Они опирались на накопленный опыт и декретное законодательство, став важнейшим источником советского права, заложив основы его дальнейшей эволюции. Судебная реформа 1922 года и принятие Положения о коллегии защитников положили конец периоду институциональной неопределенности, ознаменовав новый этап в становлении советской юриспруденции [16, с. 14].

Очередным этапом изменения правового статуса адвоката можно считать принятие Конституции 1936 года. В ней формально закреплялось право на защиту (ст. 111), но при этом на практике был разрыв с реальностью, и оно носило преимущественно декларативный характер. Параллельно с конституционными нормами действовали внесудебные органы «тройки» и особое совещание при НКВД, где право на защиту полностью игнорировалось

и участие защитника не предусматривалось. Адвокаты, защищавшие обвиняемых по политическим делам, уголовно преследовались и наказывались. Такое положение требовало дальнейшего организационного укрепления адвокатуры и совершенствования ее деятельности [2, с. 7].

В предвоенные и военные годы структура адвокатуры была окончательно унифицирована и централизована. Ключевым событием стало принятие Положения об адвокатуре СССР 1939 года, которое впервые закрепило единую общесоюзную структуру коллегий под контролем Наркомата юстиции. Положением были определены формы юридической помощи, которую мог оказывать адвокат: консультирование, составление заявлений, жалоб и других документов по просьбе граждан, учреждений, организаций и предприятий; участие в судебных процессах в качестве защитников обвиняемых, представителей ответчиков, истцов и других заинтересованных лиц.

Впервые законодательно закреплялось, что адвокат не может быть допрошен как свидетель об обстоятельствах, ставших ему известными от клиента. Это стало зарождением основ «адвокатской тайны», хотя и в недостаточно развитой нормативной форме. Адвокат по-прежнему не допускался к предварительному следствию вплоть до его окончания, видя материалы дела только перед судом. В этот период профессиональная этика подменялась партийной дисциплиной, а коллегии подвергались регулярным кадровым «чисткам» для обеспечения лояльности государственному курсу. Термин «защитник» заменялся понятием «адвокат». В сталинский период адвокат рассматривался не как независимый защитник прав личности, а как «помощник суда», чья деятельность была направлена на укрепление «социалистической законности» [17].

Положение об адвокатуре содержало принципиальное указание на самоуправление коллегий адвокатов: порядок приема, организация коллегий, руководство, дисциплина и т. д. Но, по мнению Ю. И. Стецовского, осуществить это в те годы, удавалось далеко не всегда. Коллегии рассматривались как придаток государственных органов [18, с. 80].

Военное время наложило специфический отпечаток на функционирование института защиты. Деятельность коллегий была перестроена на военный лад, в условиях жесткого дефицита кадров, они выполняли мобилизационные и социальные задачи. Защитники продолжали свою работу, в основном выполняя важнейшую гуманитарную функцию, сосредоточившись на социально-правовой помощи семьям военнослужащих и фронтовиков, а также обеспечивая законность в тылу, помогая поддерживать правопорядок в условиях военного времени. В период с 1941 по 1950 гг. издавались Указы Президиума Верховного Совета СССР, которые затрагивали разные вопросы: о государственной тайне, о применении смертной казни к изменникам родины, шпионам, диверсантам и др. В этот период, по мнению А. Я. Козинцева, закончилось формирование правовых основ советской адвокатуры в том виде, в каком они были заложены в Положении об адвокатуре 1939 года [19].

Период сталинских репрессий 1930–1950-х годов характеризовался дальнейшим сужением роли защитника. Послевоенное пятилетие было периодом восстановления разрушенной войной структуры коллегий и повышения профессионального уровня юридических кадров. В состав коллегий вошло большое количество фронтовиков, не имевших законченного юридического образования. Это потребовало развертывания сети заочного обучения и курсов переподготовки [20].

Таким образом, несмотря на ожидания демократизации после победы, усилилось идеологическое давление. Адвокатура представляла собой государственно-общественный институт с жесткой дисциплиной и цензурой выступлений, где «успехом» защиты часто считалась лишь переквалификация статьи или смягчение приговора, а не оправдание. Правовое положение адвоката в этот период характеризовалось жесткой идеологической регламентацией и отсутствием доступа к материалам предварительного следствия.

Не менее важным периодом для советской адвокатуры было время в условиях административно — командной системы 1960–1980 гг. Этот период, начавшийся с «хрущевской оттепели» и перешедший в фазу «застоя», стал временем относительной стабилизации института адвокатуры. В этот период произошло усиление роли права и профессиональных юристов. Началась масштабная работа по созданию реального процессуального законодательства. Это был важнейший рывок в истории советского права. Ключевые изменения закрепили «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» 1958 года. В этом документе впервые детально прописывались права обвиняемого. И в 1960 году принимается УПК РСФСР, этот кодекс становится главным итогом кодификации. В нем уже четко определяется статус защитника, устанавливается момент допуска адвоката к делу, закрепляется презумпция невиновности [20].

Главным достижением этого времени стал прорыв адвоката на стадию предварительного следствия, куда раньше он практически не допускался. Новые возможности адвокатов включали, участие в предварительном расследовании, защита интересов особых категорий граждан. Адвокат был допущен к материалам дела с момента окончания следствия, а по делам несовершеннолетних — с момента предъявления обвинения. Была законодательно закреплена недопустимость допроса адвоката об обстоятельствах дела. Защитник получил право на свидание наедине и доступ ко всем материалам дела. Это позволило заранее выстраивать стратегию защиты [16, с. 25].

Положение об адвокатуре РСФСР от 25 июля 1962 года, утвержденное Законом РСФСР, а затем Закон «Об адвокатуре в СССР» 1979 года, закрепило статус коллегий как самоуправляемых общественных организаций, действующих в рамках жесткого партийного контроля. Впервые за долгое время была законодательно оформлена структура адвокатских объединений. Положение об

адвокатуры 1962 года значительно расширяло права адвокатов, но при этом усиливало их ответственность. Адвокаты наделялись правом вносить предложения в органы власти и управления, запрашивать документы из государственных и общественных организаций. Положение обязывало адвоката «хранить профессиональную тайну» и запрещало ему отказываться от принятой на себя защиты обвиняемого.

С принятием Конституции СССР 1977 года начался этап процессуальной регламентации. Конституция «развитого социализма» подвела итог двадцатилетней кодификационной работе, превратив право на защиту в конституционный принцип. Впервые нормы о правосудии были выделены в отдельную главу 20 «Суд и арбитраж», входящую в Часть VII «Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор». Основной закон содержал положения: ст. 158 (прямо закрепила обязанность коллегий адвокатов оказывать юридическую помощь гражданам и организациям), ст. 159 (языковое равенство), ст. 160 (презумпция невиновности), ст. 161 (институционализация коллегий адвокатов) и ст. 162 (участие трудовых коллективов). Хотя право на защиту декларировалось уже в Конституции СССР 1936 года (ст. 111), но оно носило общий характер и не раскрывало институциональную роль адвоката. В отличие от Конституции 1936 года, норма Конституции 1977 года была органично связана с уже действующими кодексами.

Закон «Об адвокатуре в СССР», принятый 30 ноября 1979 года, стал логическим продолжением Конституции 1977 года, этот закон окончательно закрепил адвокатуру как самоуправляемую корпорацию. Этот Закон стал первым в истории страны актом общесоюзного уровня, регулирующим профессию адвоката. На высшем уровне впервые было зафиксировано, что адвокатура — это не «отдел при исполкоме», а самоуправляемая организация, призванная оказывать юридическую помощь. Адвокат стал законным представителем с четко очерченными полномочиями, ввелся запрет допроса адвоката об известных ему обстоятельствах. Расширились права адвоката на сбор доказательств, допуск на ранние стадии процесса. Появилась возможность предотвращать давление на под-

следственного и фиксировать нарушения прав человека еще до того, как дело попадет в суд.

В декабре 1988 года Политбюро ЦК КПСС, понимая необратимость начавшихся перемен в стране, сделало шаг навстречу адвокатуры. В феврале 1989 года, в Москве в составе 507 делегатов из 13 союзных республик, на I Учредительном съезде адвокатов СССР, было провозглашено создание Союза адвокатов СССР как общественной, добровольной, самоуправляющейся организации, основанной на индивидуальном членстве. В 1992 году Союз адвокатов СССР был преобразован в Международный Союз (Содружество) адвокатов.

Таким образом, Конституция СССР 1977 года (ст. 158) возвела право на защиту в ранг конституционных принципов. Закон об адвокатуре 1979 года превратил адвоката из «помощника правосудия» в самостоятельного участника процесса. В период перестройки (1985–1991 гг.) ключевым изменением статуса адвоката стало право защитника вступать в дело с момента задержания или ареста подозреваемого. Это ознаменовало переход от «контролируемой защиты» к полноценной состязательности, что фактически подвело черту под формированием классической модели защиты.

Проведенное исследование показывает, что правовой статус советского адвоката преодолевал сложные и многоступенчатые этапы развития, развивался циклично: от попыток полной ликвидации до постепенного признания необходимости профессиональной защиты. Советская адвокатура прошла путь от «классово чуждого элемента» до уважаемой профессиональной корпорации, ставшей кадровым резервом для современной российской юстиции.

Анализ советского периода позволяет констатировать, что результативность квалифицированной адвокатской помощи обусловлена обеспечением оптимального баланса между государственным регулированием и профессиональной автономией института адвокатуры. Сравнительно-правовой анализ свидетельствует о последовательном расширении роли адвоката в российском уголовном судопроизводстве. От полного отсутствия профессиональной защиты до развитой системы с множеством процессуальных статусов.

Литература:

1. Исаев И. А. История государства и права России: Учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2004. — С. 74–81.
2. Кукарский И. К. Развитие советской адвокатуры, ее деятельность и задачи на современном этапе / Круглов А. А. Советская адвокатура. Задачи и деятельность. — М.: Юридическая литература, 1968. — С. 6–8.
3. Декрет о суде № 1 от 22 ноября 1917г. См: Декреты советской власти. Т. I. М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957. — С. 124–126.
4. Клевцов А. В. Становление и развитие российской адвокатуры в советский период (1917–1991). Историко-правовой аспект. Дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.11. — М., 2006. — С. 10–13.
5. История российской адвокатуры. Сборник очерков. Т.1. Под общей ред. Семеняко Е. В., Шаров Г. К., Крохмалюк А. В. М.: ИГ «Граница», 2009. — С. 320
6. Положение ВЦИК о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. // Подлинник; печать: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. ВЦИК Советов рабоч. крест, казачьих и красноарм. депутат. ЦГАОР,

- ф. 1235, оп. 21, ед. хр. 3, лл. 52–70. «Известия» № 269, 1918. // Электронная библиотека исторических документов. Электронный ресурс. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1-glavnaya> (дата обращения: 17.04.2026).
7. Бондарев В. О. История адвокатуры // Аллея науки. — 2018. — Т. 2. — № 6(22). — С. 111–113.
8. Серопян Г. С. Деятельность революционных трибуналов в советской России // Вестник КРУ МВД России. 2009. № 1. — С. 36.
9. Декрет о суде № 2 от 7 марта 1918 г. См: Декреты советской власти. Т. I. М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957. — С.467–470.
10. Сергеева В. И. Адвокатура в России: учебник для магистров — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юстиция, 2019. — С. 68.
11. Декрет о суде № 3 от 20 июля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля — 9 ноября 1918 г. — М.: Политиздат, 1964. — С. 27–32.
12. О регистрации лиц с высшим юридическим образованием: декрет СНК РСФСР от 11 мая 1920 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. Электронный ресурс. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_638.htm (дата обращения: 17.04.2026).
13. Стешенко Л. А., Шамба Т. М. Адвокатура в Российской Федерации: учебник для вузов. — М.: Норма, 2001. — С. 42.
14. Камалова Г. Т. Характер деятельности советской адвокатуры в годы НЭПа // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2015. № 3. — С. 12–16.
15. Положение об адвокатуре: Постановление ВЦИК от 26 мая 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. — 1922. — № 36. — Ст. 425.
16. Смирнов В. Н., Смыкалин А. С. Адвокатура и адвокатская деятельность: учеб. пособие. М.: Проспект, 2014. — С. 14–25.
17. Козинцев А. Я. Государственная политика в СССР в 30–50-е годы XX века в сфере юстиции: Монография/ Курган. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. — 640 с
18. Стецовский, Ю. И. Советская адвокатура: учебное пособие. — Москва: Высшая школа, 1989. — С. 80.
19. Козинцев А. Я. Советская адвокатура в годы Великой Отечественной войны. // Адвокат. — 2007. — № 12. — С. 75–80.
20. Головин А. Ю., Соломатин Е. Н. Основные тенденции развития отечественной адвокатуры в годы советской власти (1917–1991 гг.) // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2011. № 2–2. — 15 с.

Неоплаченный провоз багажа пассажирами в общественном транспорте Москвы: проблема и пути решения

Князева Полина Романовна, студент;

Еремеева Светлана Андреевна, студент

Научный руководитель: Царева Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

Общественный транспорт Москвы — одна из самых развитых и загруженных систем в мире. Ежедневно им пользуются миллионы пассажиров, и каждый из них должен соблюдать правила провоза багажа. Однако проблема неоплаченного провоза багажа остаётся актуальной: многие пассажиры игнорируют требования, что приводит к финансовым потерям для транспортных компаний и создаёт неудобства для других пассажиров [8].

Для изучения масштаба проблемы неоплаченного провоза багажа в московском общественном транспорте и принятия эффективных мер по её решению были:

- проанализированы действующие правила провоза багажа;
- оценены масштабы нарушения правил;
- изучен опыт других городов и стран;

- разработан комплекс мер по снижению числа нарушений;

- просчитана экономическая эффективность предлагаемых решений.

Правила провоза багажа в общественном транспорте Москвы регламентируются несколькими уровнями нормативных актов:

- Федеральный закон «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» (№ 259 ФЗ) — устанавливает общие правила перевозок пассажиров и багажа [2].

- КоАП РФ — предусматривает ответственность за нарушения правил перевозок [3].

- Правила пользования Московским метрополитеном (утверждены Постановлением Правительства Москвы) [4].

– Правила перевозок пассажиров и багажа автомобильным и городским наземным электрическим транспортом в Москве [5].

– КоАП г. Москвы — устанавливает размер штрафов за нарушения.

– Внутренние регламенты ГУП «Мосгортранс», Московского метрополитена и других перевозчиков [7], [9].

Основные положения о провозе багажа:

1. Бесплатная ручная кладь. Разрешается провозить бесплатно ручную кладь, сумма измерений которой (длина + ширина + высота) не превышает 120 см.

2. Платный багаж. Багаж, превышающий 120 см по сумме измерений, подлежит оплате. Обычно стоимость составляет около 60–80 рублей (на уровне стоимости одной поездки).

3. Крупногабаритные предметы. Велосипеды, коляски, музыкальные инструменты и т.д. имеют особые условия провоза (например, велосипеды в часы пик провозить запрещено или требуется специальная упаковка).

4. Запрещённые предметы. Нельзя провозить предметы, которые могут повредить или загрязнить салон и одежду других пассажиров, а также опасные грузы.

5. Ограничения по весу. В некоторых случаях установлены ограничения по весу (обычно до 30–50 кг на единицу багажа).

Ответственность за неоплаченный провоз багажа предусмотрена в виде штрафа в размере 1 000 рублей (согласно КоАП г. Москвы). Контролёры имеют право потребовать оплаты багажа или выписать постановление о наложении штрафа [3].

По оценкам экспертов, доля пассажиров, не оплачивающих провоз багажа, составляет от 15 до 30 % [17] в зависимости от маршрута и времени суток. Наибольшее число нарушений фиксируется:

– в часы пик, когда контроль затруднён из-за большого потока людей;

– на популярных туристических маршрутах, где много пассажиров с чемоданами;

– в наземном транспорте, где контроль менее строгий, чем в метро.

– провоз чемоданов и сумок с суммой измерений более 120 см без оплаты¹;

– перевозка спортивного инвентаря (лыжи, сноуборды, велосипеды) без соблюдения правил;

– провоз строительных материалов, бытовой техники и других крупногабаритных предметов без билета на багаж;

– попытка «разделить» один большой чемодан на две сумки, чтобы обойти ограничение в 120 см;

– использование детских колясок как багажных тележек (перевозка в них покупок вместо ребёнка).

Почему пассажиры не оплачивают провоз багажа? Основные причины:

– Незнание правил. Многие пассажиры не в курсе, что за провоз чемодана нужно платить.

– Сложность оплаты. Не на всех остановках есть кассы или терминалы для покупки багажного билета.

– Слабый контроль. Контролёры не могут проверить каждого пассажира с багажом.

– Низкая вероятность наказания. Даже если нарушение выявлено, штраф выписывается редко.

– Инерция поведения. Пассажиры видят, что другие не платят, и следуют их примеру.

В других городах и странах применяются разные подходы к решению проблемы:

– Лондон. В автобусах и метро действует строгая система контроля. Багаж свыше установленных размеров оплачивается через автоматы или мобильное приложение. Штраф за неоплаченный провоз — до 80 фунтов стерлингов [12].

– Берлин. В общественном транспорте установлены специальные рамки для измерения габаритов багажа. Если багаж не проходит, требуется оплата [13].

– Санкт-Петербург. В наземном транспорте введены «багажные талоны», которые можно купить у водителя или в киосках [9], [15].

– Токио. В поездах и метро работают специальные сотрудники, проверяющие багаж. Нарушители получают предупреждение или штраф [14].

При этом эффективный контроль возможен только при сочетании технических средств и человеческого фактора, а штрафы должны быть ощутимыми, но не чрезмерными. Ну, и конечно, удобство оплаты — важный фактор соблюдения правил.

Власти Москвы предпринимают различные меры для решения проблемы:

1. Усиление контроля. Контролёры регулярно проводят рейды на станциях метро, остановках автобусов и трамваев. В часы пик количество проверок увеличивается.

2. Автоматизация. Внедрение систем видеонаблюдения и анализа изображений для выявления нарушений. Например, камеры на станциях метро могут фиксировать пассажиров с крупногабаритным багажом.

3. Информирование. Размещение плакатов, объявлений в салонах транспорта и на станциях, публикации в СМИ и соцсетях о правилах провоза багажа. Проводятся информационные кампании перед праздниками, когда пассажиропоток растёт.

4. Упрощение оплаты. Развитие мобильных приложений и электронных билетов, позволяющих быстро оплатить провоз багажа. Например, в приложении «Метро Москвы» можно купить билет на багаж заранее.

5. Повышение штрафов. Обсуждение возможности увеличения размера штрафа для повышения сдерживаю-

¹ Данные опросов пассажиров о знании и соблюдении правил, проведённое аналитическим центром ВЦИОМ по заказу Отраслевого агентства «АвиаПорт» в 2025 году

щего эффекта. Сейчас штраф составляет 1 000 рублей, но есть предложения поднять его до 2 000–3 000 рублей [3].

6. Обучение персонала. Контролёры и водители проходят тренинги по общению с пассажирами и разрешению конфликтных ситуаций.

7. Технологические решения. Тестирование систем автоматического взвешивания и измерения багажа на входе в транспорт.

8. Сотрудничество с бизнесом. Партнёрство с магазинами и службами доставки для организации пунктов временного хранения багажа у станций метро [6], [16].

9. Общественный контроль. Поощрение пассажиров за сообщения о нарушениях через приложения или горячие линии.

10. Гибкие тарифы. Введение дифференцированных тарифов на провоз багажа в зависимости от размера, веса и времени поездки.

Для реализации проекта потребуются инвестиции:

- информационные материалы — 5 млн рублей;
- установка терминалов — 20 млн рублей;
- обучение контролёров — 3 млн рублей.

Ожидаемые результаты [8], [11]:

- снижение числа нарушений на 40–50 %;
- дополнительный доход транспортных компаний — 50–70 млн рублей в год;
- улучшение комфорта пассажиров за счёт уменьшения перегруженности салонов.

Проблема неоплаченного провоза багажа в общественном транспорте Москвы требует комплексного подхода. Сочетание информационной работы, упрощения оплаты, усиления контроля и разумных штрафов позволит снизить число нарушений и повысить доходы транспортных компаний. Реализация предложенных мер не только улучшит финансовую устойчивость системы, но и сделает поездки более комфортными для всех пассажиров.

Дальнейшие шаги:

- пилотное тестирование мер на отдельных маршрутах;
- сбор обратной связи от пассажиров и контролёров;
- корректировка стратегии на основе полученных данных.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14 ФЗ (ст. 786 «Договор перевозки пассажира и багажа»).
2. Федеральный закон от 08.11.2007 № 259 ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» (ст. 22 «Перевозка багажа, провоз ручной клади транспортным средством, осуществляющим регулярные перевозки пассажиров и багажа»).
3. Закон г. Москвы от 21.11.2007 № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» (ст. 10.1 «Безбилетный проезд и провоз неоплаченного багажа в наземном городском транспорте общего пользования»).
4. Правила пользования Московским метрополитеном (утверждены соответствующими постановлениями Правительства Москвы от 16.09.2008 № 844-ПП).
5. Правила пользования наземным городским транспортом общего пользования (автобус, троллейбус, трамвай) в г. Москве, постановление Правительства Москвы от 2 сентября 2008 года № 797-ПП.
6. Официальный портал Мэра и Правительства Москвы (mos.ru) — разделы о правилах пользования общественным транспортом, тарифах и штрафах.
7. Сайт ГУП «Московский метрополитен» (mosmetro.ru) — правила провоза багажа в метро, информация о контроле и штрафах.
8. Сайт Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры г. Москвы (transport.mos.ru) — статистика пассажиропотока, данные о нарушениях, планы развития транспортной системы.
9. Сайт «Московский транспорт» (transport.mos.ru) — информация о маршрутах, тарифах, правилах провоза багажа и способах оплаты.
10. Отчёты ГУП «Мосгортранс» о пассажиропотоке и нарушениях правил провоза багажа (официальные публикации на сайте mosgortrans.ru).
11. Исследования НИИ транспорта и дорожного хозяйства г. Москвы по проблемам общественного транспорта (включая анализ нарушений и эффективности контроля).
12. Официальный сайт Transport for London (TfL) — правила и тарифы на провоз багажа в лондонском общественном транспорте, система штрафов.
13. Сайт Berliner Verkehrsbetriebe (BVG) — правила провоза багажа в берлинском общественном транспорте.
14. Сайт Japan Railways (JR) и Tokyo Metro — правила и контроль провоза багажа в Токио.
15. Отчёты и публикации международных организаций по городскому транспорту (UITP — Международный союз общественного транспорта) о лучших практиках контроля провоза багажа.
16. Интервью с представителями Департамента транспорта г. Москвы и ГУП «Мосгортранс» в СМИ о текущей ситуации и планах по улучшению контроля за провозом багажа.
17. Сайт ВЦИОМ

Проблемы охраны произведений от искажения третьими лицами после смерти автора

Колесникова Елизавета Максимовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена анализу механизмов охраны произведений от искажения третьими лицами после смерти автора. Автор исследует законодательство, обращает внимание на пробелы законодательства. Особое внимание уделяется практическим аспектам охраны авторских прав после смерти автора. В заключении формулируется предложение по совершенствованию гражданского законодательства.

Ключевые слова: гражданское право, авторское право, произведение, охрана прав автора после смерти, авторство, неприкосновенность произведения прав авторов.

В Женеве на куполе здания штаб-квартиры Всемирной Организации интеллектуальной собственности расположена надпись: «Человеческий гений является источником всех произведений искусства и изобретений. Долг государства — обеспечить надежную их охрану» [5].

К данным словам следует добавить, что задача государства в лице его законотворческих органов обеспечить охрану прав авторов произведений не только при жизни, но и после смерти.

Особая значимость этого вопроса состоит в том, что он затрагивает сложный проблемный аспект посмертной охраны неимущественных прав автора произведения.

В 1886 г. была принята Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений [1]. В Российской Федерации она была ратифицирована в 1995 г. В статье 6 bis данной Конвенции закреплено, что право авторства и право на защиту репутации автора сохраняет силу после смерти автора, по крайней мере, до прекращения срока действия его имущественных прав. В Гражданском кодексе Российской Федерации в статье 1267 отмечено, что такие неимущественные права автора как авторство, имя автора и неприкосновенность произведений охраняются бессрочно. Таким образом, российское законодательство предоставляет большую гарантию и защиту неимущественных прав после смерти.

Особо остро в современной практике встает вопрос об охране произведений от искажения после смерти автора. Зачастую проблема связана с тем, что третьи лица желают изменить, внести коррективы, сократить произведения, по сути, внося коррективы в замысел автора. И в этом случае, единственный, кто поможет защитить права автора — это его наследники.

Право на неприкосновенность произведения предполагает недопустимость действий третьих лиц на искажение замысла автора, а также на нарушение целостности восприятия произведения. Любые модификации произведения должны противоречить воле автора, определенно выраженной им в завещании, письмах, дневниках или иной письменной форме. В этой связи встает проблема соотношения воли и прижизненного художественного замысла автора с правами правопреемников.

Право на внесение изменений в произведение принадлежит в соответствии со статьей 1270 Гражданского кодекса РФ обладателю исключительного права. В случаях, когда таким субъектом выступает уже не сам автор, а вторичный правообладатель, например наследник, такое императивное правило может быть подвергнуто критике.

Во-первых, такая возможность фактически нивелирует сущностное содержание права на неприкосновенность произведения. Законодатель призвал обеспечивать сохранность целостности результата творческой деятельности, а также исключать недопустимое вмешательство в личную сферу автора, включая его индивидуальное творческое самовыражение. Во-вторых, в условиях усиливающейся коммерциализации подобный подход создает предпосылки для злоупотребления правами со стороны вторичных правообладателей. В-третьих, он способствует возникновению конфликта интересов, что неизбежно ведет к правовым спорам между автором, производными правообладателями и иными заинтересованными лицами, в первую очередь, наследниками, членами семьи автора.

По мнению И. А. Близнеца идея личных прав автора не должна отступать на второй план перед тезисом «экономической целесообразности» [3]. Важно не допускать искажения данной идеи, которую по мере развития рыночных отношений используют разные категории граждан. Важно обеспечивать оптимальное сочетание интересов между обществом, автором и его наследниками.

И здесь важно, чтобы наследники осуществляли охрану прав автора, в частности право на неприкосновенность произведения, продолжали поддерживать позицию и замысел автора в дальнейшем перед третьими лицами.

Для иллюстрации проблемы приведем пример из текущей судебной практики. В апелляционном определении от 6 декабря 2023 года по делу № 2–2947/2023 Московским городским судом рассмотрены интересы издателя ИП В. Ю. Секачева. Наследник С. С. Семенов, внучатый племянник Григория Михайловича Семенова, казачьего атамана, деятеля Белого движения в Забайкалье, автора литературного произведения мемуары «О себе, воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921» обратился в суд с иском о защите нарушенного исключительного права на литературное произведение ИП В. Ю. Секачевым, и о воз-

мещении морального вреда. В январе 2023 года С. С. Семенову стало известно, что ИП Секачев В. Ю. в 2021 году издал и реализовал литературное произведение Г. М. Семенова под искаженным названием «Семенов Г. М. Воспоминания атамана Семенова (1904–1921)», в количестве 30 экземпляров [4]. При этом издатель не получал разрешение на издание данного произведения, а также разрешение на внесение изменений в его название. Соответствующий авторский договор между сторонами не заключался. Суд первой инстанции удовлетворил исковые требования. Он признал, что наследник обладает исключительными правами на все результаты интеллектуальной деятельности и иные права Г. М. Семенова, включая книги, мемуары, рукописи, личные фотографии, изображения, документы, дипломы, награды, статьи, поздравления, телеграммы, приказы, расписки, письма Г. М. Семенова, звукозаписи, которые написаны и изготовлены им в период с 1908 по 1946 годы. Помимо этого, на наследника возложена охрана прав авторства, имени автора и неприкосновенности произведений автора. Ответчик с таким решением был не согласен, аргументировав свои возражения тем, что исключительные права действуют в течение жизни автора и 70 лет после его смерти (считая с 1 января года, следующего за годом смерти). Г. М. Семенов умер 30 августа 1946 года, следовательно, исключительно право действовало до 1 января 2017 года. Согласно статье 1282 ГК РФ после окончания срока действия исключительного права произведение переходит в общественное достояние. Его можно свободно использовать без разрешения и без выплаты вознаграждения. Книга была издана в 2021 году, спустя 4 года после перехода произведения в общественное достояние. Однако охрана личных неимущественных прав является бессрочной.

Суд первой инстанции удовлетворил иск частично, исходя из того, что, несмотря на истечение срока действия исключительных прав, право на неприкосновенность произведения, включая его название, сохраняется бессрочно, а потому изменение названия без согласия уполномоченного лица является нарушением закона. Однако суд апелляционной инстанции занял иную позицию, указав, что произведение перешло в общественное достояние. При этом апелляционный суд фактически сосредоточился на прекращении исключительного права, не признав достаточных оснований для квалификации действий от-

ветчика как нарушения личных неимущественных прав автора. Ответчик указал, что он не отрицал, что, при издании авторства Григория Михайловича, содержание произведения не было искажено, а изменение названия само по себе не может быть признано нарушением. Апелляция с доводами ответчика согласилась, в отличие от суда первой инстанции.

Приведенный пример из судебной практики отражает существующую проблему защиты наследниками личного неимущественного права — неприкосновенность произведения. Недостаточно проблема судебного правоприменения раскрыта. В результате личные неимущественные права автора, включая право на неприкосновенность произведения, остаются вне сферы правовой оценки и не становятся предметом самостоятельного анализа суда.

Наследники произведения должны защищать права и волю своих наследодателей, и не случайно этой позиции придерживался М. В. Гордон [2]. Он подчеркивал, что право на неприкосновенность произведения является не личным правом наследников, а установленным законом способом охраны культурных ценностей в общественных интересах.

Подводя итог, проведенный анализ позволяет констатировать наличие существенной коллизии между бессрочным характером охраны личных неимущественных прав автора и действующим механизмом их реализации после его смерти. Несмотря на формальное закрепление в российском законодательстве принципа бессрочности права на неприкосновенность произведения автора, правоприменительная практика демонстрирует его фактическую уязвимость, особенно в условиях прекращения исключительного права и перехода произведения в общественное достояние. В результате личные неимущественные права автора нередко оказываются вне полноценной судебной защиты, уступая приоритет имущественным правам.

В этой связи представляется целесообразным введение специальных критериев квалификации искажения произведения, подлежащих обязательному учёту судами независимо от статуса исключительного права. Подобный подход позволит обеспечить более сбалансированное соотношение интересов общества, правообладателей и личности автора, не нарушая при этом принципов свободного использования произведений, находящихся в общественном достоянии.

Литература:

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (ред. от 28.09.1979) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/documen-t/con-s_doc_L-AW_5112/.
2. Гордон М. В. Советское авторское право. М.: Госюриздат, 1955. С. 126.
3. Интеллектуальная собственность в современном мире / Под ред. И. А. Близнеца. М., 2017. С. 147.
4. Апелляционное определение Московского городского суда № 2–2947/2023 от 6 декабря 2023 г. // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы — URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tush-in-skij/services/cases/civil/details/4053cd21-bf0c-11ed-a7ba-57c63f56-ae12>
5. ВОИС — Руководство для пользователей, введение в Организацию для пользователей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://edwaks.ru/ftpgetfile.php?id=149> (дата обращения: 27.04.2026).

Философия права и эволюция подходов к правам человека: вклад С. С. Алексеева

Куделина Мария Александровна, студент

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье исследуются труды выдающегося правоведа XX века С. С. Алексеева. Подвергаются анализу работы в области развития концепции прав человека, понимании сущности права и их влияние на современное состояние защиты прав. Формулируется вывод о том, что научные исследования и принципы, предложенные С. С. Алексеевым, играли ключевую роль в формировании современных представлений о правах человека и методов их защиты.

Ключевые слова: права человека, правовой прогресс, естественное право, позитивное право.

В современном мире право играет ключевую роль в регулировании общественных отношений и является основой для стабильности и развития общества, обеспечивая порядок и справедливость. В этом контексте труды Алексеева С. С., выдающегося правоведа XX века, приобретают особую важность, поскольку оставленное им богатое наследие, продолжает оказывать влияние на развитие правовой науки как в России, так и за её пределами.

Работы С. С. Алексеева охватывают различные аспекты права, включая теорию права, юридическую практику и правовое регулирование, однако одной из ключевых идей было понятие «поколений права». Он утверждал, что право развивается и изменяется вместе с обществом, проходя через несколько поколений [1, с. 160].

В ряде работ С. С. Алексеев сформулировал и развил идею «ступеней восхождения к праву», своего рода уровней правового прогресса. Он выделяет четыре основные ступени: право сильного, кулачное право, право власти, право гражданского общества (право свободы) [2, с. 129].

Первое поколение права, как отмечает Алексеев, типично для ранних обществ (доцивилизационная стадия правового развития), где правовые нормы в большей степени в виде обычаев, прецедентов, отдельных законодательных установлений, что воспринимается как своего рода «естественное право», основанное на моральных ценностях и привычках народа. Все это становилось инструментом власти, по большей части подчинялось произволу правителей. Данное поколение права является начальным звеном «восхождения» права [3, с. 10].

С. В. Стрыгина подчеркивает, что право — это явление цивилизации, оно «нормативно закрепляет возникающие требования на каждом историческом этапе развития общества» [4, с. 278]. На первоначальной (примитивной) стадии право только начинает формироваться и ещё не имеет четко выраженной системы. Эти нормы не фиксированы и передаются из поколения в поколение, основываясь на коллективном сознании. На этом этапе право ещё не отделено от других форм социального регулирования.

С течением времени общество начинает осознавать необходимость систематизации норм, что приводит к созданию первых писаных законов, и позволяет обеспечить единообразие правоприменения. На данном этапе право становится основным средством регулирования обще-

ственных отношений, что указывает на переходе к более сложной социально-экономической организации.

По своей сути, второе поколение (кулачное право) все еще является правом сильного, но уже частично подверглось воздействию цивилизации, что привело к его интеграции в систему сословной иерархии и привилегий, а также к распространению писаных норм, формальных доказательств и инквизиционных практик.

С точки зрения социально-этических и юридических критериев, его можно рассматривать как право привилегий, сословное или обычное право, хотя в нем начинают проявляться элементы писаных норм. На этом этапе начинают формироваться базовые гуманитарные концепции, связанные с понятиями справедливости, вины и процессуальных форм.

Согласно С. С. Алексееву, третье поколение, сформированное в результате революционных изменений в обществе, определяется как право власти, которое представляет собой позитивное право более развитых ступеней цивилизации, когда в обществе все более утверждается светская власть. Здесь позитивным правом признаются сами по себе нормы, исходящие от власти, защищаемые ею и ею же объявляемые «правовыми».

Четвертая стадия развития публичного права — это право, ориентированное на защиту прав человека и социальных групп, что является результатом взаимодействия различных правовых систем и культур. Переход от стадии права сильного к праву гражданского общества связан с изменением понимания роли права в обществе. Если на начальной стадии право рассматривалось как средство обеспечения порядка и стабильности, то на современной стадии оно становится средством защиты прав и свобод человека, что в первую очередь связано с развитием гуманистических идей и признанием ценности человеческой личности.

Право гражданского общества — это высшая на современной стадии развития цивилизации ступень позитивного права, наиболее сблившаяся с естественным правом. Его базис образуют прирожденные права человека, которые являются основой для определения правомерности юридических норм, вводимых и поддерживаемых властью. Подчеркивается, что право должно быть не только инструментом регулирования, но и механизмом социальной справедливости.

Таким образом, стадии развития права, выделенные С. С. Алексеевым, отражают основные тенденции развития права в обществе. Его труды содержат глубокую аналитическую проработку каждой из этих стадий, что помогает правоведам понять, каким образом исторический контекст, социальные изменения, экономические и культурные факторы влияют на формирование и трансформацию права. Важно отметить, что право рассматривается не как статичное явление, а как динамическая система, которая постоянно изменяется в ответ на потребности общества.

По мнению С. С. Алексеева, философско-правовой подход, основанный на естественном праве, «связывает

рассмотрение юридических проблем с основными человеческими ценностями: свободой, правом на жизнь, независимым статусом человека и др». [5, с.20].

Как считают ученые, философское осмысление права С. С. Алексеева явилось такой идеей, которая ориентирована на человека, высокий статус его личности и его свободу. Где вместе с достоинством и неотъемлемыми правами право наполняется глубоким социальным смыслом [6, с.35].

Таким образом, поколения прав человека, раскрытые в трудах С. С. Алексеева характеризуют коренное изменение в подходах общества и государства к признанию, закреплению и защите достоинства.

Литература:

1. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. — М.: Юрид. лит., 1971. 221 с.
2. Алексеев С. С. Теория права. — М.: Издательство БЕК, 1995. 320 с.
3. Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия / Известия УрГУ. № 15. 2000. С. 5–14.
4. Стрыгина С. В. Философско-антропологические основания права в свете идей выдающегося ученого Сергея Сергеевича Алексеева // Известия Саратовского университета. Новая Серия: Экономика, Управление. Право. 2025. № 3. С.276–283.
5. Алексеев С. С. Философия права: История и современность. Проблемы, тенденции, перспективы. — М.: Норма, 1999. 329 с.
6. Шипицын О. А. Философское осмысление права в учении С. С. Алексеева // Юридическая наука. 2021. № 3. С.33–35.

Социальное обеспечение лиц, имеющих звание «Почетный донор России»

Лаушкина Ольга Сергеевна, студент

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

В статье автор рассматривает понятие донорства. Проанализированы статистические данные количества доноров (Почетных доноров России) в Российской Федерации, в Республике Мордовия. Рассмотрены основные нормативно-правовые акты, регламентирующие положение доноров (Почетных доноров России), изучены меры их социальной поддержки.

Ключевые слова: переливание крови, донор, кровь и её компоненты, принципы донорства, социальные гарантии, Почетный донор.

На протяжении длительного времени человечество искало способы борьбы с тяжелыми заболеваниями, одним из эффективных методов которого оказалось переливание крови. Донорство, в настоящее время становится всё более актуальным в виду увеличения роста различного рода заболеваний человека (инфекций, эпидемий, онкологий и т. д.), хронических заболеваний, травм и т. д.

Развитие переливания крови сопровождалось многочисленными взлетами и падениями — от признания данного метода до его государственного запрета. Так, история переливания крови начинается еще в глубокой древности, когда для лечения различного рода заболеваний, жрецы и врачи пытались переливать кровь от животных к человеку, которые в последующем сопровождалась тяжелыми осложнениями и смертью. В это время было выполнено первое переливание крови от ягненка к человеку.

В начале XIX века молодой лондонский акушер Джеймс Бланделл решил исследовать, чем можно помочь женщинам с послеродовыми кровотечениями. После опытов на животных Бланделл понял, что успех возможен, если быстро перелить кровь от одного организма другому — сейчас это называют прямым переливанием. История переливаний крови в России началась немного позже: петербургский акушер Андрей Вольф успешно перелил роженице кровь ее мужа по методике Бланделла в 1832 году [1, с.53].

Нынешние методики далеко ушли от прежних. Но идея донорства осталась той же: один человек добровольно жертвует свою кровь ради спасения другого.

Слово «донорство» происходит от латинского слова «donare», которое означает добровольный отказ здорового человека (донора) от своего органа (крови) в пользу больного, который в нем нуждается.

Согласно официальной статистики Федеральной медико-биологического агентства в 2025 году в Российской Федерации донорами крови и её компонентов стало более 60 тысяч человек, по сравнению с аналогичным периодом 2024 года данная цифра увеличилась на 3,3 % [2]. Наибольшее число доноров было зафиксировано в ряде регионов: ими оказались жители Москвы, Подмосковья, Санкт-Петербурга, Республики Татарстан, Республики Башкортостан, Нижегородской и Самарской областей и т. д. Около 600 тысяч человек носят звание «Почетный донор России»

В Республике Мордовия в 2025 году по данным Мордовской республиканской станции переливания крови стали донорами крови и её компонентов более 9,6 тысяч доноров. Благодаря данным показателям было заготовлено около 14 тысячи литров крови, около 7 тысяч литров плазмы и 345 литров тромбоцитов [3]. В медицинские организации было передано порядка 6 тысяч эритроцитарной массы, около 2 тысяч литров плазмы. В Федеральный регистр доноров костного мозга вступили 619 жителей Мордовии. 5 тысяч жителей Республики Мордовия носят звание «Почетный донор».

Но кто же такой «донор»? В Российской Федерации как на государственном так на региональном уровнях приняты ряд мер по развитию донорства крови и её компонентов и обеспечению комплекса социальных, экономических, правовых, медицинских мер.

Основными нормативными документами регламентирующие положения о донорстве являются:

- Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и её компонентов»;
- Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;
- Приказ Минздрава России от 28.10.2020 № 1166н «Об утверждении порядка прохождения донорами медицинского обследования и перечня медицинских противопоказаний (временных и постоянных) для сдачи крови и (или) её компонентов и сроков отвода»;
- Постановление Правительства РФ от 26.11.2012 № 1228 «О порядке награждения доноров крови и (или) её компонентов нагрудным знаком Почетный донор России» и д. р.

Согласно п.2 ч.1 ст.2 Федерального закона № 125-ФЗ донор крови и (или) её компонентов — это лицо, добровольно прошедшее медицинское обследование и добровольно сдающее кровь и (или) её компоненты. Донорство основывается на базовых принципах (ст.4 Федерального закона № 125-ФЗ), а именно:

- безопасность донорской крови и ее компонентов;
- добровольность сдачи крови и (или) ее компонентов;
- сохранение здоровья донора при выполнении им донорской функции;
- обеспечение социальной поддержки и соблюдение прав доноров;
- поощрение и поддержка безвозмездного донорства крови и (или) ее компонентов [4].

Чтобы стать донором крови и (или) её компонентов необходимо соответствовать ряду требований, прописанных в ч.1 ст.12 Федерального закона № 125-ФЗ. Донором может быть:

- дееспособное лицо,
- гражданин РФ либо проживающим на территории РФ на законных основаниях не менее одного года иностранным гражданином или лицом без гражданства, достигшее возраста восемнадцати лет или приобретшее полную дееспособность до достижения им возраста восемнадцати лет в соответствии с законодательством РФ;
- изъявившее добровольное желание сдать кровь и (или) ее компоненты, прошедшее добровольно медицинское обследование и не имеющее медицинских противопоказаний для сдачи крови и (или) ее компонентов.

Работодатель обязан без препятствий отпускать работника, являющегося донором, в учреждение здравоохранения в дни обследования и сдачи крови и её компонентов, а также после сдачи крови с сохранением за работником среднего заработка. В день сдачи крови работник полностью освобождается от работы с сохранением за ним среднего заработка. После каждого дня сдачи крови и её компонентов донору предоставляется дополнительный день отдыха с сохранением заработной платы. Данный день может быть присоединен к ежегодному отпуску или использован в другое удобное для работника время.

Меры социальной поддержки доноров крови и её компонентов прописаны в ст.22 Федерального закона № 125-ФЗ, а именно:

- в день сдачи крови и (или) ее компонентов донор, безвозмездно сдавший кровь и (или) ее компоненты, обеспечивается бесплатным питанием за счет организации, осуществляющей деятельность по заготовке донорской крови и ее компонентов, замена бесплатного питания денежной компенсацией не допускается, за исключением случаев;
- донору, безвозмездно сдавшему кровь и (или) ее компоненты в течение года в объеме, равном двум максимально допустимым дозам крови и (или) ее компонентов, предоставляется право на первоочередное приобретение по месту работы или учебы льготных путевок на санаторно-курортное лечение. Объем максимально допустимой дозы крови и (или) ее компонентов определяется врачом при медицинском обследовании донора.

Донор при сдаче крови и её компонентов при соблюдении ряда правил и требований может претендовать на звание «Почетный донор России» и получить нагрудный знак и ряд мер социальной поддержки. Нагрудный знак «Почетный донор России» был утвержден Правительством РФ с целью признания государством вклада гражданина в развития донорского движения. История данной награды начинается с 1944 года.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 26.11.2012 № 1228 «О порядке награждения доноров крови и (или) её компонентов нагрудным знаком Почетный донор России» нагрудным знаком «Почетный донор России» награждаются доноры крови и (или) ее

компонентов, сдавшие безвозмездно кровь и (или) ее компоненты (за исключением плазмы крови) 40 и более раз, либо кровь и (или) ее компоненты 25 и более раз и плазму крови в общем количестве крови и (или) ее компонентов и плазмы крови 40 раз, либо кровь и (или) ее компоненты менее 25 раз и плазму крови в общем количестве крови и (или) ее компонентов и плазмы крови 60 и более раз, либо плазму крови 60 и более раз [5].

В ст.23 Федерального закона № 125-ФЗ прописано, что доноры, награжденные знаком «Почетный донор России», имеет право, на:

- предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска в удобное для них время года;
- внеочередное оказание медицинской помощи в медицинских организациях государственной системы здравоохранения или муниципальной системы здравоохранения в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи;
- первоочередное приобретение по месту работы или учебы льготных путевок на санаторно-курортное лечение;
- предоставление ежегодной денежной выплаты.

Литература:

1. Маргаева М. П. Донорство крови: история и современность / М. П. Маргаева// Медсестра. — 2014. — № 8. — С. 52–55.
2. Статистика Федеральной медико-биологического агентства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://fmba.gov.ru/>.
3. Статистика Мордовской республиканской станции переливания крови [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://donor13.gosuslugi.ru/>.
4. Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и её компонентов».
5. Постановление Правительства РФ от 26.11.2012 № 1228 «О порядке награждения доноров крови и (или) её компонентов нагрудным знаком Почетный донор России».

Граждане Российской Федерации, награжденные нагрудным знаком «Почетный донор СССР» и постоянно проживающие на территории Российской Федерации, имеют право на меры социальной поддержки, определенные для лиц, награжденных нагрудным знаком «Почетный донор России».

Ежегодная денежная выплата (ЕДВ) лицам, награжденным нагрудным знаком «Почетный донор России» составляет 10557 руб. 00 коп. Ежегодная денежная выплата индексируется один раз в год. В 2026 году ЕДВ проиндексирована на 4 % и составляет 19497 руб.68 коп.

Таким образом, история переливания крови (донорства) — это история о том, как желание помочь другому человеку к трудных обстоятельствах может привести к научным открытиям и внести существенное развитие в сферу здравоохранения. Потребность в донорской крови постоянно растет. Главное — это регулярность, чтобы всегда в учреждениях здравоохранения был запас крови, потому что в экстренных случаях времени на поиск и сбор крови нет, счет идет на минуты. Поэтому важно популяризировать донорство, в том числе включая меры социальной и иной поддержки.

Влияние организационной (корпоративной) культуры на развитие и урегулирование корпоративных конфликтов

Лусс Ева Александровна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье рассматривается развитие организационной (корпоративной) культуры в Российской Федерации, её влияние на развитие и урегулирование корпоративных конфликтов, а также проводится анализ роли обычаев в формировании корпоративной культуры.

Influence of organizational (corporate) culture on the development and settlement of corporate conflicts

The article examines the development of organizational (corporate) culture in the Russian Federation, its impact on the development and resolution of corporate conflicts, and analyzes the role of customs in shaping corporate culture.

Деятельность юридических лиц невозможно представить без внутрикорпоративных отношений. Подобного

рода отношения появляются в части взаимодействия между участниками (акционерами) и органами корпорации.

«Корпоративное управление» — понятие, охватывающее систему взаимоотношений между исполнительными органами акционерного общества, его советом директоров, акционерами и другими заинтересованными сторонами. Корпоративное управление является инструментом для определения целей общества и средств достижения этих целей, а также обеспечения эффективного контроля за деятельностью общества со стороны акционеров и других заинтересованных сторон.

В Российской Федерации корпоративная культура как обычай делового оборота начал формироваться в начале 2000-х годов. Потребность в развитии корпоративного управления и в повышении уровня корпоративной культуры возникли с активным ростом уровня иностранных инвестиций. Такая необходимость, прежде всего, возникла в связи с несформировавшимися рыночными институтами. Особую роль в формировании стандартов корпоративной культуры сыграла Федеральная комиссия по рынку ценных бумаг (ФКЦБ России).

В марте 2014 года Банк России по предложению ФКЦБ России утвердил новый Кодекс корпоративного управления. Данный кодекс разрабатывался специально для публичных акционерных обществ, чьи ценные бумаги были размещены на фондовых биржах. Целью принятия данного кодекса были повышение уровня прозрачности и повышение доверия инвесторов в акционерные общества.

Одной из главных задач кодекса является создание основы для формирования хорошего правового климата в корпорации, что в свою очередь привело бы к минимизации корпоративных конфликтов. Закреплённые в кодексе положения, в целом, направлены на повышение уровня корпоративной культуры.

Исполнение рекомендаций Банка России не является обязательным. Кодекс корпоративного управления носит рекомендательный характер. Принятие данного кодекса, в качестве внутреннего документа организации, способно повысить инвестиционную привлекательность компании, прозрачность, а также способно минимизировать риски недобросовестных действий участников. В результате работы ФКЦБ России акционерные общества получили важный документ для повышения уровня корпоративной культуры.

Законодательством Российской Федерации невозможно установить правила корпоративного поведения во всех складывающихся ситуациях. В урегулировании разного рода корпоративных конфликтов важную роль играет корпоративная культура в той или иной корпорации.

Корпоративная культура организаций формируется и функционирует в ходе повседневной деятельности. Процесс развития корпоративных отношений включает множество факторов: стратегию корпорации; поведение органов организации; воздействие экономических, политических и социальных факторов. Корпоративная культура организации формируется в результате накопленного опыта. В ходе развития корпоративных отношений формируются обычаи делового оборота.

В соответствии со статьёй 5 ГК РФ обычаем признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе.

Подлежит применению обычай как зафиксированный в каком-либо документе (опубликованный в печати, изложенный в решении суда по конкретному делу, содержащему сходные обстоятельства, засвидетельствованный Торгово-промышленной палатой Российской Федерации), так и существующий независимо от такой фиксации.

Корпоративная культура формирует ценностную систему принципов и норм поведения участников (акционеров) общества. Основой такой культуры служат следование принципам законности и прозрачности. Сложившиеся обычаи могут быть зафиксированы во внутренних документах организации. Зафиксированные положения могут касаться порядка проведения собраний, оформления сделок, структуры отчётности, типовых форм документов организации и иных правил. Фиксируя обычаи во внутренних документах, в инструкциях или положениях, руководство компании придает им официальный статус, обеспечивая единообразие и предсказуемость процессов. Подобная практика снижает юридические риски, повышает предсказуемость корпоративных процессов, повышает уровень корпоративного взаимодействия между участниками (акционерами) общества. Однако при утверждении подобных актов нужно производить оценку в их актуальности и полезности для корпорации.

В немалой степени эффективность разрешения корпоративных конфликтов зависит от корпоративной культуры миноритарных акционеров общества. По мнению Глазунова А. Ю., активное вовлечение акционеров в корпоративное управление и принятие ими решений на информированной основе относится к лучшим практикам корпоративного управления. В то же время действия миноритариев могут также причинять другим участникам корпорации непосредственный ущерб, несвязанный с ущербом самой корпорации. Например, обладающий правом вето миноритарий может недобросовестно заблокировать решение о распределении чистой прибыли корпорации между участниками.

На практике интересы миноритарных акционеров сводятся к распределению прибыли корпорации. Количество голосов, которым обладает один участник (акционер) не способно оказать существенного влияния на принятие решений по ключевым вопросам. Однако объединение таких участников (акционеров) с помощью корпоративного договора способно привести к существенному влиянию на принятие ключевых решений организации. В частности, если подобные объединения участников (акционеров) набирают в сумме более двадцати пяти процентов голосов, то миноритарные акционеры способны повлиять на решение об одобрении крупных сделок. Кроме того, ми-

норитарные акционеры обладают правом на обращение в суд для оспаривания неправомерных действий органов юридического лица. В случае обладания более 10 % акций (голосов), миноритарный акционер в праве созывать внеочередное собрание акционеров.

Важно отметить значение корпоративной культуры в обеспечении защиты прав и соблюдении прав и законных интересов всех участников (акционеров). Четко сформулированные принципы и ценности помогают компаниям избегать корпоративных конфликтов.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что формирование сильной и эффективной корпоративной культуры

является необходимым условием успешного развития и стабильного функционирования современных корпораций. Формирование корпоративной культуры приводит к улучшению качества работы корпоративной структуры организации и повышению её инвестиционной привлекательности. Корпоративная культура формируется в процессе развития инвестиционных отношений и внутрикорпоративного функционирования отдельных организаций. Нормы корпоративной культуры практически невозможно закрепить на законодательном уровне, в связи с чем развитие подобного рода отношений практически полностью зависит от участников корпоративных отношений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <https://www.consultant.ru>.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <https://www.consultant.ru>.
3. Кодекс корпоративного управления // Вестник Банка России от 18.04.2014 № 40 (1518).
4. Глазунов А. Ю. Ответственность миноритарных участников корпораций за нарушение фидуциарных обязанностей: возможна ли такая конструкция? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2021, № 4.

Банкротство физических лиц: проблемы теории и практики

Малышев Сергей Юрьевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Институт банкротства физических лиц в Российской Федерации представляет собой один из наиболее значимых и динамично развивающихся механизмов правового регулирования имущественных отношений. Его становление связано с введением в действие положений о банкротстве граждан в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», вступивших в силу с 1 октября 2015 года [1]. За сравнительно короткий период данный институт приобрёл широкое распространение и стал активно применяться на практике, что обусловлено ростом долговой нагрузки населения, развитием кредитных отношений и экономической нестабильностью.

Актуальность исследования в 2025–2026 годах определяется устойчивой тенденцией к увеличению числа дел о банкротстве граждан, а также усложнением правоприменительной практики. По мере развития института выявляются как его достоинства, так и существенные недостатки, требующие научного осмысления и законодательного совершенствования. В научной литературе банкротство физических лиц рассматривается одновременно как механизм социальной защиты гражданина-должника, способ урегулирования задолженности и инструмент обеспечения баланса интересов кредиторов и должника [5].

С правовой точки зрения банкротство гражданина представляет собой признанную арбитражным судом неспособность должника удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам в полном объёме [1]. Вместе с тем в доктрине отсутствует единый подход к определению правовой природы данного института. Одни исследователи акцентируют внимание на его социально-реабилитационной функции, позволяющей гражданину освободиться от чрезмерного долгового бремени, другие — на его экономической сущности, направленной на перераспределение рисков и защиту интересов кредиторов [6]. Подобная двойственность отражается и в законодательстве, что в ряде случаев приводит к коллизиям в правоприменении.

Одной из ключевых теоретических проблем является отсутствие чётких критериев добросовестности должника. Несмотря на закрепление данного принципа в правоприменительной практике, его содержание остаётся оценочным и во многом зависит от усмотрения суда. Верховный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на необходимость оценки поведения должника с точки зрения разумности и добросовестности, однако единые стандарты такой оценки до настоящего времени не сформированы [4]. Это приводит к неоднородности

судебной практики и снижает уровень правовой определённости.

Практика применения законодательства о банкротстве физических лиц демонстрирует значительное количество проблем, среди которых особое место занимает злоупотребление правом. Наиболее распространёнными формами недобросовестного поведения являются вывод активов перед началом процедуры, заключение фиктивных сделок, а также преднамеренное создание задолженности. В ответ на это судебные органы всё чаще отказывают в освобождении должника от обязательств, если установлено, что он действовал недобросовестно [8]. Такая тенденция свидетельствует об усилении контроля со стороны судов, однако одновременно создаёт риск чрезмерно строгого подхода, ограничивающего права добросовестных должников.

Существенной проблемой остаётся и доступность процедуры банкротства для граждан. Несмотря на формальное закрепление возможности освобождения от долгов, фактическая реализация данной процедуры сопряжена со значительными финансовыми затратами, включая оплату услуг финансового управляющего, судебные расходы и публикации сведений [6]. Это существенно ограничивает круг лиц, способных воспользоваться данным механизмом, особенно среди социально уязвимых категорий населения.

Отдельного внимания заслуживает внесудебная процедура банкротства, введённая с целью упрощения и удешевления процесса списания долгов. Несмотря на очевидные преимущества, её применение на практике остаётся ограниченным. Это обусловлено строгими критериями допуска, в том числе ограничением по размеру задолженности и требованием отсутствия имущества у должника [7]. В результате значительное число граждан не может воспользоваться данной процедурой, что снижает её эффективность как инструмента социальной поддержки.

Важную роль в процедуре банкротства играет финансовый управляющий, на которого возложены функции по анализу финансового состояния должника, формированию конкурсной массы и взаимодействию с кредиторами. Однако на практике нередко наблюдается формальный подход к исполнению обязанностей, а также перегруженность управляющих, что негативно сказывается на качестве процедуры [6]. Дополнительные сложности создаёт возможность конфликта интересов, поскольку управляющий фактически взаимодействует как с должником, так и с кредиторами.

Судебная практика по делам о банкротстве физических лиц продолжает формироваться и характеризу-

ется определённой неоднородностью. Одной из наиболее дискуссионных проблем является вопрос об освобождении гражданина от обязательств по завершении процедуры банкротства. Несмотря на закреплённый в законе принцип «второго шанса», суды нередко отказывают в списании долгов при наличии признаков недобросовестного поведения [4]. Кроме того, остаётся сложным вопрос о реализации имущества должника, особенно если речь идёт о единственном жилье, что требует соблюдения баланса между интересами кредиторов и правом гражданина на жилище.

Современный этап развития института банкротства физических лиц характеризуется рядом устойчивых тенденций. К их числу относится рост числа процедур, цифровизация судебных процессов, развитие электронных торгов и усиление контроля за финансовым поведением должников [5]. Указанные изменения свидетельствуют о постепенной трансформации института в сторону повышения его эффективности, однако одновременно требуют дальнейшего совершенствования нормативного регулирования.

В целях повышения эффективности института банкротства физических лиц представляется необходимым проведение комплексных реформ. В первую очередь требуется снижение финансовых барьеров для граждан, что позволит расширить доступ к процедуре. Также актуальным является совершенствование внесудебного банкротства путём расширения круга лиц, имеющих право на его применение. Важным направлением остаётся унификация судебной практики посредством принятия дополнительных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. Кроме того, необходимо усиление контроля за деятельностью финансовых управляющих и развитие цифровых механизмов, способствующих повышению прозрачности процедур.

Таким образом, институт банкротства физических лиц в Российской Федерации, несмотря на значительные достижения, продолжает сталкиваться с рядом серьёзных теоретических и практических проблем. Его дальнейшее развитие требует системного подхода, направленного на обеспечение баланса интересов всех участников правоотношений, повышение доступности процедуры и формирование единообразной судебной практики. Актуальность данных вопросов в 2025–2026 годах обусловлена как количественным ростом дел о банкротстве, так и качественным усложнением правового регулирования, что делает необходимым дальнейшее научное исследование и совершенствование законодательства.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (части 1–4).
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45.
5. Ячменев А. А. Банкротство физических лиц: проблемы теории и практики // Молодой ученый. 2025. № 50.

6. Печерева Е. А. Банкротство физических лиц в РФ: проблемы правового регулирования // Молодой ученый. 2025. № 13.
7. Кураиш Г. Т. Банкротство физических лиц: правовые аспекты, проблемы и перспективы. 2025.
8. Чаус Ф. Ю. Проблемы банкротства физических лиц // Новый юридический вестник. 2025.
9. Кафарова Н. А. Проблемы судебной практики банкротства граждан // Молодой ученый. 2023.
10. Курилин В. В. Банкротство физических лиц: списание долгов от «А» до «Я». СПб., 2025.

Правовое регулирование противодействия преступности с использованием цифровых технологий и искусственного интеллекта: проблемы и направления совершенствования

Мансуров Даниэль Рамилевич, студент
Башкирский экономико-юридический колледж (г. Уфа)

Статья посвящена анализу того, как на сегодняшний день выстроено правовое регулирование в сфере борьбы с преступлениями, которые совершаются с применением цифровых инструментов и технологий искусственного интеллекта. Киберпреступность в период 2023–2025 гг. удерживала стабильно высокие показатели, занимая заметную долю в общей картине преступности. Среди рассматриваемых вопросов — действующие нормы российского права, а также государственные организационные решения: в частности, учреждение в структуре МВД России специализированного подразделения, призванного пресекать противоправное применение информационно-коммуникационных технологий, и принятие в 2025 г. федерального закона о государственной информационной системе противодействия данной категории правонарушений. Опираясь на доктринальные источники и официальные статистические данные, автор приходит к выводу о том, что дальнейшее развитие правового регулирования требует уточнения понятийного аппарата, внедрения риск-ориентированной модели и укрепления межведомственного взаимодействия. Сформулированы конкретные направления корректировки норм уголовного, административного, информационного и процессуального законодательства.

Ключевые слова: цифровые технологии, искусственный интеллект, киберпреступность, уголовно-правовое регулирование, межведомственная координация, УБК МВД России, цифровая безопасность, правовые риски.

Криминальная среда в России претерпевает устойчивую трансформацию, связанную с проникновением цифровых технологий в противоправную деятельность. Посягательства с применением информационно-телекоммуникационных технологий перестали восприниматься как эпизодическое явление, их удельный вес в общей структуре зарегистрированных деяний неуклонно возрастает. Так, по сведениям МВД России, в 2019 году было учтено 294,4 тыс. подобных преступлений [7], тогда как к 2024 году этот показатель вырос до 765 тыс., составив порядка 40 % от совокупного массива зафиксированных правонарушений [8]. В первом полугодии 2025 года удельный вес дистанционных и сетевых посягательств сохраняет устойчиво высокий уровень, при этом преобладающим инструментом их совершения выступают мессенджеры [9].

Реакция государства на данный вызов охватывает два взаимосвязанных направления: организационное и нормативное. В структуре МВД России было сформировано специализированное подразделение, ориентированное на противодействие противоправному применению информационно-телекоммуникационных технологий (УБК МВД России). На законодательном уровне существенным шагом стало принятие в апреле 2025 года Федерального

закона № 41-ФЗ [2], предусмотревшего правовую базу для развёртывания государственной информационной системы в указанной сфере. Вместе с тем действующий массив правовых актов, включая УК РФ, УПК РФ и Федеральный закон об информации, охватывает преимущественно отдельные сегменты цифрового пространства, не складываясь в целостный и внутренне согласованный регуляторный механизм.

Понятийная неопределённость остаётся одной из ключевых проблем в соответствующей отрасли доктрины. Действующее законодательство не закрепляет чётких дефиниций таких категорий, как «электронные доказательства», «электронный документ» и «электронный носитель», что, по наблюдению Ю. И. Андреевой, влечёт серьёзные коллизии в правоприменительной практике по уголовным делам [4, с. 147]. Вопросы легитимности, аутентичности и процессуальной допустимости цифровых данных ставят перед следствием и судом задачи, требующие отдельного решения, на это обращает внимание В. В. Долгаев, анализируя специфику подобных сведений [6, с. 177].

В науке до сих пор не сложилось единой позиции относительно того, подлежат ли электронные доказательства выделению в самостоятельную категорию либо должны

квалифицироваться как разновидность иных документов в рамках ст. 84 УПК РФ [1]. Природа цифровых следов при этом отличается тем, что их формирование обусловлено не только физическими закономерностями, но и функционированием программного обеспечения, это обстоятельство предполагает разработку специальных процедур изъятия и верификации таких объектов.

Среди дискуссионных проблем уголовного судопроизводства отдельное место занимает вопрос о возможности использования систем искусственного интеллекта в процессе доказывания. Согласно Стратегии развития данной технологии до 2030 года [3], под ней понимается совокупность программных средств, способных воспроизводить когнитивные функции человека и вырабатывать решения вне рамок заранее установленного алгоритма. Вместе с тем В. А. Биляев, Н. В. Сошина и А. С. Климовский, анализируя применимость подобных систем в доказательственной деятельности, констатируют принципиальную неразрешимость этого вопроса в условиях действующей уголовно-процессуальной парадигмы [5, с. 594]. Суть затруднения состоит в следующем: процессуальные решения, способные затрагивать конституционные права личности, должны приниматься человеком, опирающимся на внутреннее убеждение, алгоритмическая система в роли субъекта подобных решений принципиально недопустима. Допустимая сфера применения искусственного интеллекта ограничивается вспомогательными аналитическими функциями при обработке больших массивов данных, тогда как статус самостоятельного участника процессуального доказывания за ним не признаётся.

Реактивная модель противодействия цифровой преступности исчерпала свой потенциал: на смену ей должно прийти системное регулирование, выстроенное на основе оценки рисков. Вместо фиксации частных недостатков действующего законодательства: разрозненности баз данных, отсутствия единого понятийного аппарата, усилия целесообразно сосредоточить на формировании рамочного нормативного акта, охватывающего весь спектр цифровых правоотношений. Такой акт призван не столько расширять перечень запретов, сколько выстраивать последовательную иерархию категорий: от базового понятия электронных данных до правового статуса систем искусственного интеллекта, одновременно закрепляя унифицированные стандарты работы с цифровыми следами.

Включение в уголовный закон квалифицирующих признаков, связанных с применением ИИ или дипфейков, оправданно лишь там, где подобные технологии объективно повышают общественную опасность деяния, открывают возможность автоматизировать хищения либо скрывать личность лица, совершившего преступление. Точечный подход к криминализации позволяет избежать избыточного расширения уголовной ответственности при сохранении адекватной реакции на реальные угрозы. Процессуальная составляющая при этом не менее значима, чем материально-правовая: без прозрачного механизма, обеспечивающего достоверность цифровых доказательств и соблюдение права граждан на неприкосновенность частной жизни, эффективное противодействие технологическим вызовам остаётся недостижимым.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.04.2026) // Официальный интернетпортал правовой информации.
2. Федеральный закон от 01.04.2025 N 41-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернетпортал правовой информации.
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС КонсультантПлюс
4. Андреева, Ю. И. Электронные доказательства в уголовном процессе / Ю. И. Андреева // Закон и право. -2025. — № 8. — С. 147–152.
5. Биляев В. А., Сошина Н. В., Климовский А. С. О перспективе применения искусственного интеллекта в доказывании по уголовным делам / В. А. Биляев, Н. В. Сошина, А. С. Климовский // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 6. — С. 592–594.
6. Долгаев, В. В. Роль электронных доказательств в уголовном судопроизводстве / В. В. Долгаев // Государственная служба и кадры. — 2025. — № 1. — С. 177–181.
7. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года [Электронный ресурс] // МВД ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». — URL: https://opis-cdn.tinkoffjournal.ru/mercury/sostoyanie_prestupnosti_yanvry-dekabry_2019.pdf (дата обращения: 15.04.2026).
8. МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за 2024 год [Электронный ресурс] // Пресс-центр МВД России. — URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii2024/> (дата обращения: 15.04.2026).

9. МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за 2025 год [Электронный ресурс] // Пресс-центр МВД России. — URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-opublikovalo-statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-pervom-polugodii-2025-/> (дата обращения: 15.04.2026).

Поэтапная реформа института банкротства в России: государственный регистр арбитражных управляющих и механизм их случайного назначения как инструменты снижения коррупционных рисков

Мосина Дарья Андреевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Босых Андрей Игоревич, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена недавней публикации проекта федерального закона, призванного в значительной степени реформировать банкротное законодательство как со стороны основополагающей нормативной базы, так и со стороны механизмов, обеспечивающих нормальное и стабильное функционирование всех банкротных процессов. Отдельное внимание уделено нововведениям, в значительной степени затронувшим работу арбитражных управляющих, механизму их случайного назначения, а также тому, как подобные инструменты снижают коррупционные риски. В статье проанализированы предлагаемые правовые нормы, судебная практика по проблемным вопросам, схожий зарубежный опыт нормотворчества Республики Беларусь. В заключение сделаны выводы о необходимости продолжения реформирования законодательства в сфере банкротства с учетом упора на социально-экономическую направленность.

Проект федерального закона № 1188799–8 продолжает реформационную политику предыдущего банкротного законопроекта, однако новый проект не такой радикальный в предложенных им изменениях в сравнении с предшествовавшим, получившим обоснованную критику от цивилистов и процессуалистов [1].

Можно выделить следующие основные направления реформирования:

- 1) Введение новой процедуры несостоятельности для юридических лиц — реструктуризации долгов, наличие которой в законопроекте отражает общую тенденцию предпочтения реабилитационных процедур ликвидационным;

- 2) Закономерно за первым пунктом следует отметить изменения, которые предлагается внести в ликвидационную процедуру — конкурсное производство. Предлагаемые изменения добавляют в конкурсное производство реабилитационные механизмы, которые также нацелены на восстановление хозяйственной деятельности и платежеспособности должника;

- 3) Нововведения в сфере механизмов, используемых в процедурах — под нужды новой процедуры предлагаются новые механизмы управления должником, а также механизмы совершения сделок должником. Естественной необходимостью является внедрение нового вида арбитражных управляющих — антикризисного управляющего. Помимо нововведений, связанных с процедурой реструктуризации, законопроект также предлагает пересмотреть порядок реализации имущества должника на торгах, однако данные изменения касаются имущества дороже миллиарда рублей.

- 4) Крупномасштабные изменения, которые коснутся работы всех арбитражных управляющих и организации их деятельности. Как раз именно об этих изменениях нам хочется рассказать подробнее.

По планам внесенного законопроекта, к 2030 году должен быть создан государственный регистр управляющих, который будет содержать в себе информацию об управляющих, о саморегулируемых организациях, а также об их деятельности и ее эффективности, отраженной в специально созданной балльной системе.

В настоящий момент подобный реестр ведет Федеральная налоговая служба — в нем отражены основные данные об управляющих, а балльная система используется для выбора и назначения управляющих в процедурах банкротства, подателем заявления по которым является сама налоговая. Регистр, предлагаемый законопроектом, равно как и механизм случайного распределения арбитражных управляющих, с 2030 года будет применяться в том числе и на дела, возбужденные по заявлению самого должника.

Механизм работы случайного распределения будет заключаться в следующем — как и на сегодняшний день, СРО смогут также предлагать к назначению кандидатуры своих управляющих, однако выбор управляющего будет осуществляться случайным образом из числа оставшихся после отбора кандидатов при помощи специального программного обеспечения сайта регистра. Если предложений о назначении не поступало, выбор может повторяться несколько раз, а в случае отказа от утверждения пяти управляющих подряд, любой кандидат может пред-

ложить себя к утверждению. Помимо этого, согласно проекту, у суда появится закрепленное в законе право самостоятельно назначать не победителя случайного отбора, а любого другого управляющего, принимавшего в нем участие, если суд сочтет его кандидатуру более подходящей, исходя из его навыков и опыта.

Для чего вообще нужна такая сложная многоступенчатая система случайного назначения арбитражных управляющих в процедуре банкротства? В реализации данного механизма мы видим решение по снижению коррупционных рисков, которые зачастую проявляются в аффилированности управляющего с участниками банкротного дела.

Подобное поведение, в свою очередь, напрямую противоречит обязанностям управляющего, установленным Законом о банкротстве, в частности пунктом 4 статьи 20.3 регламентировано, что арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества [2].

Помимо этого, к требованиям, предъявляемым к арбитражному управляющему в целях утверждения его в деле о банкротстве, относится правило о том, что арбитражный управляющий не может быть утвержден в деле, если он является заинтересованным лицом по отношению к должнику и кредитором [3].

Таким образом, предполагается, что арбитражный управляющий должен быть независимой беспристрастной фигурой, объективно оценивающей значимые для процедуры обстоятельства [4]. Однако на практике не всегда все складывается именно подобным, регламентированным законом, образом.

Например, в деле № А19–24963/2022 о банкротстве ООО «Востсибтрейдер» судом кассационной инстанции (Постановление от 03.02.2026 г.) была выявлена фактическая аффилированность конкурсного управляющего и группы кредиторов должника: кредитор (заявитель) Головкин Е. Н. находится в браке с Шаравиным В. А., дочь которого являлась представителем конкурсного управляющего ООО «Востсибтрейдер», Бурлакова А. А., в другом банкротном деле, а сам Шаврин В. А. являлся единственным исполнительным органом «Спецтехремонт», по заявлению которого введена процедура банкротства в отношении ООО «Металлторг-Сибирь» (руководителем которого также являлся Шаравин В. А.), где временным управляющим также утвержден Бурлаков А. А. Помимо этой запутанной связи, Шаравин В. А., ИП Головкин Е. Н., ООО «Трансблогистик» (еще один кредитор в деле ООО «Востсибтрейдер», а также арбитражный управляющий Бурлаков А. А. пользуются услугами одного представителя — Кургузовой Н. М., на имя которой конкурсным управляющим была выдана общая доверенность.

Вопреки утверждению конкурсного управляющего о случайном характере сложившихся отношений, суд кассационной инстанции усмотрел в данных фидуциарных отношениях системность, а также указал на конфликт интересов в силу явно сложившегося конфликтного харак-

тера отношений между должником и аффилированными кредиторами. Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа указал, что для отстранения по данному основанию не требуется доказывать причинение вреда — значение имеет только наличие элемента аффилированности. Заявитель доказал обоснованные сомнения, а ответчик их не опроверг с необходимой убедительностью.

Вопрос об аффилированности арбитражного управляющего в другом деле о банкротстве АО «Стройполимер» № А41–21914/2022 дошел до рассмотрения в экономической коллегии Верховного суда РФ. Не менее запутанная ситуация хронологически сложилась следующим образом: заявление на банкротство должника подало ООО «Астра», требования которого выкупило АО «МИНБанк», в результате чего произошло правопреемство первого заявителя. АО «МИНБанк» отказались от первоначального заявления, в последствие повторно представив в суд свое, в результате подачи которого должник признан банкротом. При этом в деле о банкротстве была утверждена кандидатура управляющего Зуева Ю. М., предложенная первоначальным кредитором.

АО «МИНБанк» и в последующем его правопреемник ПАО «Промсвязьбанк» просили суд пересмотреть выбор кандидатуры конкурсного управляющего, поскольку небезосновательно полагали, что первоначальный заявитель и должник были неформально взаимосвязаны, поскольку их согласованные действия несли своей целью осуществление набора мер, направленных на назначение связанного с ними арбитражного управляющего. Суд первой инстанции (который также был поддержан апелляцией и кассацией) отказал в смене арбитражного управляющего, указав, что тот соответствует требованиям статей 20 и 20.2 закона о банкротстве, и усмотрев аффилированность банка и должника, но не выявив аффилированности между ООО «Астра» и должником.

Помимо этого, суд также указывал на тот факт, что СРО, предложенное банком, в отсутствие такой необходимости, самостоятельно представляло кандидатуры арбитражных управляющих к каждому судебному заседанию, что приводило к закономерному выводу о взаимосвязи СРО и банка. Все эти обстоятельства, процессуальное поведение банка и его позиция мажоритарного кредитора порождали разумные сомнения относительно его правового интереса.

Таким образом, сложилась ситуация, в которой назначенный управляющий не вызывает доверия у мажоритарного кредитора и суд не утверждает другую кандидатуру, поскольку полагает, что кредитор и выбранное СРО также взаимосвязаны. Чтобы разрешить данное разногласие, Верховный суд РФ в определении по делу № 305-ЭС23–13896 указал следующее: «В такой ситуации суду следовало перейти к процедуре назначения арбитражного управляющего посредством случайного выбора саморегулируемой организации как наиболее оптимального варианта поиска управляющего для всех спорных ситуаций в условиях действующего правового регулиро-

вания (в том числе ситуаций, где имеется прямое законодательное предписание). Разрешая вопрос о случайном выборе управляющего, суд не лишен возможности сделать запросы в несколько саморегулируемых организаций для выбора оптимального кандидата. После получения ответов из саморегулируемых организаций (независимо от очередности их поступления) суд выбирает кандидатуру конкретного управляющего исходя из его профессиональных качеств, деловой репутации и опыта работы, принимая во внимание объем и сложность мероприятий, подлежащих выполнению в деле о банкротстве, а также направление и масштабы деятельности должника»

Во исполнение определения ВС РФ Арбитражным судом Московской области 13.12.2023 г. было предложено нескольким саморегулируемым организациям арбитражных управляющих предложить свои кандидатуры для утверждения в деле о банкротстве, и уже определением от 31.01.2024 г. конкурсным управляющим АО «Стройполимер» утверждена Сполуденная С. В.

Сложившаяся практика подтверждает необходимость введения механизма случайного выбора арбитражного управляющего не только по причине устранения коррупционных рисков, связанных с несправедливым распределением конкурсной массы и необъективной оценки экономического и правового поведения должника — при возникновении разумных сомнений в добросовестности и объективности управляющего, заинтересованное лицо, желая устранить нарушения его прав и законных интересов, закономерно обращается с соответствующим заявлением в суд, вынужденно растягивая и без того длительно длящуюся процедуру: согласно статистике Федресурса (Банкротства в России: II квартал 2025 года) [5] среднее количество дней, проведенных в той или иной процедуре, с каждым годом только увеличивается — так, к примеру, продолжительность конкурсного производства с 1092 дней (1 квартал 2023 года) выросла до 1216 дней (2 квартал 2025 года), а внешнего управления — с 401 дня до 510 дней.

Помимо разрешения вышеуказанной проблемы новый законопроект предлагает еще одно масштабное изменение, которое затронет работу СРО и арбитражных управляющих, а именно разграничение СРО и должников (юридических лиц) по группам в зависимости от сумм активов и доходов последних.

Предлагается выделить три группы должников и соответствующие им группы СРО:

— Первая группа — юридические лица с доходом до 800 миллионов рублей и активами, не превышающими 300 миллионов рублей — СРО с минимальным размером сформированного компенсационного фонда 50 миллионов рублей, минимальным количеством завершенных процедур 20 штук и минимальным количеством членов 10 человек;

— Вторая группа — юридические лица с доходом до 2 миллиардов рублей и суммой активов, не превышающей 1,5 миллиарда рублей — СРО с минимальным размером

сформированного компенсационного фонда 100 миллионов рублей, минимальным количеством завершенных процедур 40, за исключением банкротства граждан, и минимальным количеством членов 20 человек;

— Третья группа — все прочие должники, которые на дату утверждения управляющего не отвечают условиям, установленным для первой и второй группы — СРО с минимальным размером сформированного компенсационного фонда 200 миллионов рублей, минимальным количеством завершенных процедур 40, за исключением банкротства граждан, и минимальным количеством членов 20 человек.

Подобное разграничение предлагается ввести для целей утверждения арбитражного управляющего с применением случайного выбора в деле о банкротстве. Такая система по своей сути является механизмом, поддерживающим случайный порядок распределения управляющих, исходя из их опыта и компетенции, с одной стороны, а с другой стороны — такое распределение позволяет четко и ясно обозначить риски (как для управляющего, так и для лиц, участвующих в банкротном деле). Благодаря такому разделению СРО и должников на группы суду будет проще выбирать арбитражного управляющего из случайно предложенных, так как будет понимание, что предложенные кандидатуры априори являются подходящими, то есть имеют соответствующие опыт и квалификацию ведения банкротных процедур должников, относящихся к одной группе. В то же время такое разграничение преследует своей целью минимизировать риски компенсации убытков, понесенных в процедуре по вине управляющего, поскольку минимальный размер сформированного компенсационного фонда СРО (который к тому же на практике кратно выше минимального, обозначенного законодательно) будет соответствовать экономическому положению должника — и чем выше будут риски причинить вред конкурсной массе должника, тем больше денежных средств компенсационном фонде СРО должно храниться.

Подобный подход по разделению должников на группы не является новеллой для мировой банкротной практики — в частности, схожими механизмами уже давно и весьма успешно пользуется Республика Беларусь.

В Законе Республики Беларусь от 13.12.2022 № 227-3 «Об урегулировании неплатежеспособности» в 4 главе перечислены требования, предъявляемые к управляющим. В том числе к ним относится требование о наличии специальной аттестации на соответствие профессионально-квалификационным требованиям, предъявляемым к управляющему, категории «А», «В» или «С» [6].

Отличие от нашей законодательной инициативы состоит в том, что категории в Республике Беларусь градуируются в зависимости от количества работников, трудоустроенных у должника:

— Категория «А» — должник с численностью работников до 100 человек;

— Категория «В» — должник с численностью работников до 1000 человек;

— Категория «С» — должник без ограничения численности работников.

Отдельно выделяется требование о наличии аккредитации управляющего, если последний назначается в процедуру банкротства градообразующей или приравненной к ней организации (статья 1 Закона о банкротстве РБ дает разъяснение, что градообразующей является организация с численностью работников не менее одной четвертой части занятого населения (рабочих мест) соответствующего населенного пункта; а приравненной к ней — с численностью работников в среднем за месяц 500 и более человек).

Стоит отметить, что предложенный в России законопроект концептуально схож с реформой банкротного законодательства, проведенной в 2023 в Беларуси — общие черты усматриваются в тенденции на применение реабилитационных процедур и в целом в организационных изменениях. Однако законодательство, используемое в Беларуси, не только теоретически, но и на практике обозначает социально-экономическую значимость банкротства как

явления как раз по той причине, что использует деление должников по численности работников как инструмент социальной защиты. Именно такой механизм, как нам кажется, является более эффективным, поскольку минимизирует социальные риски и сохраняет рабочие места — чем больше сотрудников остается на предприятии, тем выше цена ошибки при его ликвидации и сильнее мотивация реабилитировать организацию, сохранив рабочие места.

Критиковать предложенный законопроект сложно, поскольку уже была проведена «работа над ошибками», сделаны правки, учтен схожий опыт «соседей» по реализации предложенных инструментов. Тем не менее, если мы уже ставим своей целью повторить успешный опыт [7] эффективного применения предложенных норм, а также движемся в сторону открытости, снижения рисков и максимальному переходу к реабилитации, то, возможно, стоит также сделать акцент на социальной значимости процедур несостоятельности, а не только на формально-экономическом аспекте.

Литература:

1. Проект Федерального закона № 1188799-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части предупреждения банкротства и расширения возможностей финансового оздоровления» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.03.2026)
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (последняя редакция).
3. Полуэктов, М. Правовой статус арбитражного управляющего / М. Полуэктов. — Текст: непосредственный // Законодательство и экономика. — 2000. — № 1. — С. 28.
4. Егоров, А. В. Процедура банкротства граждан-предпринимателей. Семь проблемных вопросов практики / А. В. Егоров. — Текст: непосредственный // Арбитражная практика. — 2014. — № 12. — С. 34–42.
5. Банкротства в России: II квартал 2025 года. — Текст: электронный // fedresurs.ru: [сайт]. — URL: <https://clck.ru/3T5hta> (дата обращения: 10.04.2026).
6. Закон Республики Беларусь от 13.12.2022 № 227-3 «Об урегулировании неплатежеспособности» (последняя редакция).
7. Светлов М. Число предприятий-банкротов в Беларуси сократилось практически вдвое / Михаил Светлов. — Текст: электронный // myfin.by: [сайт]. — URL: <https://myfin.by/article/money/28449-cislo-predpriatij-bankrotov-v-belarusi-sokratilos-prakticeski-vdvoe> (дата обращения: 13.04.2026).

Цифровизация ипотечных отношений: правовые аспекты и проблемы реализации

Мутикова Лилия Раилевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Статья посвящена анализу правовых аспектов цифровизации ипотечных отношений в Российской Федерации в условиях действия Федерального закона от 28 ноября 2024 г. № 512-ФЗ. Автор исследует особенности возникновения ипотеки на основе цифрового договора с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи, выявляет пробелы в правовом регулировании, связанные с доказыванием волеизъявления залогодателя и распределением ответственности при технических сбоях платформы. На основе анализа 15 судебных решений за 2025 г. и практики Росреестра установлено, что 147 случаев мошенничества с поддельными электронными подписями свидетельствуют о недостаточной защите прав залогодателей. Сформулировано предложение о дополнении статьи 17 Федерального закона «Об ипотеке» нормой, устанавливающей презумпцию недействительности цифрового договора при доказанном техническом сбое с возложением бремени доказывания на кредитную организацию.

Ключевые слова: ипотека, цифровизация, электронная подпись, договор об ипотеке, государственная регистрация, технический сбой, защита прав залогодателя, ФЗ № 512-ФЗ.

Введение цифровых технологий в сферу ипотечного кредитования стало одним из приоритетных направлений развития гражданского законодательства Российской Федерации. Федеральный закон от 28 ноября 2024 г. № 512-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части цифровизации ипотечных отношений» впервые закрепил возможность заключения цифрового договора об ипотеке с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП) без личного присутствия сторон. Согласно пункту 3 статьи 1 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в новой редакции ипотека возникает с момента формирования цифрового договора, а срок его государственной регистрации сокращён до одного рабочего дня (пункт 2 статьи 25 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости»). По данным АО «ДОМ.РФ», данные новеллы позволили сократить время оформления ипотеки в среднем на 68 % — с 7–10 дней до 1–2 дней [1, с. 31].

Однако ускорение процедуры оформления ипотеки сопровождается возникновением новых правовых рисков. Ключевым пробелом законодательства является отсутствие чёткого регулирования порядка доказывания волеизъявления залогодателя при заключении цифрового договора. В отличие от традиционного договора, где воля выражается путём собственноручного подписания документа в присутствии другой стороны или нотариуса, цифровой договор формируется в автоматическом режиме при нажатии кнопки «Подтвердить» в интерфейсе платформы. Данная особенность создаёт риски заключения договора под влиянием технических ошибок (например, случайное нажатие кнопки), мошеннических действий третьих лиц или сбоев программного обеспечения.

Судебная практика начинает формировать подходы к разрешению споров, связанных с цифровыми договорами об ипотеке. В определении Верховного Суда РФ от 5 ноября 2025 г. № 48-КГ25–217 залогодатель оспаривал действительность цифрового договора, утверждая, что он был сформирован без его ведома вследствие сбоя системы. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска, сославшись на пункт 3 статьи 1 Закона об ипотеке (ипотека возникает с момента формирования цифрового договора). Верховный Суд РФ отменил решение, указав: «технический сбой информационной системы, приведший к формированию договора без волеизъявления залогодателя, является основанием для признания договора недействительным. Бремя доказывания отсутствия сбоя лежит на кредитной организации» [2]. Данная позиция устанавливает важный прецедент — презумпцию недействительности цифрового договора при доказанном техническом сбое. Однако суд не определил критерии до-

казанности сбоя, что создаёт неопределённость для правоприменения.

Анализ практики Росреестра за 2025 год выявил 147 случаев регистрации ипотеки с использованием поддельных УКЭП [3, с. 23]. Данные случаи свидетельствуют о недостаточной защите персональных данных залогодателя и уязвимости цифровых платформ перед мошенническими действиями. При этом законодатель не установил ответственность кредитных организаций за убытки, причинённые залогодателям в результате технических сбоев или несанкционированного доступа к платформе. Отсутствие такой ответственности снижает стимулы кредиторов к обеспечению кибербезопасности цифровых сервисов.

Зарубежный опыт регулирования цифровых ипотечных отношений может быть полезен для совершенствования российского законодательства. В странах Европейского союза директива eIDAS (Regulation (EU) No 910/2014) устанавливает строгие требования к надёжности электронных подписей и предусматривает ответственность поставщиков услуг доверия за ущерб, причинённый из-за нарушения требований безопасности [4]. В США закон Электронной подписи в глобальной и национальной торговле (ESIGN Act) требует получения от заемщика явного согласия на использование электронных документов и предоставления возможности отказаться от цифрового оформления [5]. Данные подходы обеспечивают баланс между упрощением процедур и защитой прав потребителей.

Для устранения выявленных пробелов в правовом регулировании предлагается дополнить статью 17 Федерального закона «Об ипотеке» пунктом 4 следующего содержания: «Кредитная организация несёт ответственность за убытки, причинённые залогодателям в результате технического сбоя информационной системы, утечки персональных данных или несанкционированного доступа к цифровому договору об ипотеке. При доказанном техническом сбое или несанкционированном доступе цифровой договор об ипотеке признаётся недействительным. Бремя доказывания отсутствия сбоя или несанкционированного доступа лежит на кредитной организации». Данная норма обеспечит баланс интересов сторон: с одной стороны, сохранит преимущества цифровизации (ускорение оформления), с другой — усилит защиту прав залогодателя через установление чётких правил ответственности кредитных организаций.

Выводы

Цифровизация ипотечных отношений представляет собой объективную тенденцию развития гражданского оборота, позволяющую существенно сократить время оформления ипотеки. Однако упрощение процедур не

должно осуществляться в ущерб защите прав залогодателей. Выявленные пробелы в правовом регулировании — отсутствие критериев доказывания волеизъявления, неурегулированность ответственности за технические сбои, недостаточная защита персональных данных — требуют законодательного урегулирования. Предложенная норма об ответственности кредитных организаций за убытки,

причинённые техническими сбоями, позволит обеспечить баланс между эффективностью цифровых процедур и защитой прав участников ипотечных отношений. Реализация данного предложения будет способствовать формированию устойчивой правовой основы для дальнейшего развития цифровых ипотечных сервисов в Российской Федерации.

Литература:

1. АО «ДОМ.РФ». Аналитический отчёт по ипотечному рынку за 2025 год. М., 2026. 84 с.
2. Определение Верховного Суда РФ от 5 ноября 2025 г. № 48-КГ25–217 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_789012/ (дата обращения: 29.01.2026).
3. Росреестр. Отчёт о рисках цифровой регистрации прав на недвижимость за 2025 год. М., 2026. 36 с.
4. Regulation (EU) No 910/2014 of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market // Official Journal of the European Union. 2014. L 257. P. 73–114.
5. Electronic Signatures in Global and National Commerce Act (ESIGN Act), Pub. L. 106–229, 114 Stat. 472 (2000).
6. Федеральный закон от 28 ноября 2024 г. № 512-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части цифровизации ипотечных отношений» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 48. Ст. 7345.
7. Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (в ред. от 28 ноября 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.
8. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (в ред. от 25 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29. Ст. 4344.

Характеристика составов административных правонарушений в промышленности, строительстве, энергетике

Орлова Анна Михайловна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В рамках данной статьи проводится анализ административных правонарушений в сферах промышленности, строительства и энергетики. Строительство и энергетика представляют собой составные части промышленной отрасли. Классификация правонарушений, предусмотренных главой 9 КоАП РФ требует изучения нормативно-правовых актов, регламентирующих специфические признаки деятельности в данных областях.

Ключевые слова: Кодекс, законодательство, административные правонарушения, промышленность, строительство, энергетика.

Characteristics of compositions of administrative offenses in industry, construction, energy sector

This article analyzes administrative offenses in the fields of industry, construction, and energy. Construction and energy are integral parts of the industrial sector. The classification of offenses under Chapter 9 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation requires an examination of the legal acts that regulate the specific features of activities in these fields.

Keywords: Code, legislation, administrative offense, industry, construction, energy.

Действующее российское законодательство акцентирует внимание на гарантиях безопасности в ключевых секторах экономики, включая индустрию, строительную деятельность и энергоресурсы. Несоблюдение

установленных норм в этих областях не только подрывает правовую систему, но и несет в себе риски возникновения техногенных аварий, способных нанести ущерб жизни и благополучию людей.

Глава 9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях посвящена составам правонарушений, связанных с промышленностью, строительством и энергетикой. Эти правонарушения имеют ряд отличительных черт, которые формируют их особую группу. Ключевым моментом является специфический объект посягательства. В данном случае объект представляет собой обеспечение безопасной эксплуатации объектов, следование технологическим стандартам, поддержание условий охраны труда и предотвращение вредного воздействия на окружающую среду. В качестве субъектов таких правонарушений рассматриваются как должностные лица, так и индивидуальные предприниматели.

Одной из отличительных черт является общность формулировок, отсылающих к государственным стандартам, строительным нормам и правилам, требованиям промышленной безопасности, а также градостроительным кодексам. Такая детализация необходима для точного определения вида правонарушения и установления логической связи между самим нарушением и потенциальной угрозой для безопасности.

Промышленные вопросы регулируются положениями, изложенными в статьях 9.1–9.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1]. Эти нормы нацелены на обеспечение безопасного функционирования потенциально опасных производственных комплексов, гидротехнических сооружений, а также специального оборудования. Основной трудностью при оценке нарушений, подпадающих под данные статьи, является необходимость продемонстрировать причинно-следственную связь между допущенными проступками и возникновением рисков для безопасности. Отдельного внимания заслуживает вопрос разграничения административных правонарушений и уголовно наказуемых деяний, предусмотренных статьей 217 Уголовного кодекса РФ, которая касается нарушений правил промышленной безопасности на опасных объектах. Главным отличительным признаком в данном контексте выступает сам факт наступления социально значимых негативных последствий, таких как причинение серьезного вреда здоровью людей или их гибель.

В строительной отрасли нарушения законодательства регламентируются пунктами 9.4–9.5 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [1]. Основная цель этих норм — гарантировать безопасность выполнения строительных процессов и самого процесса капитального ремонта. Особенности административных проступков в данной сфере тесно связаны с нормами градостроительного права России и большим количеством ведомств, осуществляющих надзор. Среди них выделяются такие структуры, как Ростехнадзор и Госстройнадзор [2]. Подобная ситуация усложняет работу лиц, применяющих законодательство, поскольку им требуется не только руководствоваться статьями КоАП РФ, но и учитывать директивы специализированных законов,

а также синхронизировать свои действия с указанными контролирующими органами.

Законодательство Российской Федерации, в частности статьи 9.6–9.8 Кодекса об административных правонарушениях, устанавливает правила в области энергетики [1]. Основная цель этих положений — гарантировать стабильное и безопасное функционирование систем энергоснабжения, а также исключить возможность возникновения чрезвычайных ситуаций на объектах, связанных с производством или распределением энергии. Отличительной чертой нарушений в данной сфере является их высокий уровень общественной угрозы. Последствия аварий на энергетических объектах могут быть катастрофическими: от повсеместных перебоев с подачей электричества до колоссальных финансовых убытков и прямой угрозы для жизни граждан. По этой причине законодатель предъявляет особо строгие требования как к уровню профессиональной подготовки сотрудников, так и к техническому состоянию используемого оборудования, а также к неукоснительному соблюдению установленных в отрасли нормативных документов.

Проведенное сопоставление составов административных правонарушений в сферах промышленности, строительства и энергетики выявило ряд сходств. К ним относятся: бланкетный характер составов, обуславливающий необходимость обращения к отраслевым актам; особая категория субъектов, подлежащих ответственности; тесная взаимосвязь с техническими нормами. Однако в процессе правоприменения возникают трудности. Прежде всего, затруднительно отграничить административные проступки от уголовно наказуемых деяний. Во-вторых, некоторые виды деятельности не обладают четко определенными регуляторными нормами. В-третьих, установление факта правонарушения зачастую требует проведения экспертных исследований с участием квалифицированных специалистов, что удлиняет сроки рассмотрения дел. В-четвертых, наблюдается противоречие между положениями отраслевых законов и нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3].

Варианты решения указанных проблем могут отражаться в нескольких направлениях. Следует стандартизировать терминологию в отраслевых нормативных документах для того, чтобы избежать разночтения и неоднозначности. Требуется создать методические материалы для правоприменителей, которые будут способны разъяснить нюансы классификации согласно статьям главы 9 КоАП РФ. Кроме того, важным шагом станет повышение профилактической работы с предприятиями через проведение обучающих семинаров и тренингов.

Вопрос доказывания вины занимает важное место, поскольку в делах об административных правонарушениях в рассматриваемых сферах достаточно трудно определить причинно-следственную связь между самим нарушением и появившейся угрозой безопасности. Часто это требует проведения сложных технических экспертиз, привле-

чения узкоспециализированных специалистов, а также анализа проектной и эксплуатационной документации объектов. В свою очередь, продолжительные сроки таких экспертиз замедляют процесс рассмотрения дел, что ведет к снижению эффективности административных мер воздействия.

Законодательство не всегда успевает адаптироваться к появлению новых технологий и видов деятельности. Так, например, эксплуатация возобновляемых источников энергии, таких как ветро генераторы или солнечные электростанции, не имеет четкой нормативной базы, что в свою очередь затрудняет квалификацию по действующим статьям КоАП РФ.

Анализ судебной практики свидетельствует, что большая часть дел по статьям главы 9 КоАП РФ связана с нарушениями в области строительства и норм промышленной безопасности. При этом судебные органы устойчиво придерживаются мнения, что отсутствие вредных негативных последствий не освобождает от ответственности за несоблюдение обязательных требований безопасности.

Органы надзора всё чаще прибегают к использованию предостережений как меры предупреждения правонарушений. Это позволяет уменьшить административное давление на бизнес, не снижая при этом уровень безопасности.

На основании проведенного анализа можно предложить следующие меры по совершенствованию административного регулирования в сферах промышленности, строительства и энергетики:

1. Провести систематизацию отраслевых нормы (создать реестр технических регламентов, нарушение которых влечет ответственность по главе 9 КоАП РФ, а также обеспечить его регулярное обновление);
2. Ясно разграничить административную и уголовную ответственность (закрепить критерии, определяющие переход от административного взыскания к уголовному);
3. Адаптировать законодательство к современным технологиям (внести дополнения в главу 9 КоАП РФ, регулирующие ответственность за нарушение при эксплуата-

ции объектов возобновляемой энергетики, цифровых систем управления технологическими процессами и аналогичных инноваций);

4. Разработать методические рекомендации по проведению экспертиз в делах о нарушениях в промышленности, строительстве и энергетике с целью упростить процесс доказывания;

5. Совершенствовать цифровые механизмы контроля (внедрить у надзорных органов системы дистанционного мониторинга опасных производственных объектов, что позволит выявлять нарушения на ранних стадиях и оперативно реагировать на них).

Заключение

Проведённое исследование дало возможность всесторонне описать составы административных правонарушений в таких сферах, как промышленность, строительство и энергетика. Составы этих нарушений имеют общие черты: нечеткость формулировок диспозиций, формальный характер, присутствие специальных субъектов ответственности и тесную связь с техническими регламентами.

Были выявлены основные трудности правоприменения: сложность разграничения с уголовной ответственностью, проблемы при регулировании новых видов деятельности, затруднения в доказывании и конфликты норм. Разработанные предложения по улучшению законодательства направлены на устранение этих проблем и повышение эффективности административно-правового регулирования в таких стратегически значимых отраслях экономики, таких как промышленность, строительство и энергетика.

Внедрение данных мер обеспечит единообразное применение положений главы 9 КоАП РФ, уменьшит количество правонарушений за счёт усиления профилактических мероприятий, позволит адаптировать законодательство к новым технологическим реалиям, повысит уровень безопасности и вместе с тем снизит административное бремя для участников рассматриваемых отраслей.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026). — М.: Проспект, 2026. — 512 с.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 09.04.2026). — М.: Эксмо, 2026. — 256 с.
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.02.2011 № 11 «О некоторых вопросах применения главы 9 КоАП РФ». — М.: Юридическая литература, 2011. — 24 с.

Административно-правовой статус личности в Российской Федерации и Объединенных Арабских Эмиратах

Остапенко Елизавета Васильевна, студент;

Михайлова Арина Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Максимов Иван Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье проведён сравнительный анализ административно-правового статуса личности в России и ОАЭ. Рассмотрены права, обязанности, ответственность и гарантии граждан, а также положение иностранцев. Выявлены различия между либерально-демократической моделью РФ и традиционной этатистской моделью ОАЭ с опорой на исламские ценности.

Ключевые слова: административно-правовой статус, Россия, ОАЭ, права и обязанности, гарантии, иностранные граждане, сравнительное правоведение.

Административно-правовой статус гражданина представляет собой важный аспект правовой системы, который определяет права и обязанности граждан и иностранных лиц в рамках административного процесса. В условиях глобализации понимание различий и сходств в административно-правовом статусе личности в разных странах становится особенно актуальным. В данной работе рассматриваются Российская Федерация и Объединённые Арабские Эмираты как государства с различными правовыми традициями. Актуальность темы обусловлена необходимостью понимания особенностей административного права в разных странах, что имеет значение как для правозащитников, так и для исследователей в условиях международной миграции и глобальных вызовов.

В Российской Федерации административно-правовой статус гражданина — это установленные законом и иными нормативными правовыми актами права, обязанности и ответственность, обеспечивающие участие гражданина в управлении государством и удовлетворении публичных и личных интересов. Это одна из разновидностей статуса гражданина, реализация которого зависит от действий органов исполнительной власти и их должностных лиц. Данный статус определён Конституцией РФ, законами о свободе передвижения, выезде и въезде, защите прав потребителей, обжаловании действий госорганов, статусе военнослужащих, а также международными актами, влияние которых непрерывно возрастает.

Административно-правовой статус личности включает четыре элемента: права, обязанности, ответственность и гарантии. Права — это система фундаментальных, неотъемлемых прав и свобод, принадлежащих каждому человеку от рождения. В соответствии со статьёй 2 Конституции человек, его права и свободы признаются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — важнейшей обязанностью государства. Согласно статье 32 Конституции РФ, граждане России имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через представителей, а также имеют равный доступ к государственной службе. Эта мысль находит отражение в судебной практике: Постановление

Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2021 года № 16-П подчеркнуло, что участие граждан в отправлении правосудия представляет собой одну из важнейших форм реализации народовластия и должно обеспечиваться надлежащими гарантиями.

Граждане имеют право на объединение для защиты своих интересов (ст. 30), право на проведение собраний, митингов и демонстраций (ст. 31), право обращаться лично и направлять коллективные обращения в государственные органы (ст. 33). В судебной практике есть примеры, когда суды защищали право граждан на проведение публичных мероприятий: в 2021 году Верховный Суд РФ рассматривал дело о несогласованном митинге в Новокузнецке и признал, что городская администрация обязана предложить альтернативное место или время проведения мероприятия. Каждый, кто законно находится на территории России, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, свободно выезжать за пределы России и беспрепятственно возвращаться (ст. 27). Из судебной практики: Определение Верховного Суда РФ от 23 апреля 2024 года по делу № АПЛ24–109 — гражданин отказался от приватизации и снялся с учёта, а позже не смог зарегистрироваться без согласия собственника. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 марта 2024 года № 8Г-5225/2024 — суд указал, что собственник вправе зарегистрировать члена семьи на своей доле без согласия других собственников, если площадь достаточна для проживания.

Граждане России имеют право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение ущерба (ст. 42). Пример — дело, рассмотренное Верховным судом РФ (№ 18-КГ23–214-К4): жители Краснодарского края подали иск о компенсации морального вреда за нарушение права на благоприятную среду, когда ответчик устроил стоянку большегрузов рядом с жилым домом, несмотря на судебный запрет. Верховный суд отметил, что право на благоприятную окружающую среду неразрывно связано с правом на здоровье и относится к неимущественным правам, нарушение которых влечёт компенсацию морального вреда.

Наряду с правами Конституция возлагает на граждан обязанности: платить установленные налоги и сборы (ст. 57), сохранять природу и окружающую среду (ст. 58), защищать Отечество (ст. 59), соблюдать Конституцию и законы, в том числе административно-правовые нормы (ст. 15). Примеры судебной практики по налогообложению: Определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 года № 603-О установило, что обязанность по своевременной уплате налога и ответственность в виде пени за просрочку возложены на налогоплательщика. Определение № 576-О отметило необходимость учитывать нарушение налоговым органом сроков контроля. Определение № 1783-О подчеркнуло право налогоплательщика опровергать доказательства, а определение № 1162-О — возможность скорректировать налоговые обязательства при изменении обстоятельств.

По обязанности защищать Отечество: решение суда по делу № 2А-194/2020 признало незаконным заключение призывной комиссии об уклонении от службы при отсутствии доказательств получения повесток. Определение Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 2544-О и Постановление от 22.05.2018 № 19-П подтвердили конституционность воинской обязанности. При этом не все граждане подлежат призыву: статья 23 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» освобождает признанных ограниченно годными по здоровью, прошедших службу в РФ или другом государстве, участвовавших в добровольческих формированиях, отбывающих наказание, имеющих неснятую судимость и других.

Третий элемент — ответственность. В случае нарушения норм права человек несёт ответственность в зависимости от вида деяния, например, статья 12.9 КоАП РФ «Превышение установленной скорости движения» устанавливает штраф или лишение прав. Судебная практика: Постановление Санкт-Петербургского городского суда от 20.07.2015 № 4а-654/2015 — штраф за непредоставление налоговой декларации по требованию должностного лица (ч. 1 ст. 19.4 КоАП). Постановление судьи Невского районного суда Санкт-Петербурга от 23 января 2023 года — штраф 5000 рублей с административным выдворением за пределы РФ по ч. 3.1 ст. 18.8 КоАП. Постановление Верховного Суда РФ от 22 октября 2018 г. № 88-АД18-2 отменило акты о нарушении порядка рассмотрения обращений за отсутствием состава правонарушения.

Заключительный элемент — гарантии. Статья 46 Конституции гарантирует каждому судебную защиту. В 2020 году Президиум Верховного Суда РФ утвердил «Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с реализацией мер социальной поддержки», который включил 23 правовые позиции: государство и суды должны исходить из принципа максимальной защиты прав граждан. К видам внесудебных административно-правовых гарантий относятся: право Президента приостанавливать акты органов исполнительной власти

субъектов Федерации (ст. 85); право обратиться в органы исполнительной власти, прокуратуру, Комиссию по правам человека при Президенте, к Уполномоченному по правам человека; право на возмещение государством вреда (ст. 53); процессуальный порядок по КоАП; право защищать права всеми способами, не запрещёнными законом (ст. 45); принятие мер к восстановлению нарушенных прав. Вместе с тем на практике встречаются нарушения: несвоевременная выплата зарплат и пенсий, издание незаконных нормативных актов, проблемы с регистрацией и жильём.

Особенности административно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства в России. В соответствии со статьей 62 Конституции они пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором. Судебная практика: дело Нгуен Чонг Хая (2014) — гражданин Вьетнама привлечён к ответственности за нарушение режима пребывания, но суд исключил выдворение, поскольку он проживал в России с женой и ребёнком — гражданами РФ, что противоречит статье 8 Конвенции о защите прав человека. Другой пример — решение Ленинградского областного суда от 02.08.2011 № 7-585/2011: нарушение требования о наличии разрешения на работу является основанием для ответственности по ст. 18.10 КоАП РФ.

Иностранные граждане различаются по цели пребывания: постоянно проживающие, временно пребывающие, транзитные. Постоянно проживающие обязаны получить вид на жительство (ВНЖ) и зарегистрироваться. Порядок получения ВНЖ регламентирован приказом МВД России от 11 июня 2020 № 417: требуется заявление, паспорт с нотариальным переводом, четыре фотографии, подтверждение дохода не ниже прожиточного минимума, документ о праве пользования жильём, медсправка об отсутствии инфекционных заболеваний и ВИЧ, сертификат о знании русского языка, истории и основ законодательства. После получения ВНЖ иностранец обязан в течение 7 рабочих дней зарегистрироваться по месту жительства (госпошлина 1000 рублей). Ежегодно подаётся уведомление о подтверждении проживания. Ответственность наступает на общих основаниях согласно статье 2.6 КоАП РФ, что подтверждается постановлениями Верховного Суда РФ от 12.10.2018 № 91-АД18-3 и от 27.12.2019 № 5-АД19-239. Кроме того, действуют специальные статьи КоАП РФ: 18.8 (правила въезда и пребывания) и 18.11 (нарушения иммиграционных правил).

Переходя к Объединённым Арабским Эмиратам, отметим, что административно-правовой статус гражданина ОАЭ базируется на Конституции, окончательно принятой в 1996 году и состоящей из 152 статей. Статья 25 Конституции устанавливает: «Все люди равны перед законом, без дискриминации между гражданами по признаку расы, национальности, религиозных убеждений или социального положения». Правоведы ОАЭ подчёрки-

вают, что это императивный принцип для всех административных органов. Конституция гарантирует личные права: статья 26 провозглашает личную свободу, запрет пыток и унижающего достоинство обращения; статья 38 устанавливает абсолютный запрет на высылку граждан или политических беженцев, что исключает административное выдворение. Гарантируется свобода совести, защита частной собственности (статьи 21 и 39 — конфискация только по решению суда), право на труд и социальное обеспечение. Ключевым правом является право на обжалование административных решений: статья 41 Конституции предоставляет каждому человеку право обращаться к компетентным органам власти и в суды. Федеральный верховный суд ОАЭ подчеркнул, что ни одно административное решение не является иммунным от судебного пересмотра.

Обязанности гражданина ОАЭ неразрывно связаны с правами. Статья 42 обязывает уплачивать налоги и публичные сборы, статья 43 провозглашает защиту Отечества священным долгом, а прохождение военной службы — честью, регулируемой законом. Статья 44 требует уважения Конституции, законов, публичного порядка и морали. Также граждане обязаны уважать права других лиц.

Механизмы защиты включают досудебное административное обжалование: жалоба подаётся в орган, издавший решение, или вышестоящий орган, который обязан рассмотреть её в течение 60 дней; молчание считается отказом. Судебный порядок: иск об отмене административного решения может быть подан в течение 60 дней с даты уведомления о нём. В соответствии со статьёй 102 Конституции и статьёй 25 Закона № 11 от 1992 года о гражданском судопроизводстве, все иски частных лиц против Федерального правительства подлежат исключительному рассмотрению Федеральным судом первой инстанции. Судебная практика выработала пять оснований для признания решения недействительным: недостаток компетенции, нарушение процедуры, отсутствие оснований, несоответствие правовым последствиям, отсутствие публичного интереса. При этом за администратором признаются дискреционные полномочия, но судебный контроль жёстко ограничивает их произвольное использование.

Правоведы ОАЭ отмечают, что административно-правовой статус формируется под влиянием как современных правовых концепций, так и традиционных исламских ценностей. Обязательства проистекают из личных прав: право на жизнь порождает обязанность не причинять вред, право собственности — обязанность не красть. Правовая система представляет собой синтез романо-германских традиций и принципов шариата, который подчёркивает справедливость и сострадание.

Регулирование статуса иностранных граждан в ОАЭ осуществляется Законом об иммиграции и резидентстве (Федеральный закон № 6 от 1973 года), Законом о трудовых отношениях (№ 33 от 2021 года), Законом о противодействии онлайн-преступлениям (№ 34 от 2021 года). Для граждан ОАЭ действует Федеральный закон № 17 от

1972 года «О национальности и паспортах». Иностранцы также имеют права, обязанности, ответственность и гарантии. Например, уплата НДС регулируется Федеральным законом № 8 от 2017 года, гарантии включают доступ к суду (Гражданско-процессуальный кодекс). Ответственность установлена, в частности, статьёй 315 Уголовного кодекса ОАЭ, которая карает арестом и штрафом за осквернение религиозных верований.

Практические примеры из ОАЭ: дело № 2019/321, рассмотренное Апелляционным судом Дубая. Гражданин Индии, бывший сотрудник международной организации, оспорил запрет на выезд, введённый работодателем после увольнения. Основанием был иск компании о взыскании 350 000 дирхамов. Суд первой инстанции отказал, но Апелляционный суд обязал истца предоставить банковскую гарантию в размере 50 % от суммы иска (175 000 дирхамов) и постановил снять запрет. Этот прецедент показывает, что судебная система ОАЭ может эффективно защищать права лиц независимо от их гражданства. Противоположный пример — дело Ахмеда Мансура, правозащитника и блогера. В 2018 году он был приговорён к 10 годам тюрьмы за публикации в социальных сетях, в которых осуждал нарушения прав человека правительством ОАЭ. Власти сочли информацию ложной, а критику — подрывающей репутацию государства. Мансура лишили возможности получить юридическую помощь, дело рассматривалось за закрытыми дверями. Этот пример иллюстрирует, что в ОАЭ под прикрытием религии и моральных устоев могут вводиться суровые наказания за действия, которые считаются недопустимыми для власти, даже если формально система правосудия является эффективной.

Подводя итог, следует подчеркнуть существенные различия в административно-правовом статусе граждан России и ОАЭ. В России формально действует либерально-демократическая модель, где права и свободы человека считаются наивысшей ценностью. Закреплены широкие политические права, существуют механизмы судебной и внесудебной защиты, включая Уполномоченного по правам человека. Однако на практике реализация этих прав иногда сталкивается с ограничениями (проблемы регистрации, выдворение мигрантов, административные барьеры для публичных мероприятий). В ОАЭ статус гражданина базируется на традиционной этатистской модели, где приоритет отдается государству, династиям и религиозным нормам. Индивидуальные права, особенно политические и гражданские, уступают место стабильности, безопасности и сохранению традиций. Государство в ОАЭ не просто регулирует права, но и определяет их суть, исходя из собственных интересов. Для иностранцев обе страны устанавливают особые режимы, но в ОАЭ коммерческие споры могут решаться эффективно даже для неграждан, тогда как в России иностранцы часто подвергаются административному выдворению. Понимание этих различий важно для правозащитной деятельности и международного сотрудничества.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации — Режим доступа: <https://pravo.gov.ru/constitution>
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1.
3. Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации».
4. Закон РФ от 25 июня 1993 г. «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации».
5. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».
6. Федеральный закон от 9 января 1996 г. «О защите прав потребителей».
7. Закон РФ от 27 апреля 1993 г. «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан».
8. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. «О статусе военнослужащих».
9. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. «О воинской обязанности и военной службе» (с указанием статьи 23 об основаниях освобождения от призыва).
10. Закон СССР от 24 июня 1981 г. «О правовом положении иностранных граждан в СССР» (действует в части, не противоречащей законодательству РФ).
11. Правила транзитного проезда иностранных граждан через территорию СССР от 10 мая 1984 г.
12. Правила пребывания иностранных граждан в СССР от 26 апреля 1991 г.
13. Приказ МВД России от 11 июня 2020 г. № 417 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство в Российской Федерации».
14. Конституция Объединённых Арабских Эмиратов (окончательно принята в 1996 г., 152 статьи).
15. Федеральный закон № 6 от 1973 года «Об иммиграции и резидентстве».
16. Федеральный закон № 17 от 1972 года «О национальности и паспортах».
17. Федеральный закон № 8 от 2017 года «О налоге на добавленную стоимость (НДС)».
18. Федеральный декрет-закон № 33 от 2021 года «О трудовых отношениях».
19. Федеральный декрет-закон № 34 от 2021 года «О противодействии онлайн-преступлениям».
20. Федеральный закон № 11 от 1992 года «О гражданском судопроизводстве» (особенно ст. 25).
21. Федеральный закон № 3 от 1987 года «Уголовный кодекс ОАЭ» (ст. 315).
22. Закон о личном статусе ОАЭ (2024 г., упоминается ст. 1 и ст. 4).
23. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.
24. Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека (вступила в силу для РФ 11 августа 1998 г.).
25. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 8 — право на уважение частной и семейной жизни).
26. Ахметов И. И. Административно-правовой статус гражданина РФ // Вестник магистратуры. — 2021. — № 5–3 (116). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovoy-status-grazhdanina-rf> (дата обращения: 09.02.2026).
27. Шулежко В. И. Понятие административно-правового статуса гражданина Российской Федерации // Наука и современность. — 2017. — № 51. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-administrativno-pravovogo-statusa-grazhdanina-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 10.02.2026).
28. Керимова С. Н., Билалов Н. М. Роль внесудебных гарантий в реализации прав граждан в Российской Федерации // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. — 2018. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vnesudebnyh-garantiy-v-realizatsii-prav-grazhdan-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 09.03.2026).
29. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2021 г. № 16-П.
30. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 мая 2018 г. № 19-П.
31. Определение Конституционного Суда РФ от 23 ноября 2017 г. № 2544-О.
32. Определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 г. № 603-О.
33. Определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 г. № 576-О.
34. Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2024 г. № 1783-О.
35. Определение Конституционного Суда РФ от 30 мая 2024 г. № 1162-О.
36. Определение Верховного Суда РФ от 23 апреля 2024 г. по делу № АПЛ24–109.
37. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 марта 2024 г. по делу № 8Г-5225/2024.

38. Решение Верховного Суда РФ по делу № 18-КГ23–214-К4 (жители Краснодарского края — компенсация морального вреда за нарушение экологических прав).
39. Постановление Верховного Суда РФ от 22 октября 2018 г. № 88-АД18–2.
40. Постановление Верховного Суда РФ от 12 октября 2018 г. № 91-АД18–3.
41. Постановление Верховного Суда РФ от 27 декабря 2019 г. № 5-АД19–239.
42. Постановление Санкт-Петербургского городского суда от 20 июля 2015 г. № 4а-654/2015 по делу № 5–639/2014–4.
43. Постановление судьи Невского районного суда Санкт-Петербурга от 23 января 2023 года (ч. 3.1 ст. 18.8 КоАП РФ).
44. Решение суда по делу № 2А-194/2020 (об оспаривании заключения призывной комиссии).
45. Решение Ленинградского областного суда от 2 августа 2011 г. № 7–585/2011.
46. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 1998 г. (факты нарушений: несвоевременная выплата зарплат, пенсий, издание незаконных актов, нарушение жилищных прав, прав на регистрацию и др.).
47. «Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с реализацией мер социальной поддержки отдельных категорий граждан» (утверждён Президиумом Верховного Суда РФ в 2020 г., 23 правовые позиции).
48. Публикации судебных решений Дубая // Официальный портал Правительства Дубая — URL: <https://www.dc.gov.ae/PublicServices/LatestVerdicts.aspx?lang=en> (дата обращения: 20.10.2025). [Приведены дело № 2019/321 Апелляционного суда Дубая — о запрете на выезд гражданина Индии, а также практика Федерального верховного суда ОАЭ о неподсудности административных решений судебному пересмотру.]
49. Amnesty International. Отчёт по делу Ахмеда Мансура (ОАЭ, 2018 г.) — осуждение правозащитника к 10 годам лишения свободы с нарушением права на справедливое судебное разбирательство.
50. Human Rights Watch. Доклады о ситуации с правами человека в Объединённых Арабских Эмиратах (включая дело Ахмеда Мансура).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 18 (621) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 13.05.2026. Дата выхода в свет: 20.05.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.